

Валентин ЛУКИН

ПИТОМЦЫ ВОЛЖСКИХ БЕРЕГОВ

Рассказы о Чкаловских художниках

Нижний Новгород
2005

Книга издана на личные средства
Почетного гражданина
Нижегородской области и
Чкаловского района Героя Советского Союза
КЛОЧКОВА Владимира Васильевича.

Владимир Васильевич Ключков родился в 1924 году в г.Чкаловске.

В июне 1942 года В.В. Ключков окончил Чкаловскую среднюю школу №4, а в августе он был направлен в Горьковское танковое училище. Окончив его в мае 1943 года, он стал командиром танка Т-34 и в составе маршевой роты прибыл на степной фронт. В начале октября 1943 года его танк в числе первых форсировал Днепр и вел бой за расширение плацдарма. В этих боях экипаж "тридцатьчетверки" участвовал в отражении 19 контратак и в одном из боев уничтожил 6 танков, 2 бронетранспортера, 2 противотанковых пушки и несколько десятков солдат и офицеров противника.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 декабря 1943 года В.В. Ключкову было присвоено

звание Героя Советского Союза.

В боях он был трижды ранен. В 1944 году командир танкового взвода В.В.Ключков освобождал Белоруссию и Латвию. Войну закончил в Берлине командиром танковой роты.

В мае 1945 года В.В.Ключков был направлен в Военную академию бронетанковых и механизированных войск. После ее окончания преподавал в танковом училище, затем несколько лет служил на командных и штабных должностях в войсках, а последние годы был начальником кафедры в Военном институте РВСН.

В.В. Ключков - полковник в отставке, кандидат военных наук, доцент, опубликовал более 70 научных трудов.

С 1979 года пенсионер Министерства обороны.

В 2001 году приехал на родину в г.Чкаловск на постоянное жительство.

Всю свою жизнь я был равнодушен к литературе, сценическому творчеству, но больше всего мне было по душе изобразительное искусство и, в частности, живопись.

С детских лет мне были хорошо знакомы и художники-земляки А.М. и С.М. Каманины, Н.А. Маркин, А.М. Вагичев, С.П. Алексеев. Дружил с художником-оформителем рабочего клуба им. Я. Петрова Леонидом Заяркиным. Часами смотрел, как он создавал панно, писал лозунги, плакаты и декорации, а вечерами под его фортепьянные импровизации смотрели немое кино. Помню, как ходил в только что отремонтированную столовую-ресторан на Базарной площади, залы которой были расписаны пейзажами на тему "Времена года". Писали их братья Честкины, дети известнейшего в Василево маляра Трофима Честкина.

Меня всегда интересовало творчество художников-земляков, и радостно было встретить их имена в статьях газет и журналов или увидеть знакомые фамилии в титрах кинофильмов.

Был я посетителем и первой в Чкаловске художественной выставки в 1952 году. Это было событие! Около 250 картин были представлены чкаловцам. Большая часть представленных работ - полотна художников-земляков.

В какие бы места, в какой бы город не забрасывали жизненные обстоятельства, я прежде всего шел в художественный музей, в картинную галерею.

По возвращении на постоянное местожительство на свою родину мне было приятно узнать о том, что традиции изобразительного искусства в Чкаловске продолжают развиваться. За это время посетил все выставки, организованные выставочным залом им. А.М. Каманина. Горжусь тем, что мы имеем постоянно действующий выставочный зал, своего рода, пусть небольшую, "третьяковскую галерею". Не так уж много в стране городов, тем более районного уровня, которые могут похвастаться наличием подобного учреждения культуры.

Когда возникла мысль об издании книги о чкаловских художниках, я с удовлетворением поддержал ее и нашел возможным оказать материальную помощь, как сейчас говорят, в реализации этого проекта.

Пусть наш труд послужит увековечению памяти людей беззаветно преданных искусству, влюбленных в свой край и его природу и, кто как мог, воспевавших этот край на своих полотнах. Пусть эта книга послужит хорошим примером для неиссякаемого источника одаренных людей, которыми так богата чкаловская земля.

В. Клочков

*Ты, Родина,
и только ты,
Вся - изначально
и доныне -
Моя надежная твердыня,
Исток любви и красоты.*

В. Шамиурин

ПИТОМЦЫ ВОЛЖСКИХ БЕРЕГОВ

Известно, с какой трепетной любовью относился к своим родным местам, к Волге, к дорожному с детства Василеву наш знаменитый земляк В.П.Чкалов.

Когда к нему в Василево приезжали в гости друзья, он выводил их на балкон родительского дома, стоявшего на самом волжском крутояре, показывал на мреющие в золотистой дымке заволжские дали, на острова и песчаные косы и с каким-то особым душевным волнением говорил: "Левитан. Смотри - всюду Левитан!.."

Действительно, старинное Василево, ставшее с 1937 года называться Чкаловском, располагалось в замечательном, уникальном по природному окружению местечке, каких не так уж и много было на Волге. Еще в седой древности основанное поселение занимало низинный мыс при впадении реки Санахты в Волгу. За Санахтой высилась одетая в шубу соснового леса Покровская гора, с другой стороны - выше по течению Волги - также возвышался увенчанный церквями крутояр Воскресенской горы. Посредине плеса Волги, чуть выше и чуть ниже Василева, изумрудными ящерками грелись под солнцем два острова - Верхний и Нижний.

Живописен, уютен был и сам поселок с его лепившимися по берегу Волги старинными улочками. Все это навсегда исчезло с лица земли с образованием Горьковского водохранилища. А жаль!..

Красота окружающей природы исподволь влияла на умонастроение, на восприятие жизни, на отношение друг к другу и к миру живших здесь людей. Красота здешних мест с детских лет формировала благоговейное отношение к природе, а в наиболее чутких, чувствительных душах - предрасположенность и дар к изобразительному искусству. Иначе чем же объяснить этот феномен, что в таком маленьком провинциальном местечке как Василево - Чкаловск у многих ребят-подростков возникала, неведомо откуда появлялась неодолимая

устремленность и мечта - непременно стать художником. Эта страсть и предрасположенность к рисованию, к художеству передавалась, как эстафета, от поколения к поколению, наиболее одаренные получали художественное образование, кого-то одержимость и настойчивость выводила на большую дорогу искусства. С годами художественные традиции в Чкаловске утверждались все более и более прочно. И хотя говорить о каком-то едином сформировавшемся здесь художественном стиле или направлении, наверное, излишне, несомненно одно - большинство художников-чкаловцев объединяет тяготение к лирическому пейзажу, тяготение к этой по-матерински ласковой земле, подарившей дар бесценный - дар художника.

Ну, а все-таки, с чего же все это началось, что явилось первым побудительным толчком к такой довольно распространенной увлеченности изобразительным искусством?

В конце XIX - начале XX столетия в Василево прибывало много новых людей, приезжавших сюда, чтобы устроиться на работу в здешние судоремонтные мастерские. В их числе был и Владимир Иванович Чупрунов, приехавший сюда из Павлова. В мастерских он работал на разных должностях - мастером кузнечного участка, техником-чертежником, архитектором. И ничем бы, наверное, не выделялся среди других служащих затона, если бы не одна особенность - все свободное время он отдавал горячо любимому занятию, рисованию. Рисовал Волгу и волжские суда, жителей Василева и его удочки, окрестности села. В молодости В.И. Чупрунову довелось немного поучиться в Петербургской академии художеств, но из-за материальных трудностей окончить ее не удалось.

Вот он-то, Чупрунов, и стал первым миссионером изобразительного искусства в Василеве.

С 1918 года В.И. Чупрунов наряду с работой в затоне стал преподавать черчение и рисование в Василевской школе второй ступени. Свою страстную, беззаветную любовь к рисованию и искусству он сумел передать наиболее способным ученикам, среди которых были братья Александр и Сергей Каманины, Николай Беспалов, Виктор Богданов. Всем им он давал по окончании школы добрые напутствия.

А.М. Каманин в 1928 году уехал из Василева в Н.Новгород, стал работать художником-оформителем при клубе завода "Красное Сормово", но непрерывно, настойчиво и упорно работал над повышением своего художественного мастерства. В 1936 году он был принят в Товарищество художников и вступил на путь профессионального искусства.

Его младший брат Сергей в начале 1930-х годов будучи 15-летним пареньком уже руководил в Василеве изокружком при рабочем клубе им. Я. Петрова. Вскоре С. Каманин по путевке затонкома профсоюзом поехал поступать в Ярославское художественное училище. Он был первой ласточкой, первым вылетевшим из родного гнезда для того, чтобы получить специальное художественное образование.

Занятия в организованном им в Василеве изокружке продолжались и давали свои результаты. Кроме того, в начале 1930 годов в по-

селке была построена и открыта средняя школа, где рисование уже как программный предмет вел замечательный педагог и художник Н.В. Павинский. Сам в эти годы очень активно занимавшийся творчеством, он умел зажечь искру любви к рисованию в душах ребят и дать им хорошую подготовку и знания.

Результаты не замедлили сказаться. В середине 30-х годов по примеру С. Каманина в художественное училище поступают Владимир Ершов, Борис Честкин, Виктор Середкин, Леонид Заяркин, Софья Ковалевская, Константин Частов, Семен Алексеев и другие. Большинство по проторенной дороге шли в Ярославское училище, но некоторые учились и в Саратовском, Костромском училищах. В Горьком в те годы художественного училища не было.

В предвоенные годы в Ярославское художественное училище поступают Н. Маркин, А. Вагичев. Упомянутые же чуть выше художники чкаловцы, получив образование, работали в разных местах, многие хотели учиться дальше.

Но все их планы нарушила война. Война оторвала от занятий в училище А.М. Вагичева. Н.А. Маркин, закончив учебу в сентябре 1941-го, приступил к работе в качестве учителя рисования и черчения в Чкаловской средней школе, а в декабре этого же года отправился на фронт.

Многие из художников-чкаловцев (В. Середкин, Б. Честкин, К.Частов) погибли в боях за Родину на фронтах Великой Отечественной. Уже после войны погиб при исполнении служебных обязанностей В.М. Ершов.

В 1943 году после ранения под Сталинградом возвращается в Чкаловск Н.А. Маркин. Сначала работает художником-оформителем в Доме культуры, а затем переходит в музей В.П. Чкалова на должность научного сотрудника. В 1948 году они вместе с А.М. Вагичевым по рекомендации и при поддержке С.М. Каманина, в то время уже работавшего старшим преподавателем ВГИКа, поступают на художественный факультет этого института.

В 1945 году также после ранения и после длительного лечения в госпитале вернулся в Чкаловск и стал работать учителем рисования и черчения средней школы С.П. Алексеев. До поступления Н.А. Маркина в институт они часто вместе ходили на этюды, участвовали в областных художественных выставках.

В послевоенные годы наряду с учебными занятиями С.П. Алексеев ведет еще и в школе, и в Доме культуры изокружки. Он и сейчас с удовольствием вспоминает, как возглавляемая им дружная семья кружковцев с наступлением теплого времени отправлялась на этюды на пленэр.

В 1951 году С.М. Каманин, как уже говорилось, работавший старшим преподавателем художественного факультета ВГИКа, проявил инициативу, чтобы привезти на практику в родной Чкаловск группу студентов-вгиковцев.

Будущие художники, студенты третьего и четвертого курсов, уже очень хорошо овладевшие техникой рисунка и живописи, работали неутомимо, с молодым темпераментом. И всегда за их работой вос-

хищенно наблюдали человек пять-шесть, а то и целая ватага чкаловских мальчишек.

По окончании практики в Чкаловске была устроена большая, хорошая выставка студенческих работ. В этих небольших по размеру этюдах и рисунках была запечатлена поэзия и неброская прелесть тихих уютных улочек и переулков, красота приволжского раздолья.

Для чкаловских ребят-кружковцев такое тесное и непосредственное соприкосновение с художественным творчеством, когда можно было хоть каждый день смотреть, как пишут без пяти минут художники высшего класса, явилось мощным стимулом для подготовки и поступления в художественное училище. Будто костер на ветру, у многих ребят разгорелось в то лето страстное желание учиться живописи. И действительно, вскоре в Горьковское художественное училище поступают Виктор Березин, Борис Емелин, Валентин Пеназдинков, Виктор Свешников, Юрий Соколов.

Большим, надолго запомнившимся событием в художественной жизни Чкаловска стала организованная летом 1952 года в районном Доме культуры выставка произведений художников - уроженцев Чкаловска. Она была приурочена к 15-летию переименования поселка Василево в Чкаловск. Участниками выставки были трое Каманиных: А.М. Каманин, к тому времени уже прочно утвердивший себя как один из ведущих художников - пейзажистов г. Горького, С.М. Каманин, неоднократный участник выставок Союза московских художников и сын А.М. Каманина Михаил, только что окончивший среднюю художественную спецшколу при Московском художественном институте им. Сурикова, в тот период абитуриент этого института.

В выставке принимали участие С.П. Алексеев, студенты ВГИКа Н.А. Маркин и А.М. Вагичев. Седьмой участник выставки О.П. Ключкин только что окончил Горьковское художественное училище. Были представлены здесь и работы старейшего, первого художника Василева В.И. Чупрунова.

На выставке экспонировалось 223 работы. Они занимали весь третий этаж Дома культуры. Это был своего рода смотр сил художников-чкаловцев, питомцев волжских берегов, и, надо сказать, что производил он весьма внушительное впечатление. А ведь участников выставки могло быть и вдвое больше. В ней не смогли принять участие те, кого судьба в послевоенное время забросила слишком далеко от Чкаловска, в ней не смогли принять участие погибшие на войне...

Тем временем изостудия при Доме культуры продолжала жить полнокровной жизнью. И снова - наиболее талантливые из студийцев выбирали для себя этот трудный путь, путь в профессиональное искусство. Так, один из активных студийцев В. Яковлев поступил потом в Горьковское художественное училище, а после него - в Харьковский институт декоративно-прикладного искусства. Понятно, что профессиональными художниками становились далеко не все. Это и невозможно, и не нужно. Однако, многие студийцы любовь к искусству, увлеченность рисованием сохранили на всю жизнь.

В конце пятидесятых годов С.П. Алексеев стал вести изокружок в городском Доме пионеров, а в Доме культуры самодеятельные ху-

дожники занимались под руководством М. Аверина, окончившего Павловское училище художников-металлистов. Нет, ни на один год не затухал в Чкаловске огонек любви к изобразительному искусству!

В 1970 году Горьковское художественное училище окончил В.Е. Виноградов. Вернувшись в Чкаловск, долгое время работал художником-оформителем в районном Доме культуры, художником-постановщиком в Чкаловском народном театре. Несколько лет работал преподавателем детской художественной школы. Наконец, вторым домом для него стал Дворец культуры и спорта, где он работает и по сей день. Много времени и сил отдал В.Е. Виноградов кружковой работе со школьниками, стараясь в каждом из кружковцев выявить и развить творческую жилку. Один из его воспитанников А.Заварихин успешно окончил Палехское художественное училище лаковой росписи.

В семидесятые годы в Чкаловске первым секретарем райкома КПСС работал Н.М. Мочалин. С детских и юношеских лет страстно влюбленный в изобразительное искусство, он, несмотря на занятость ответственной работой, интенсивно занимается творчеством, год от года совершенствует свое мастерство. Не без его содействия и поддержки в это время вновь оживает выставочная деятельность в районном Доме культуры: с персональными выставками выступают все трое Каманиных, Н.А. Маркин, С.П. Алексеев, В.Е.Виноградов. Устраивает выставку своих работ и сам Н.М. Мочалин.

В 1977 году в Чкаловске открылась детская художественная школа. За истекшие годы немало способных, талантливых мальчишек и девчонок прошли через нее, получили начальные навыки и знания в изобразительном искусстве. Некоторые из них после школы окончили художественные училища, получили профессию педагога или художника-прикладника. Нынешняя заведующая художественным отделением ДШИ Л.В. Малиничева сама в прошлом ее ученица.

Имен художников-чкаловцев перечислено много, но все же многие остались и неназванными. Так, в пятидесятые годы художественное образование получили Ю. Ясашин и Ю. Левичев. В семидесятые годы Горьковское художественное училище окончил А.Н. Рябинин. В настоящее время он член Союза художников России. Живет в И.Новгороде, но часто для творческой работы приезжает в Чкаловск.

Всех вспомнить и назвать трудно...

И во все времена, во все годы душой и опорой, вдохновителем и помощником чкаловских художников был А.М. Каманин, являясь как бы двигателем всех добрых начинаний и дел... Он долго вынашивал идею о создании в Чкаловске картинной галереи. В 1982 году был сделан в этом направлении первый шаг - горьковские художники подарили чкаловцам более 80 произведений живописи, графики, скульптуры.

Однако в силу различных - и объективных, и субъективных - причин эти работы не стали тем ядром, вокруг которого начала бы формироваться экспозиция галереи. К концу 1980-х годов окончательно вызрела мысль о том, что в основу картинной галереи должно лечь творчество художников - чкаловцев, только тогда она будет представ-

дять интерес как для местных жителей, так и для приезжих туристов, гостей города. После довольно длительных и настойчивых ходатайств, после ряда мер, направленных к осуществлению этой идеи, в 1989 году в районном Доме культуры был открыт выставочный зал, а в 1994 году, наконец, была сформирована и открыта картинная галерея имени А.М. Каманина, в экспозиции которой достаточно полно нашло отражение творчество художников-земляков.

Познакомить с творчеством наиболее ярких представителей плеяды художников-чкаловцев, тех, кто родился здесь, в Василеве - Чкаловске, или чье творчество было тесно связано с нашим краем, рассказать о том, чем же каждый из них интересен как художник, является целью настоящего издания.

Эти короткие рассказы не претендуют на полноту и профессионализм искусствоведческого исследования. Это - дань признательности тем людям, большинство из которых я знал, с которыми дружил или дружу и по сей день, которые были спутниками, добрыми товарищами в течение всей моей жизни. Это художники разных масштабов дарования, разных темпераментов, но всех их объединяет одно качество - беспредельная преданность и бескорыстное служение горячо любимому искусству.

**ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ
ЧУПРУНОВ**
1860 - 1928 гг.

Родился в г. Павлово Нижегородской губернии. Окончил один курс Петербургской академии художеств. С 1903 года жил в с.Василево (ныне Чкаловск), работал в здешнем затоне мастером кузнечного участка, техником-чертежником, выполнял различные архитектурные проекты. С 1918 года преподавал рисование и черчение в Василевской сельской школе. Постоянно занимался рисованием и живописью как художник-любитель.

В мемориальном музее В.П. Чкалова, в его фондах, хранится старая фотография, наклеенная на пожелтевшее от времени паспарту с вензелями по углам. Фотография помечена 1908 годом, внизу надпись: "Служащие Василевского казенного затона МПС". В тот год затону, основанному в 1883 году, исполнилось четверть века, и служащие в ознаменование юбилея, видимо, и решили сфотографироваться на крыльце затонской конторы. В числе служащих - небольшого роста, с аккуратно, клинышком подстриженной бородкой, с взглядом внимательным и острым - кузнечный мастер Владимир Иванович Чупрунов.

В затоне Владимир Иванович был человеком уважаемым, некоторое время он работал мастером кузнечного участка, затем техником-чертежником, выполнял различные архитектурные проекты. А все свободное от работы время он отдавал страстно любимому делу - рисованию и был в то время первым и единственным из жителей села, кто живописью и рисованием занимался систематически и всерьез. Этот самообытный и разносторонне одаренный человек был одним из тех людей, что составляли своеобразный культурный пласт провинциального села Василева с его веками сложившимся патриархальным бытом.

Однако Чупрунов не был уроженцем села, а был человеком приезжим. Родился он в Павлове-на-Оке в 1860 году. Семья была большая, Владимир был старшим. Рисовать любил с малолетства. В юности, поскольку имел способности к рисованию, освоил традиционное для Павлова граверное мастерство. Однако занятий рисованием не бросал. Его способности заметил, как это раньше бывало, академик Петербургской академии художеств, проездом на

несколько дней останавливавшийся в Павлове. Он посоветовал молодому человеку ехать в Петербург учиться живописи, а для начала поступить на подготовительные курсы при академии, что и было сделано.

Через год Чупрунов уже учился на первом курсе Академии художеств. Однако проучился там всего один год. Пришла печальная весть, умер отец. Большая семья Чупруновых осталась без кормильца. Денег, чтобы платить за учебу в академии, не было.

Владимир Иванович вернулся в Павлово, остался за старшего в семье. Принялся за прежнее свое ремесло, приходилось помогать младшим братьям. Здесь же, в Павлове, освоил он, видимо, и кузнечное дело.

И вот в 1903 году Чупрунов вместе с семьей, с женой и дочерью, приезжает в Василево. К тому времени его братья, видимо, встали уже на свой жизненный путь. В Василево после того, как здесь были открыты казенные мастерские по ремонту дноуглубительного флота, или попросту затон, приезжало много новых людей с целью устроиться на работу, так как заработки здесь были сравнительно неплохими.

Некоторое время В.И. Чупрунов работал в затоне кузнечным мастером, но поскольку у него были незаурядные способности к архитектурному проектированию, то впоследствии он был переведен в контору на должность техника-чертежника. В фондах музея В.П. Чкалова хранится объемистая папка с выполненными им архитектурными проектами зданий, цехов и различных сооружений для затона и рабочего поселка. Вычерчены они с удивительнейшей аккуратностью и изяществом.

В 1913 году, в год 300-летия дома Романовых, в затоне надо было построить триумфальную арку в честь этой знаменательной даты. Вот тут уж Владимир Иванович расстарался, употребил в дело всю свою фантазию и талант. Сохранились до наших дней и выполненный Чупруновым проект, и фотографии построенной по этому проекту арки.

В.И. Чупрунов по каким-то причинам не хотел строить собственный дом, видимо, не желал обременять себя лишними заботами, поэтому снимал для семьи квартиру у жителей села. У Владимира Ивановича в комнате, где он квартировал, за шкафом была спрятана огромная папка с тесемками, где хранились его рисунки, в том числе и академические, выполненные на жестких, как кость, пожелтевших от времени листах ватмана. Это были оттушеванные растушкой рисунки с гипсовых слепков голов Аполлона, Севера, Диодомена. В углу комнаты стоял большой, стационарный мольберт. И вот, когда позволяли погода и время, Чупрунов выносил этот тяжеленный мольберт на улицу на задворки дома и там, под открытым небом писал акварелью, рисовал тушью пером, а то и просто карандашом покосившиеся старые сарайчики с прикрепленными к ним скворешнями, рисовал деревья и кусты, листочки и цветочки. Кстати, листочки и цветочки различных деревьев, кустарников и трав наклеивал на отдельные листы бумаги

и таким образом собирал гербарий, или, как сам он его именовал, "гербарium".

На все это соседи-односельчане смотрели с удивлением и изумлением, как на некое непостижимое уму чудачество, однако Владимира Ивановича любили и уважали, видя и чувствуя в нем "искру божью". По праздникам и в выходные дни Владимира Ивановича приглашали в гости, но в гостях он выпивал один лишь стакан чаю, а потом садился в укромный уголок и зарисовывал в карманный альбомчик всех присутствующих.

"Владимир Иванович! Иди в карты играть! Поужинай с нами, рюмочку выпей!"

Тот отвечает: "Вам ведь в карты-то играть от скуки, от нечего делать. А мне не скучно, я делом занят!"

Так и просидит весь вечер.

И до наших дней сохранилось несколько таких вот карманных альбомчиков Чупрунова. По-видимому, он делал и переплетал их сам. Лицевая обложка такого альбома обязательно снабжена затейливыми выцветками с инициалами автора и датами начала и окончания сделанных в нем зарисовок. Кроме набросков односельчан, на листах этих альбомчиков можно увидеть и зарисовки судов, пароходов и барок, стоявших в затоне, зарисовки различных жанровых сценок, улиц и зданий села, окрестных деревень. Почти все они подмечены жидко размытой акварелью, а затем прорисованы тушью тонким перышком.

Опушка леса

В такой же технике, но только еще более тщательно, выполнены и акварели гораздо большего размера, которые являются уже законченными художественными произведениями. На их выполнение В.И. Чупрунов тратил, по-видимому, немало времени и

труда. Лучшие из них заключены в папарту под стекло и в рамы добротного старинного багета. Те из них, что находятся в экспозиции музея В.П. Чкалова и выставочного зала, и сегодняшнего зрителя приводят в восхищение ювелирной тщательностью проработки деталей. Не зря же в юности он был мастером-гравером! Темы этих акварелей - виды старого Василева с церквями и базарами, с его уютными улочками и переулками. Это и Волга с караванами судов, запечатленная то ночью, то вечером, то во время весеннего разлива, это и различные жанровые сюжеты.

Владимир Иванович с особым благоговением относился к русской старине. На отдельные листы из старинных рукописных церковных книг он старательно перерисовывал орнаментизированные заставки и концовки, замысловатые буквицы. В его карманных путевых альбомчиках много зарисовок церквей, церковных ворот и оград, часто подверженных уже разрушению, придорожных часовен, коих немало было прежде в окрестных деревнях и селах. Среди рисунков встречаются и продукты его фантазии - монастыри с монахами и монашками, некие сцены античной жизни...

Время от времени Владимир Иванович затевал и картины довольно большого размера и писал их уже масляными красками. Их сохранилось не так уж много - видимо, раздавал, дарил друзьям-приятелям. А сюжеты этих картин все те же - портреты односельчан, Волга с пароходами и барками, окрестности села.

Провинциальный художник Владимир Иванович Чупрунов всю жизнь сожалел, что ему не удалось окончить Академии. И все-таки он через всю жизнь пронес трепетную любовь к искусству. Как мог, как умел, стремился он отобразить, запечатлеть окружающую его жизнь и людей. И вот сейчас, перелистывая его альбомчики, просматривая листы акварелей, как бы переносишься на целое столетие назад. В этих, может быть, несколько наивных, но с большой любовью сделанных рисунках так и чувствуется воздух, своеобразный аромат того времени, вы как бы невольно погружаетесь в атмосферу жизни и быта старинного поволжского села, каким была Василева слобода.

Рисунки В.И. Чупрунова сейчас имеют и огромную этнографическую ценность. По ним наглядно видно, как выглядели наши деды и прадеды, во что одевались, чем занимались.

На этом можно было бы, наверное, и закончить очерк о В.И. Чупрунове, скромном сельском рыцаре искусства. Однако существует такая крылатая фраза: "Учитель, воспитай ученика!" И вот напоследок надо все-таки рассказать и о педагогическом поприще Владимира Ивановича.

Дело в том, что в 1917 году в Василеве была открыта школа второй ступени, программа обучения в ней была близка к нынешней средней школе. И вот в эту школу В.И. Чупрунова пригласили по совместительству с основной работой в затоне преподавать черчение и рисование. Занятия проходили два раза в неделю, черчение было обязательным предметом, а на уроки рисования ходили только

желающие. На первом же уроке Чупрунов сказал: "Кто желает заниматься рисованием серьезно, тот пусть приходит, а кто не желает - пусть не мешает".

Желающих набралось девять человек, среди них были Александр Каманин, Евгений Боев, Виктор Богданов. Богданов был очень способным рисовальщиком. Он любил рисовать карикатуры - на школьных товарищей, на учителей, нередко и на самого Владимира Ивановича. Тот никогда не обижался, а только говорил: "Продолжай в том же духе".

Богданов принимал активное участие в выпуске классных иллюстрированных журналов-альманахов, в рассказах, стихах и рисунках, отражающих школьную жизнь. Идея выпуска таких журналов принадлежала опыту-таки В.И. Чупрунову.

Впоследствии Богданов окончил Всесоюзный государственный институт кинематографии, работал на киностудии "Ленфильм" оператором, художником-постановщиком. Был замечательным рисовальщиком. Погиб в дни блокады Ленинграда.

Не оказались напрасными уроки рисования и для Е.М. Боева. Он окончил Ленинградский государственный университет и в 1940 году стал первым директором музея В.П. Чкалова. Экспозицию приходилось создавать заново, хотелось сделать так, чтобы она была образной, запоминающейся на годы. Унаследовав от отца мастерство столяра-краснодеревщика, Боев сам изготовлял музейное оборудование, витрины, планшеты, рамки. Вот тут-то и пригодился художественный вкус, приобретенный на уроках Чупрунова.

Один из учеников Чупрунова Н.Беспалов в 1950-е годы был председателем комитета по делам искусств при Совете Министров СССР.

Но самым способным учеником Владимира Ивановича был все-таки Александр Каманин. У него по рисованию были одни только пятерки. Вспоминая школьные годы, А.М. Каманин говорил: "Каждый урок Владимир Иванович начинал с одной и той же фразы: "Начнем, пожалуй". Ставил натюрморт - кувшин и что-нибудь из овощей, морковь, огурец, помидор. Время было голодное, в стране была бескормица, шла гражданская война, и часто после урока ребятами съедались и морковь, и огурец, и помидор. На следующий урок Владимиру Ивановичу приходилось приносить свежие овощи. Занятия проходили и в школе, и на природе, и дома у Чупруновых. Но туда приглашались уже наиболее способные, человека три-четыре. Там разбирались рисунки ребят, там Владимир Иванович показывал ученикам и свои работы. Все это разжигало страсть и желание заниматься рисованием и дальше".

В начале 1920-х годов по проекту В.И. Чупрунова один из купеческих домов был перестроен в рабочий клуб. На сцене этого клуба ставились замечательные спектакли, особенно большим успехом у жителей села пользовались постановки по пьесам Островского. В.И. Чупрунов, несмотря на то, что был к тому времени человеком в летах, принимал в постановке этих спектаклей самое деятельное участие. Изобретательно, с выдумкой придумывал

костюмы для участников спектаклей, а ими в основном и были учащиеся школы второй ступени. Под его руководством ученики-художники - Богданов, Каманин и другие писали декорации, вместе придумывали и бутафорское оформление спектакля.

Когда по окончании школы Александр Каманин получил последнюю пятерку по рисованию, старый учитель сказал ему: "Вот, Саша, может, и рисование послужит, пригодится тебе в жизни. Может, станет твоей профессией. Не бросай его, рисуй".

И это напутствие легло как семя на добрую почву. Память о первом наставнике, подаренные ему Чупруновым рисунки А.М. Каманин хранил всю свою жизнь. Некоторые из этих рисунков висели на стене в нижегородской квартире Каманина до самой его кончины и всю жизнь были напоминанием о неиссякаемой, удивительной, бескорыстной любви к искусству школьного учителя, о его заветах и наставлениях.

**АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ
КАМАНИН**

1905 - 1989 гг.

Народный художник РСФСР. Родился в с.Василева слобода (ныне г.Чкаловск) Нижегородской губернии. Живописец. Работал в области пейзажного жанра. Член Союза художников России с 1936 года. Экспонент зональных ("Большая Волга", 1964, 1967, 1970, 1974, 1980, 1985), республиканских (Москва, 1949, 1954, 1960, 1965, 1967, 1970, 1975, 1980), всесоюзных (Москва, 1950, 1952, 1957, 1967, 1980) художественных выставок. Персональные выставки с 1955 по 1995 годы. Председатель правления Горьковской организации Союза художников РСФСР (1946-1960).

По весенним полям, по дороге, взбухшей и вязкой, как тесто в квашне, идет человек с тяжелым рюкзаком за спиной, в руках - большой белоснежный холст, натянутый на подрамник. В деревнях, по которым он идет, его знают и стар и млад. Это художник Александр Михайлович Каманин.

Вот он на минуту остановился, чтобы передохнуть. Снял шапку, щурясь, смотрит на бездонное апрельское небо, вытирая платком темное от загара лицо, говорит:

- Вот и жаворонки зазвенели...

Вверху, в сверкающей голубизне, вибрирует едва заметная точка, и льется над просыхающими полями песня, незамысловатая, но такая родная для всякого русского человека...

Творчество народного художника России Александра Михайловича Каманина сродни этой песне, светлое, насквозь проникнутое теплой любовью к земле, к родной природе. Пейзажи его обладают той же необъяснимой прелестью простоты, с какой действует на душу песня певца российских полей.

А.М. Каманин родился 14 марта 1905 года в с. Василево (ныне г. Чкаловск). Учитель рисования Василевской школы второй ступени В.И. Чупрунов первым открыл перед мальчиком дверь в большой и радостный мир искусства, заронил в душу мечту стать "настоящим" художником.

Встав на самостоятельный жизненный путь, Каманин уезжает в Сормово, работает там на заводе художником-оформителем, а после работы, по вечерам, занимается в изостудии в клубе металлистов завода "Красное Сормово". Хорошую жизненную закалку получает он в

среде рабочих-сормовичей. Здесь же делает первые самостоятельные шаги в творчестве. Он без устали рисует, пишет маслом суда на стапеле, суда на плаву, цеха завода. Но художник чувствует, что ему не хватает пока мастерства и опыта, чтобы вполне справиться со сложными живописными задачами картины. Переехав на жительство в Горький, он посещает занятия в изостудии Горьковского отделения Союза художников под руководством одного из ведущих горьковских художников Л.А. Хныгина. Много дали Каманину его доброжелательные советы.

В это время расширяется круг тем творчества А.М. Каманина, он обращается к лирическому пейзажу, все чаще пишет милую с детства Волгу.

Поздней осени тишина

В 1936 году Каманин твердо встает на путь профессионального живописца: его принимают в Союз художников.

С этого времени он постоянно участвует своими работами во всех областных художественных выставках. Когда прошли годы военного лихолетья, А.М. Каманин, вернувшись из рядов Советской Армии, вновь вливается в бурную жизнь художников-горьковчан. В первый же послевоенный год он, часами простаивая на снегу в армейских сапогах, в шинели, пишет картину - пейзаж "Город Горький в феврале". Эта работа сразу же была замечена, ее приобретает Горьковский художественный музей.

В том же 1946 году Каманина избирают председателем Горьковского отделения Союза художников. В этой хлопотливой, беспокойной должности Каманин исправно работал в течение пятнадцати лет.

И все эти годы Каманин продолжает учиться. При личных встречах внимательно выслушивает советы и пожелания таких замечательных художников, как Ф.С. Богородский, К.Ф. Юон, В.Н. Бакшеев, С.В. Герасимов, А.М. Герасимов. Сам Александр Михайлович говорил об этом так: "Моя академия - это встречи и совместная работа с известными художниками, чьи имена я свято храню в своем сердце. Мне просто посчастливилось на встречи с доброжелательными людьми и истинными художниками".

А.М. Каманин ушел из жизни, когда ему было 84 года. Однако до 80 лет он жил полноценной, полнокровной жизнью художника. Поистине неиссякаемой была его работоспособность. Нагрузившись не легким рюкзаком с этюдником и провиантом, с холстами в руках, во всякую погоду - в весеннюю, в осеннюю распутицу, в любой мороз, в нещадную июльскую жару - отправлялся он на работу в любимые свои места. Шел пешком за несколько километров от родительского дома, где останавливался и жил по приезде в Чкаловск.

Непоседливым человеком был Александр Михайлович. Не сиделось ему дома, в теплой горьковской квартире. Если не в Чкаловск, так возьмет и, недолго думая, соберется и поедет поработать в Плес на недельку-другую. Или целый месяц живет и пишет где-то на речке Теше, или работает на академической даче под Калининском.

Ну, а когда был помоложе, ездил и того больше и того дальше. В 1957 году ездил в Крым и оттуда привез ряд солнечных, южных пейзажей. Совершенно необычно, широко и смело, написаны пейзажи-этюды, привезенные им из творческой поездки по Болгарии в 1959 году.

Немало времени и сил отдал А.М. Каманин индустриальному пейзажу, начиная с самой первой, написанной еще в Сормове, картины "Выпуск паровоза новой марки". Любил он писать строящиеся, стоящие на стапелях суда, а в особенности - весной, готовые к отплытию, пылящие в затоках дымами и парами пароходы, буксиры-тягачи. Всю жизнь неравнодушен был Каманин к труду земляков-волгарей.

Дважды ездил художник на Енисей - в 1960 и в 1962 году. Постигая суровый колорит сибирской природы, писал пейзажи на строительстве Красноярской, а затем и Братской ГЭС. Много рисовал и писал, запечатлевая различные этапы строительства Горьковской ГЭС в середине 1950-х годов.

Немало у Каманина и городских пейзажей, написанных в разных уголках Горького, родного Чкаловска.

И все-таки Каманин - прежде всего пейзажист-лирик, художник-поэт интимного сельского пейзажа среднерусской полосы. Возвращаясь из дальних странствий к себе на родину, на Волгу, в Чкаловск, художник, соскучившись по родной земле, по знакомым с детства деревушкам и перелескам, как бы вновь принадлежит к животворным родинкам. С еще большей страстностью отдается творчеству, с еще большей любовью и задушевностью пишет свои зимунки, разливы весенних рек, притихшие к осени поля. Ведь здесь все так мило сердцу, все трогает до боли душевной!..

У каждого настоящего художника есть свое творческое лицо, и определяют его те работы, в которых с наибольшей полнотой удалось выразить средствами живописи свой душевный настрой, свои самые заветные чувства. Есть свое лицо и у Каманина.

... "Каманинские зимки". В свое время это определение прижилось, прочно укоренилось в среде художников, искусствоведов, всех тех, кого интересует жизнь изобразительного искусства. Потому что зимки у Каманина особенные - с мягким, свежесыпавшим снежком, запушившим кусты и деревья, с сереньким, готовым к новому снегопаду небом. Игрушечными кажутся маленькие избы и баньки деревень, притулившихся вдаль, у самой каймы синего леса. И, кажется, вот сейчас пахнет на вас горьковатым дымком из затопленной к вечеру печки, запахнет чем-то деревенским, знакомым с детства, но немножко забытым... Согретые сердечным теплом художника, они такие уютные, такие обжитые, эти зимки.

Всегда с большим нетерпением, с внутренним трепетом ожидал Каманин прихода весны. В своих пейзажах день за днем прослеживает он весь ее ход от первых признаков, когда едва лишь повеет сыростью и теплом, до буйного цветения сирени, черемухи. Каждый весенний день художнику был люб и дорог, как праздник. И этот праздник души своей он стремился перенести на холсты.

Своим, неповторимым "каманинским" языком рассказывал художник и о красном летечке с его луговым цветным разнотравьем, с высокими белоснежными облаками, неторопливо плывущими по сини неба. Любил Александр Михайлович писать и тихие речные заводи, когда вечернею порой перед заходом солнца успокоится вода, и в ней, как в зеркале, улягутся отражения берега, кустов и деревьев, закатного неба.

А с какою деликатностью и проникновенностью написаны им задумчивые, по-пушкински светлые мотивы осени. Каманин никогда не соблазнялся поверхностной пестротой и крикливостью ее красок. Осень ему, как и Поэту, была мила "красою тихою, блистающей смиренно".

Мне в течение многих лет доводилось общаться с Александром Михайловичем, много, много раз наблюдать за его работой. Все свои пейзажи художник писал непосредственно на природе под открытым небом. "Природа - моя мастерская!" - говорил он.

И, тем не менее, его работы лишены сырой этюдности, случайности впечатлений. Это всегда картины, наполненные большим содержанием, глубокой мыслью. Для этого художник использовал весь арсенал изобразительных и выразительных средств. Композиция его пейзажей всегда хорошо продумана. Удивительным было качество А.М. Каманина в любом природном ландшафте высмотреть, увидеть картину.

Но вот место для работы выбрано, и по белому холсту быстро и уверенно забегал уголек. Рисунок углем Александр Михайлович иногда доводил до такой степени законченности, что он выглядел уже самостоятельным художественным произведением, и жаль было смотреть, как на дальнейшем, последующем этапе работы он постепенно

исчезал под пастозным слоем красочного подмалевка.

Александр Михайлович любил говорить:

- В природе ничего не повторяется дважды.

Кажется, ему за столько лет работы на природе давно уже известно, как, из каких красок составить цвет для прошлогодней травы, или для лежалого, поздраватого, старого снега, для талой воды или для трепетно нежной первой зелени. Но в том-то и дело, тем и интересна работа художника, что всегда есть возможность - да это просто необходимо делать - искать новые цветовые сочетания, которые зазвучат совсем по-иному. И этому нет и не будет конца.

В работе художника готовых рецептов не бывает. Нет одного ключа, который бы всегда был пригоден, ключ каждый раз нужен свой. Правда, у А.М. Каманина были и принципы, от которых он не отступал, несмотря ни на какие художественные моды и веяния - это принципы реализма, принципы уважительного отношения к замечательным традициям русского пейзажа.

Несмотря на то, что пейзажи А.М. Каманина, все его творчество являются как бы продолжением и развитием лучших традиций русского искусства, никому из своих "кумиров" он не подражал. И несмотря на всю убедительность, узнаваемость и похожесть изображенного мотива с натурой, он никогда не копировал природу рабски. Случайное, лишнее убирал, не боялся что-то изменить, сделать по-своему, подчинял детали общей идее пейзажа. Только делал это всегда, что называется, с умом, деликатно и бережно. И от этого картина только выигрывала, пейзаж становился более характерным и убедительным.

Зима в Заволжье

Александр Михайлович умел удивительно верно найти нужный цвет и тон, вместе с тем природные цвета у него как бы облагораживаются, приобретают необходимую в живописи сочность. И вот холст прокрыт, и вот краски заводят между собою согласный и доброжелательный разговор, образуя ту своеобразную музыку, что называется колоритом.

Три, четыре сеанса "колдует" художник над холстом. Наконец, вы смотрите на законченный пейзаж. Небо, верхушки берез, домишки на косогоре, открывшаяся река - все окутано голубовато-золотистой дымкой. Воздух, еще не совсем прогретый, вибрирует, колеблется. Мреет в голубой дали полоска горизонта. Небо бездонное, апрельское. А от реки, от льдины, лежащей на берегу, от последних клочков серого снега веет еще холодком, сыростью. И уж нет вам больше дела ни до краски, ни до рисунка. Да и не все ли равно, какими средствами это достигнуто. Вы видите только, как тает в небе белесое облачко, как чудесно сверкает на солнце льдина, как сякнет пласт старого снега, и из-под него сочится, течет талая вода. Вы вдыхаете этот вибрирующий холодящий поздний воздух, и тихая радость зарождается у вас в душе, а вслед за нею непонятно откуда взявшаяся грусть застилает глаза...

Всегда поражала и восхищала неистребимая жажда А.М. Каманина к работе. Собственно говоря, весь его жизненный путь - это одно единое, неукротимое устремление к поставленной цели. Александр Михайлович внешне был очень скромным и очень доступным, легким в общении человеком. Но какое же нужно было мужество, внутренняя собранность, чтобы, встав на нелегкую дорогу искусства, пройти по ней через все тернии, препоны и ухабы, пройти путь от самостоятельного художника-студийца до профессионального живописца, получившего признание не только в кругу своих коллег горьковских художников, но и на уровне художественной общности страны. Все, чего он достиг, добыто трудом кропотливым, многолетним, каждодневным...

Александр Михайлович Каманин не только потому, что ему присвоено звание "Народный художник РСФСР", по всей сути и содержанию своего творчества - подлинно народный художник. Само начало, истоки его искусства - в народной среде. Всю жизнь Каманин ратовал за простоту и ясность, за искренность и правду в искусстве. Всю свою жизнь стремился к этому в своей работе. Вот поэтому-то его творчество всегда находило такой теплый отклик у зрителей.

А.М. Каманин был глубоко убежден в том, что искусство должно быть доступно и понятно людям, и это убеждение отстаивал всегда и всюду.

Сейчас, когда прошло уже подгора десятка лет с той поры, как А.М. Каманин ушел из жизни, его творчество не устарело, не стало архаичным. Настоящее искусство не устаревает. Наоборот, с расстояния прошедшего времени сделанное им видится более весомым, значительным. И как-то особенно ясно осознается в его творчестве та особенность, что всегда отличает истинное, высокое искусство - это заложенные в картины мысли и чувства добра, любви к жизни.

Александр Михайлович был добрым человеком. Душою он всегда был светел и чист. Наверное, поэтому и картины его как бы сами по себе уже излучают добро и свет, и это их качество берет в плен и рядового и искушенного в живописи зрителя.

У художника было много друзей, много доброжелателей и почитателей его искусства в самых разных местах и уголках Поволжья. Всю свою жизнь, все свои силы отдал он, чтобы спеть проникновенную песнь во славу горячо любимой Родины.

... Пробуждается от зимнего сна природа. Неделя-другая - и зашумят по оврагам ручьи, вскроются реки. И так и кажется, что вот-вот, скоро уже, приедет из Нижнего в Чкаловск, в родительский дом художник Каманин. Самое время быть ему в эту пору в Чкаловске. И опять пойдет он по весенним полям с тяжелым рюкзаком за спиной, с холстами в руках. Остановится, вдохнет чудесный свежий воздух и скажет:

- Вот и жаворонки зазвенели...

**СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
КАМАНИН**
1915 - 2002 гг.

Заслуженный художник РСФСР. Родился в с.Василево (ныне г.Чкаловск) в 1915 году. Окончил Ярославское художественное училище (1936), Московское художественно-педагогическое училище памяти 1905 года (1939), Всесоюзный государственный институт кинематографии (1943). Работал на кафедре живописи ВГИКа с 1943 по 1985 г., пройдя путь от преподавателя до профессора. Постоянный участник художественных выставок Московского Союза художников, экспонент многих выставок всероссийского и всесоюзного ранга. Персональные выставки неоднократно проходили в Московском ЦДРИ, во ВГИКе, в различных кинотеатрах, рабочих клубах. Дважды устраивал персональные выставки в Чкаловске (1974, 1990).

Родительский дом художников Александра Михайловича и Сергея Михайловича Каманиных, ничем особенным не выделяясь среди прочих-других, как стоял, так и теперь стоит на одной из улиц старого Чкаловска, на улице Маяковского, а раньше она называлась Тесной.

С Александром Михайловичем, несмотря на большую разницу в возрасте, начиная с отроческих и юношеских моих лет, связывали нас долгие годы знакомства, а затем и доброго приятельства и дружбы. Вот поэтому с юности и вхож я был в этот каманинский дом. Но с каким трепетом, с каким волнением переступал я всякий раз его порог!

В тот день, когда мне довелось побывать у Каманиных впервые, рассматривая развешанные по стенам картины, я обратил внимание на большой и, на мой взгляд, очень хорошо написанный портрет молодого человека в сером костюме. Чернобровый молодой красавец присел на краешек стола, но сидит так, что, казалось, вот-вот сейчас встанет, сорвется, куда-то ринется.

- Кто это? - спросил я у Александра Михайловича.

- Сережа. Это его институтский товарищ написал. Неплохо написал, неплохо. Сережа - наша семейная радость!..

От Александра Михайловича я давно уже знал, что два его брата, Виктор и Геннадий, погибли на войне, а вот Сергей, окончив в годы войны художественное отделение ВГИКа, был оставлен там на педагогическую работу. А сейчас он уже профессор кафедры живописи этого института, заслуженный художник РСФСР. Вот он-то и был изображен на портрете.

В каманинском доме даже летом царил полумрак оттого, что окнами он был повернут не на солнечную, а на темную сторону улицы. В этом полумраке неслышной тенью передвигалась маленькая высохшая старушка, мать братьев Каманиных, Ксения Петровна. Вот ее-то и приезжали навестить, а заодно и пописать этюды братья-художники.

Александр Михайлович приезжал почаще, потому что жил поближе. Но раз в год, обыкновенно осенью, в сентябре-октябре, когда студентам после летней практики давались небольшие каникулы, приезжал из Москвы и Сергей Михайлович. И вот в один из таких приездов довелось, наконец, с ним и познакомиться, и вместе поехать на этюды.

Сергею Михайловичу тогда было чуть за пятьдесят, но он был все еще красив. Впрочем, он был по-своему красив и в семьдесят, и в восемьдесят лет. Есть тип людей, которых красота не покидает до старости, приобретая лишь соответствующие возрасту формы.

У него был приятный, с легким румянцем, цвет лица. У него были черные, всегда в искорках озорного лукавства глаза, а над ними черные, кустистые брови-крылья. На этюды он поехал в хорошем, новеньком почти, костюме. Светлая рубашка с галстуком. Ну, и конечно же, берет, лихо сдвинутый на правое ухо. В общем, московский художник, профессор. Знай наших!

Прошел год, другой, и наше знакомство с С.М.Каманиным стало таким же коротким, как и с Александром Михайловичем. И он много, охотно и очень живо рассказывал о годах учебы в молодости, о своих товарищах по учебе и преподавателях, о своей работе и жизни.

Первые уроки рисования, первые наставления так же, как и старший брат, С.М.Каманин получил у В.И.Чупрунова, школьного учителя. А пятнадцатилетним пареньком, и об этом Сергей Михайлович всегда вспоминал с гордостью, сам уже руководил изокружком в рабочем клубе имени Я.Петрова. Как большинство его сверстников, учился в школе ФЗУ при судоремонтном заводе. И вот в это время, видя незаурядные способности паренька, завком профсоюза с путевкой-рекомендацией направляет его учиться в Ярославское художественное училище.

После окончания училища, немного поработав художником-оформителем на одном из горьковских заводов, С.Каманин поступает на декоративно-театральное отделение Московского художественно-педагогического училища памяти 1905 года. И сразу же по его окончании был принят в число студентов первого набора художественного факультета ВТИКа. Сколько интересного рассказывал Каманин о своих учителях и в особенности о любимом Ф.С.Богородском! Рассказчиком он был великолепным и, если записать бы то, что он говорил, получилась бы увлекательная, полная доброго юмора повесть.

За пристрастие к свободной, раскованной манере живописи к Сергею Каманину в институте приклеилось прозвище - "Широта".

На занятиях в мастерских, на летних практиках студент Каманин работал не зная усталости...

Как все это давно было! Но вот сегодня профессор С.М.Каманин у

себя дома, на давно знакомой, любимой до боли, на родной своей земле. И вот едет он на этюды вместе со старшим братом и с компанией чкаловских провинциальных художников в пыльном и тряском пригородном шарабане-автобусе куда-то на Мочалиху, к Бралыгну, в места, где бывали и писали не раз.

По пути Сергей Михайлович без умолку что-то рассказывает, без умолку смеется, направо и налево отпускает шуточки, подтрунивает над братом, над колхозниками, справляющимися домой с базара с пустыми молочными бидонами. Наконец, сошли с автобуса и снова младший Каманин "подкалывает" старшего, пересмеивается, балагурит...

Но вот выбран мотив. Вот раскрыт этюдник. И Сергея Михайловича будто бы подменяют. Все шуточки в сторону. Взгляд жесткий, цепкий. И даже, кажется, обычный румянец сошел со щек. Полная собранность, полная сосредоточенность. Как у артиста цирка перед смертельным номером. И вот началась работа. Лихорадочно быстры и точны движения кисти. Идет работа. Работа мысли, работа чувств. В голове идет удивительный, непостижимый никакому постороннему уму процесс переплавки увиденного в природе в цвета и формы вроде бы и похожие, но уже преломленные, преобразенные, пропущенные через душу художника.

Проходит два, три часа. Закончив этюд, укладывая кисти и краски, Сергей Михайлович кричит брату:

- Эй, народный! Сматывай удочки, пошли домой!..

Он снова становится самим собой - шуточки, смех, "приколы". Но так ли? Может, он самим собой и был, когда писал, забыв обо всем на свете, кроме вот этого куска природы и своего этюда?

Со временем мне довелось побывать в московской мастерской С.М.Каманина на знаменитой Масловке. Обстановка в мастерской оказалась более чем простой, можно сказать, аскетической. Все только самое необходимое для работы. Половину помещения занимали стеллажи. Они занимали одну из стен целиком - от пола до потолка. В ячейках стеллажа стояли рамы и подрамники, холсты и картоны, лежали папки и рулоны. И - этюды, этюды, этюды... Не сотни - тысячи, наверное, этюдов. Господи, сколько же в это вложено труда, времени, нервов...

- А что ты удивляешься? Студентов на практику возжу уже больше тридцати лет, с ними пишу. Да и так пишу при любой возможности.

Сергей Михайлович стал вынимать из ячеек стеллажа картон за картоном.

- Вот видишь, это на реке Белой писал. На Урале. А это в Тарусе. Хорошие были времена! Богородский Федор Семенович тоже с нами был тогда. Также писал... А это Городец. Люблю Городец! Хорош был городок... Вот Плес, вот Юрьенец...

Да, немало довелось С.М.Каманину поехать по стране. Ежегодно выезжая со своими питомцами на летнюю учебно-творческую практику, с юношеским азартом писал он и на крупных новостройках Сибири, на строящихся гидроэлектростанциях на Волге, Оби, Енисее... Довелось ему побывать и в северных районах страны, в Карелии, Прибалтике, был в Крыму и Карпатах, ну, и конечно же, в

Подмосковье, в его занятых уголках - в Абрамцево, Загорске...

Даже в поездке на туристическом теплоходе по Волге С.М.Каманин во время стоянок теплохода, отказываясь от экскурсий, писал на берегу или прямо с борта теплохода быстрые, молниеносно схваченные этюды - Углич, Ярославль, Кинешма...

- Ну, а здесь вот из заграничных поездок этюды. Я в поездках всегда с удовольствием пишу! Свежо как-то все воспринимается! А главное - рассусоливать времени нет, сами обстоятельства заставляют писать быстро, на нерве...

За свою жизнь С.М.Каманин немало поездил не только по стране, но и по миру. Был в Италии, Египте, Болгарии, Югославии, Румынии, Дании, Швеции, Норвегии, Греции... Перечень можно продолжить. Его жадному, любопытному взору хотелось увидеть всю землю. И запечатлеть пусть скоротечное увиденное.

На противоположной стеллажам стене мастерской висят несколько картин-этидов, видимо, дорогих чем-то и самому автору. Пейзаж "Ветреный день" - очень характерный для живописной манеры С.М.Каманина. Простой мотив - берег Волги с теплоходом, плывущим по реке, со ветрепаннми ветром березами у края обрыва. Теплоход едва только намечен, березы совсем не прописаны. Беспокойными, нервными движениями кисти нашвырканы трава на берегу и облачное небо. Куры с задранными ветром хвостами, изображенные на первом плане, сделаны двумя-тремя шлепками.

Ну, а если бы все это выписать тщательно и правдоподобно, было бы ощущение ветреного дня острее? Да нет, конечно! А так - смотришь, и аж в глазах рябит от солнца и ветра.

А вот совсем уж вроде бы простенький мотив - "Зимка". Здесь и сюжета-то, можно сказать, нет. Небо да осиянная зимним брезжащим светом снежная равнина, дорога да запушенные снегом кусты. Но с каким трепетным чувством написаны жемчужные переливы солнечного света на снегу! Морозный воздух ядреного зимнего дня так и вибрирует, мерцает...

- Больших, монументальных вещей у меня, как видишь, нет. Это не мое. Пробовал, сухо получается. Нет, уж лучше всю жизнь этюды писать да быть самим собой. Вот портрет - тут да, тут удалось что-то сделать, заслуживающее внимания.

Сергей Михайлович в 1960-е годы поставил себе целью написать серию портретов с известных, выдающихся деятелей киноискусства. До него никто не задавался такой задачей, а он решил ее не только успешно, но и с артистизмом сложившегося, опытного мастера.

Сергей Михайлович показывает несколько портретов из этой серии. Народный артист РСФСР кинорежиссер Л.В.Кулешов, заслуженный деятель искусств кинорежиссер Т.М.Лиознова, народная артистка РСФСР Л.Шагалова, заслуженный деятель искусств кинооператор А.Д.Головня... Все они написаны в реалистической манере, и в то же время - очень по-каманински, свежо, смело, остро, с точно найденным для каждого портретируемого композиционным решением.

Если судить по совокупности всех составляющих, из каких

складывается произведение искусства, то, конечно, эта серия и есть самое значительное из сделанного С.М.Каманиным за его жизнь. За нее он и получил звание заслуженного художника России.

Я еще и еще раз окидываю взглядом полки и ячейки стеллажей. Нет, не предавался мечтательности, не пребывал в созерцательности этот по первоначально кажущийся слишком уж веселым и темпераментным человек. Бурный темперамент в обыденной жизни - он, что называется, имел место, но отчасти он был лишь маской, за которой - нет, не скрывался, а просто находился трудолюбивый художник, не терпящий ни дня безделья.

За более чем сорокалетний период работы во ВГИКе через его руки прошли сотни и сотни студентов. Каждый из них был личностью. Сохранить индивидуальность, научить искренности и честности в передаче впечатлений от природы, от природы - вот в чем видел свою задачу профессор С.М.Каманин.

- Вся жизнь и искусство построены на любви, - говорил Сергей Михайлович.

- Любовь рождает новую жизнь. Любовь рождает и все новое в искусстве. Ведь когда мы общаемся с природой, то постепенно влюбляемся в нее, отмечаем в ней что-то особенное, необыкновенное. Загоревшись, восплавав любовью, стараемся передать красоту природы, ее грусть, радость, печаль. Как это передать? Только чувством, своим искренним, незаемным чувством!

И вот Сергей Михайлович снова в Чкаловске. Как всегда, он приехал с рюкзаком и сумками, полными московской снеди. И, как всегда, с этюдником. К этому времени обычно приезжал из Горького и Александр Михайлович. В такие дни, тихие, погожие дни конца августа, начала сентября нередко они все трое - и мать, и оба сына - отправлялись автобусом в лес. Ксения Петровна очень любила побродить по лесу, была большая охотница собирать грибы. Пока сыновья пинуют пейзажи, она, опираясь на посошок, неспеша обойдет все окрест, под каждой елкой, под каждым кустиком выискивает. Как счастливы, как довольны бывали все трое этими вылазками!

В год семидесятилетия С.М.Каманина в Чкаловске была устроена большая выставка его работ, более 170 картин и этюдов. Были тут и упомянутые выше портреты, и натюрморты. Работы висели в 3 ряда. А ведь это была только часть, пусть лучшая, но все равно - небольшая часть от сделанного за жизнь.

И вот из всего изобилия представленных на выставке разнообразных и разноплановых работ как-то по-особенному выделялся, обращал на себя внимание небольшой, но очень задумчивый портрет - "Устала". Да уж и не совсем портрет это был, а скорее жанровая картина. Притомившись от ходьбы, прикорнула отдохнуть на мшистую лесную кочку сухонькая старушка. Рядом - дружок-посошок, корзинка с грибами. В лесной старушке сразу же узнавалась Ксения Петровна. Но как хорошо, почти по-нестеровски, удалось здесь передать художнику естественную и простую сличность человека с природой!..

Как стремительно проносятся жизни!

За рукоделием

Не только Ксении Петровны, а вот уж и самого Сергея Михайловича нет на свете. И если, подводя итог, говорить о С.М. Каманине как о художнике, и о самом характерном для него, как художника, то это вот и была его способность успевать за временем, умение жить и работать в его бешеном ритме. Он всю жизнь только и делал, что схватывал, выхватывал кусочки этой калейдоскопически меняющейся круговерти и переносил их то ли на холст, то ли на картон. Он выхватывал их ловко, азартно и быстро, как выхватывают угли из жаркого, высокого костра и, перебрасывая с ладони на ладонь, обжигая пальцы, вставлял эти кусочки жизни тепленькими, пока не остыли, в незамысловатые, простенькие рамы.

Он не любил рассусоливать. Первозданность впечатления, текучесть и неотделанность формы, нервную изволнованность, встрепанность, взвихренность мазка - все это он возводил в принцип и метод своей работы.

Он хохотал, острил, задирали. Он спорил, ругался, грубил. Он нервничал и злился, грустил и тосковал. И снова радовался. Он жил. Он сам жил стремительно и остро ощущал стремительный бег времени.

Сергей Михайлович заметил как-то: "О художнике судят по лучшим вещам". В лучших работах он поспевал за временем, поспевал за жизнью и заставлял почувствовать ее пульс. Он умел, поспевал выхватить хотя бы одно перо из хвоста пролетающей Жар-птицы. Вот это, кажется, и было целью и смыслом его творчества.

**МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ
КАМАНИН**
1933 - 1992 гг.

Родился в г. Горьком. Детские годы провел в п. Чкаловске. Окончил Московскую художественную школу (1948-1952) и МГХИ им.В.И.Сурикова АХСССР (1952-1958). Живописец. Работал преимущественно в пейзажном жанре. Член Союза художников России с 1964 года. С 1958 года - постоянный участник областных выставок. Экспонент зональных ("Большая Волга", 1964, 1970, 1974, 1980, 1985, 1991), республиканских (Москва, 1960, 1975; Тула, 1977) художественных выставок, участник зарубежных выставок в составе выставки "Современное советское искусство". Персональные выставки: Горький, Н.Новгород, 1955, 1965, 1973, 1983, 2003 (всего 13), а также в Чкаловске, Городце, Арзамасе с 1974 по 2002 годы (всего 9).

В один из последних приездов М.А.Каманина в Чкаловск мы с ним и с художником С.П.Алексеевым писали на опушке Жуковского леса мотив со свежеснявшимся первым снегом. Я спросил тогда у Михаила Александровича, надолго ли в этот раз приехал он в наши края. "Пока не запишу все холсты, что привез с собой". "И много их?" "Много", - с усмешкой ответил художник. И действительно, всякий раз он увозил отсюда по три, четыре почти совсем законченных пейзажа.

В Чкаловск он приезжал часто. Ведь здесь был еще от бабушки оставшийся, родительский, отчий дом, отчее гнездо. Сюда, как только появлялась возможность, приезжали поработать отец М.А.Каманина Александр Михайлович, его дядя Сергей Михайлович. И для Михаила и этот дом, и сам Чкаловск, и его окрестности были самым дорогим местом на земле. Он хоть и родился в Горьком, но все военные годы провел здесь, в Чкаловске, у бабушки Ксении Петровны. Это были годы раннего детства, здесь Михаил окончил и начальную школу.

Его способности к рисованию проявлялись даже уже и в эти годы. Вернувшись после войны в Горький, Михаил Каманин посещал изобразительный кружок Дворца пионеров имени В.П.Чкалова, занимался в изостудии при Доме народного творчества. Пятнадцатилетним пареньком он был принят в Московскую художественную среднюю школу.

В 1952 году М.Каманин поступает в Московский государственный художественный институт имени В.И.Сурикова на живописный факультет. И вот еще будучи студентом первого курса института, вместе со своим отцом, вместе с дядей он принимает участие в

выставке произведений художников-уроженцев г.Чкаловска.

В годы учебы в институте, в 1956 году, картина М.Каманина "На строительстве Горьковской ГЭС" была отобрана на Всесоюзную выставку "Новостройки страны". Впоследствии эта картина была приобретена Горьковским художественным музеем. Начало пути молодого художника было весьма и весьма обнадеживающим.

Вернувшись в Горький, М.А.Каманин сразу же вливается в жизнь областной художественной организации. В 1964 году был принят в Союз художников СССР, активно участвует в областных, зональных, республиканских выставках.

Еще с институтских лет М.А.Каманин в духе требований того времени много внимания уделял индустриальной теме и индустриальному пейзажу. Строительство гидроэлектростанций, строительство судов - частые темы его "программных", выставочных работ.

В портретном жанре у М.А.Каманина также были несомненные и неоднократно отмечавшиеся успехи - это портрет Героя Социалистического Труда Л.В.Бояриновой, портрет сварщика А.С.Астафьева, отжигальщика И.П.Хорькова, конюха Удалова. Можно назвать и еще добрый десяток мастерски, убедительно и крепко написанных художником портретов.

В их числе как бы уже немного отдельно стоят портреты семейные, портреты близких ему людей - жены ("Маргарита"), дочери ("Наташа"), отца ("Портрет народного художника РСФСР А.М.Каманина"), внучки ("Елена"). Все они написаны с большой душевной теплотой.

В молодые годы М.А.Каманину довелось немало поехать по стране. Еще учась в институте, ездил на Байкал. В 1960-70-е годы побывал и на Севере, на Соловках, и в Прибалтике, и в Крыму. Отовсюду привозил пейзажи и этюды, отмеченные чистотой и звучностью цвета, с достоверной характеристикой изображаемого ландшафта.

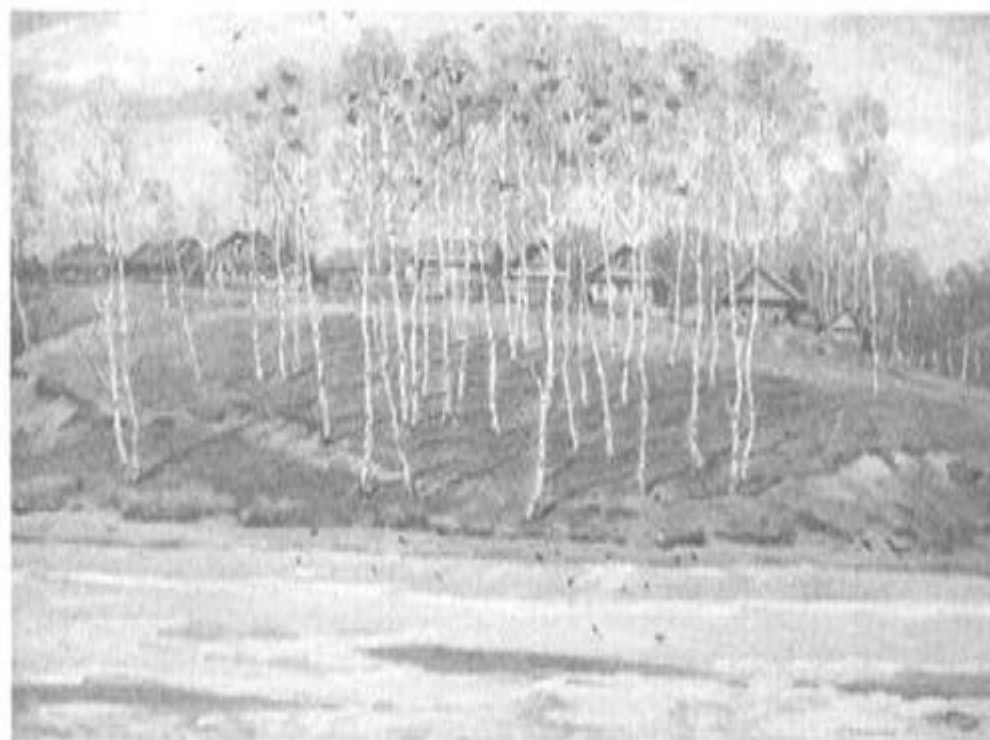
И портреты, и индустриальные пейзажи, и мотивы, привезенные из экзотических мест - все это было написано добротнo, профессионально, красиво.

Но какая-то неудовлетворенность все-таки была в душе. Душе хотелось чего-то другого... Почему? Да потому что Михаил Александрович по душевному складу, по темпераменту своему был склонен к песенно-эпическому восприятию природы. Его чувства, струны его души более затрагивали ландшафты с открытым пространством, панорамные, с русским раздольем полей и рек...

И вот одержимый "охотой к перемене мест", одержимый желанием писать пейзажи-песни, М.А.Каманин в 1963 году покупает лодку-катер с мотором, покупает палатку и в течение ряда лет отправляется на этом катере в творческие поездки по Волге, иногда с отцом, иногда один, иногда с семьей. Эти поездки с некоторыми перерывами продолжались лет десять.

В Волгу М.А.Каманин был влюблен с детства, с той самой поры, когда в военную пору совсем еще мальцом жил у бабушки в Чкаловске

и фактически был предоставлен самому себе. Вместе с ватагой ребят он все летние дни напролет купался, рыбачил, переправлялся на лодке на острова. Волга каждый день была рядом. И это запало в душу надолго, навсегда.

Грациная пора

Теперь, когда Каманин стал профессиональным художником, когда чувства стали обостренней, а глаз приметливей, когда руки были обучены что-то сделать стоящее, ему захотелось отдать Волге дань сыновней любви и признательности. И вот началась многолетняя работа над этой увлекающей, как омут, волжской темой. Год от года природа могучей реки, жизнь ее просторов и далее все более и более брали в плен душу художника.

Однажды ему, большому книголюбу и большому книгочею попался на глаза очерк писателя В.Г.Короленко "Художник Алымов". Там были такие строки: "Волга, Волга!.. Есть что-то особенное, какое-то ей только свойственное ощущение, неопределенное и, однако, необыкновенно сильное, неясное и, однако, замечательно цельное, которое охватывает душу только на ее просторе... Вся печаль и все обаяние родной земли, вся ее скорбная история и ее смутные надежды нигде не овладевают сердцем так полно и властно, нигде с такой щемящей настойчивостью не просят образа и выражения, как на Волге, особенно в тихий, сумрачный, немного мглистый вечер, с догорающим закатом и с надвигающейся из-за дальних вершин холодною, темною, быть может, грозовою тучей". Эти слова взволновали, запали в душу, надолго запомнились.

Теперь М.А.Каманин ищет "образ и выражение" чарующе

особенная чувствительность к напевности русского пейзажа - это, видимо, все-таки перенято от предков, и традиции народной песенной культуры нашли свое проявление и претворение в раздольных, светлых, полных задушевного лиризма волжских картинах-пейзажах.

Из этих творческих поездок М.А. Каманин привез также немало пейзажей с видами на старинные поволжские селенья - Безводное, Кадницы, Татинец... Эти пейзажи отличает тщательная продуманность и выстроенность многоплановой композиции. В них уже ощущается не песенная, а некая былинная эпичность, широкая хоровая распевность. Стремясь передать простор, панорамность пейзажа, он как бы раздвигал рамки видимого, расширял угол охвата. В этих картинах соединились воедино и вполне сформировавшееся, зрелое мастерство и чувство родной земли, ее истории, чувство Родины.

За свою жизнь художник неоднократно обращался и к архитектурному пейзажу, выбирая мотивы для них в родных близких сердцу местах - в Горьком, Чкаловске. Эти работы отличает сразу и навсегда запоминающаяся композиция, настолько умело и точно выбраны эти характерные мотивы городского пейзажа.

Много где побывал М.А. Каманин, много чего повидал, а все же излюбленным местом натурной работы был для него так же, как и для отца, Чкаловск с его живописными окрестностями, с тихими деревеньками, светлыми перелесками, с задумчивыми заводами, заснеженными оврагами.

Он избегал приезжать сюда вместе с отцом и ходить с ним на этюды, чтобы не было повторения в мотивах. Когда был помоложе, старался уехать пригородным автобусом куда-нибудь подальше, где не ступала нога Александра Михайловича, да и вообще избегал компанийщины в походах на природу, стремясь во время работы остаться с ней один на один, чтобы вести разговор душа в душу.

И здесь он выбирал и любил писать ландшафты открытые, просторные, панорамные, чтобы, забравшись на холм, можно было увидеть и синие лесные дали, и деревушки вдали, а внизу - синюю ленту реки, к которой полого спускается луговина, испещренная летним разнотравьем. Любил писать уходящие вдаль и ведущие неведомо куда, за синие леса, полевые дороги. На протяжных, удлинённых холстах писал он протяжные, с разноцветными избами, деревни, привольно расположившиеся на фоне высокого леса.

Шло время, и вот художник отказался навсего от индустриальных пейзажей, совсем перестал писать птичниц и сварщиков. Это все как-то само собою отошло, хорошо это или плохо - не знаю, но ушло. Зато все чаще и чаще стал М.А. Каманин обращаться к пейзажу камерному, лирическому. На небольших по размеру холстиках пишет непритязательные, на первый взгляд, фрагментарно взятые, но на самом деле как всегда хорошо, продуманно закомпонованные натюрморты. Да и никакие это не натюрморты, а все та же живая природа, только увиденная уже не с высокого холма, а совсем близко, с расстояния полутора-двух метров.

Очень любил писать цветы, но не пышные букеты роз или

колдовской красоты этой воспетой народом поистине великой реки. Он пишет Волгу и ранним серебристым утром, и в жаркий полдень, и тревожный предгрозово́й час, и в час призрачных сумерек. Особой напевностью живописи, всего колористического решения отличаются пейзажи с вечерним освещением, с закатами, с тихо, медленно наплывающими сумерками... Волга с игрушечными домиками бакенников, с медовою луной, дробящейся в ласковом колыпании волн. Волга с тяжелыми сухогрузами, с выплывающими, будто лебеди, красавцами-теплоходами, с буями, качающимися на волнах. Волга многоликая, неповторимая. Она течет из вчерашнего дня в день завтрашний, соединяя века и годы, а сама не стареет...

Ах, если бы была возможность собрать все эти пейзажи воедино, в одном месте - какая бы замечательная получилась волжская сюита!

Александр Михайлович, обычно сопровождавший сына в поездках, радовался его успехам, видел, что тот нашел свою стезю. Иной раз младший Каманин писал до самого темна, пока видели глаза, а старший в это время разводил костер, кашеварил, варил ушницу, кипятил чай на луговых травах и мурлыкал себе под нос:

Ой, ты степь широкая, степь раздольная.

Ой, ты Волга-матушка, Волга вольная!..

Волга к вечеру

Сам он в эти дни тоже, конечно, писал понемногу. В одном из тех пейзажей он изобразил и их жилище - красную палатку, и лодку-катер, и полевою кухню...

Надо сказать, что Александр Михайлович обладал неплохим голосом и любил спеть под гитару при застолье. Это, видимо, перешло к нему по наследству - отец его, Михаил Степанович, был регентом хора в одной из Василевских церквей и имел абсолютный музыкальный слух. Проявления каких-либо музыкальных способностей у Михаила Александровича Каманина я не замечал. По

хризантем, а полевые, луговые цветы - васильки, ромашки, колокольчики, незабудки, ландыши. Когда позволяла возможность, писал цветы - дельфиниумы, садовые маки и ромашки - в их естественной среде, в саду своего дома. Его натюрморты просты и естественны, как все написанное им.

В последние годы заметно изменилась техника, манера письма М.А.Каманина. Высветляя палитру, добиваясь светозарности, он стал применять полупрозрачную, а то и совсем прозрачную кладку краски. Чистота цвета достигалась теперь за счет просвечивающего сквозь тонкий слой краски белоснежного холста. Не стал стесняться художник и филигранной изящной отделки деталей. Стали поговаривать, что Каманин стал забывать даже и то, чему научился в институте. Да нет, просто он больше не хотел писать так, как учили.

Однажды мы в беседе с Михаилом Александровичем разговорились об искусстве портретной миниатюры, об искусстве акварельного портрета, которым так виртуозно, в совершенстве владели русские мастера начала - середины XIX века. Об искусстве ушедшем, нечезнувшем...

- Да, нас вот этому не учили. Нам говорили все - пошире да попастозней, - заметил с нескрываемым сожалением художник.

И вот, глядя на пейзажи М.А.Каманина, особенно на пейзажи последних лет, невольно приходит мысль о том, что он относился к природе и изображал ее с тем же благоговейным пиестетом, как те, прежние мастера-миниатюристы относились к своим моделям - графиням, княжнам и княгиням. Он сознательно как бы идеализировал черты, отбрасывая дурное и приводя изображение в соответствие со своими представлениями о прекрасном.

Однако в пейзажах Каманина нет даже и намека на какую-либо стилизацию, на вошедшую сейчас в моду работу под старых мастеров. Его живописный язык прост и ясен, без тени вычурности и искусственности...

М.А.Каманин, страстный книголюб, знал, понимал и тонко чувствовал русскую поэзию - и прежних лет, и современную. И это не могло не сказаться в его работах, а особенно вот в этих небольших по размеру, камерных пейзажах.

Дымится майский березняк,
Водою вешней полны доли.
И свежий жизненный сквозняк
Знобит, зеленый и веселый!
Надуты ветром облака
И крылья перелетной стаи.
И взглядом первого цветка
Дивлюсь на мир, и воскресая.

Это из стихов поэта-нижегородца Ю.Адрианова. И вот это же поэтическое настроение, такое же восприятие чудесного солнечного дня вытканно, передано тончайшей вязью бережного филигранного письма в картине М.Каманина "Веселый май". Сами названия

картинам художник придумывал напевно-поэтические: "Лес окутался зимою", "Облаков воздушен рой", "Под луной тихо шепчет волна"...

Ну, а в жизни Михаил Александрович был скромным, не очень-то словоохотливым, и не очень-то допускавшим к себе, в свой внутренний мир постороннего человека. Зато он был человеком обязательным и пунктуальным. Аккуратный, не терпевший неряшливости в любом деле, в своей художественной работе он тем более был щепетилен до мелочей. Мелочей для него тут и не существовало. Подрамники, холст - все было отличного качества. Сам одевавшийся непритязательно и скромно, работы свои "одевал" разборчиво, в добротные рамы. При всей мягкости в обыденной жизни это был человек твердых убеждений, от начала и до конца остававшийся верным идеалам и принципам реализма. Он жил и работал честно, в меру того таланта, что дал ему Господь Бог...

Над Волгой листопады отпылали.
Вода в реке пуста и холодна,
И так чисты, так лучезарны дали,
Что каждая травиночка видна...
Все в этот миг душа вместить хотела.
Все, чем живу, что в мыслях и в строке:
От Родины без края, без предела
До родники на дочкиной щеке.

Отпылали листопады художника Михаила Каманина. Но все, что вмещала его душа, - ну, не все, так многое, осталось запечатленным в чистых, пронизанных светом и теплом его души пейзажах-песнях.

**НИКОЛАЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ
МАРКИН**

Заслуженный художник РФ, Заслуженный деятель кинематографии РФ. Родился в д. Курочкино Чувашской АССР в 1921 г. Детство и школьные годы прошли в Чкаловске. Окончил Ярославское художественное училище (1941), Всесоюзный государственный институт кинематографии (1954). Работал художником-постановщиком киностудии "Мосфильм" (1954-1991). Лауреат Государственной премии СССР (1979). Ветеран Великой Отечественной войны (1941-1945). Постоянный участник выставок московских художников ветеранов ВОВ, а также Московского Союза художников. Неоднократно устраивал персональные выставки в Чкаловске (1973, 1989, 2001).

Шел сентябрь, 1943 года. Шла война, и это было страшное время великих бед и великих потерь для всего народа. Не было такой семьи, которой бы не коснулась эта беда своим крылом.

Но земля и солнце вращались по своим законам, и осень 1943 года выдалась погожей, теплой. У опушки леса на раскладном стульчике сидел молодой человек и рисовал акварелью в альбомчик золотые от ласкового солнца березки, пылающие огнем осины, уходящую вдаль дорогу и притулившуюся там, вдали, деревеньку.

По дороге в деревню шел бородатый, изможденный от недоедания старик-колхозник. Остановился, недобро взглянул на бездельника.

- Чем это ты, парень, занимаешься? Твои-то сверстники там, на фронте, тыщами гибнут, жизнью своих не щадят, фрица бьют. А ты? Видочки, видишь, тут сымают...

Старик плюнул, нехорошо выругался, пошел в деревню. А молодой человек собрал свои принадлежности в холщовую сумку и с испорченным настроением отправился домой.

Не стал объяснять он старику-колхознику, что еле живым выкарабкался, выполз из той уму непостижимой мясорубки-бойни, что была под Сталинградом в конце 1942 года. Не стал объяснять, что в декабре сорок второго пришла на него матери в Чкаловск похоронка, и что девять месяцев по разным госпиталям пытались врачи вылечить перебитую в плече вражеской снайперской пулей левую руку, да так и не вылечили до конца, так и осталась она висеть плетью...

Этим молодым человеком был демобилизованный по ранению и

недавно вернувшийся домой, в Чкаловск, двадцатидвухлетний художник Николай Маркин.

- По прибытии надо было куда-то устраиваться на работу. Устроился при Доме культуры писать афиши, - вспоминал впоследствии Николай Александрович. - Вечерами вел кружок ИЗО. Узнав о моей специальности, стал меня привлекать к оформительской работе директор музея Чкалова Евгений Михайлович Боев. В музее писал тексты, затем перешел к иллюстрационным работам. Иногда по просьбам знакомых рисовал портреты с фотографий.

Да, в семье каждый рубль лишним не был. Две младших сестры Николая Александровича учились - одна в школе, другая в институте, им приходилось помогать. Отец при трагических обстоятельствах ушел из жизни еще в 1930-м году. Он был водником, работал на землерепатательной машине. И вот однажды какой-то "доброжелатель", коих в те годы было предостаточно, сделал на него донос в соответствующие органы. Не дожидаясь ареста, после которого репрессии неизбежно затронули бы и семью, спасая семью, отец и решил наложить на себя руки.

Семья осталась без кормильца, и нужда сама пришла к порогу. И только любовь к рисованию скрашивала не очень-то веселую жизнь подростка.

После окончания восьми классов Николай Маркин поступает в Ярославское художественное училище. Если не брать в счет материальных трудностей, то учеба шла хорошо и закончилась бы благополучно. Если бы... если бы не война.

- Война застала в Ярославле, - вспоминал в беседах Николай Александрович. - Ее начало как раз совпало с окончанием училища. Нам выдали дипломы, и всех нас, ребят-выпускников, двадцать первого года рождения и старше, вызвали в военкомат. Думали, что сразу же и отправят на фронт. Но выпала какая-то отсрочка, по направлению поехал на работу домой, в Чкаловск.

Два месяца - сентябрь, октябрь - проучительствовал в средней школе №4. А в ноябре пришла все-таки повестка.

19 ноября Маркин вместе с другими обрванными наголо новобранцами с заплечным мешком за спиной покинул Чкаловск, не зная, вернется ли когда-нибудь опять сюда.

Но - повезло, хотя и инвалидом, а вернулся...

В 1944 году мобилизовали в действующую армию директора музея В.П.Чкалова Е.М.Боева. У Маркина появилась возможность устроиться в музей на постоянную работу на должность научного сотрудника. Должность обязывала досконально изучить жизнь и деятельность В.П.Чкалова, так как теперь нужно было вести экскурсии по музею, читать лекции в школах и клубах. Маркин продолжал заниматься и оформительской работой.

Но вот после окончания войны вернулся в музей на свою директорскую должность Е.М.Боев. "Он с большой энергией начал работать над расширением и улучшением экспозиции музея, - писал Н.А.Маркин в одном из писем ко мне. - Вникнув за этот период в суть музейной работы, я уже тоже мог кое-что добавить к его замыслам, и при

скромных материальных затратах нам удалось все же кое-что сделать".

Н.А.Маркин хорошо понимал требования, предъявляемые к музейному оформлению. Этой работе помогал и темперамент художника с его аккуратностью и обязательностью. Надо сказать, что экспозиция музея, созданная при творческом содружестве этих двух энтузиастов, просуществовала почти без изменений более 40 лет. И только в 1987 году в музее было создано новое оформление. Но и в этой новой экспозиции работы Маркина очень уместны, они звучными цветовыми аккордами хорошо оживляют серый фотографический материал, а в ряде случаев служат своеобразным переходным мостиком от одного периода жизни Чкалова к другому, когда разрыв между ними не представляется возможным заполнить документальным материалом. Акварели, живописные и графические работы просто хороши еще и сами по себе. Все их отличает высокий профессионализм в сочетании с теплой, мягкой задушевностью исполнения.

В то время в Чкаловск ежегодно приезжал навестить старушку-мать и родные места С.М.Каманин, он тогда уже работал старшим преподавателем на кафедре живописи и рисунка ВГИКа.

- Вот зашел как-то Сергей Михайлович в музей, посмотрел мои этюды, рисунки, - вспоминает Маркин, - и говорит: "Чего тебе здесь киснуть? Давай-ка, поступаешь к нам в институт".

Предложение было заманчивым, но и уехать было непросто. В 1946 году Маркин обзавелся семьей, женился. И вот как раз в эти годы жена Николая Александровича и его старшая сестра учились в г.Семёнове, приобретая педагогическое образование в институте, который так и назывался Учительским. Обоим надо было помогать. И только по окончании ими института, в 1948 году, решился Н.А.Маркин рискнуть - попробовать поступить во ВГИК.

Поступать поехали вместе с Александром Вагичевым, земляком и товарищем, к тому времени также закончившим Ярославское художественное училище. Несмотря на огромный конкурс, оба земляка-чкаловца все экзамены сдали успешно, и протекции С.М.Каманина, можно сказать, не потребовалось.

И все бы оно было хорошо, если бы не одно, но существенное неудобство. Получилось так, что жена Маркина после окончания института жила и работала в средней школе в Чкаловске, а сам он жил и учился в Москве. И так продолжалось целых пять лет.

Еще одна выдержка из письма Н.А.Маркина: "Приезжая в Чкаловск, работал ежедневно все лето. Тогда уже было известно, что весь старый Чкаловск и затон будут затоплены, перенесены на другое место. Поэтому все интересное хотелось зарисовать, чтобы хоть на бумаге и холсте запечатлеть, каким было Василево - родина В.П.Чкалова. А Чкаловск стоял на прекрасном месте, мало чем уступая знаменитому Плесу. С Чкаловского откоса были видны волжские многокилометровые просторы, острова, создающие прекрасный ландшафт. А какими уютными были его улочки! В любом месте - садись и пиши. И от себя сочинять ничего не надо. Куда ни поглядишь - все красиво. В небольших этюдах удалось кое-что отразить. Все это теперь ушло навсегда..."

Н.А.Маркин о своих этюдах говорит, как всегда, с присущей ему

скромностью, однако сделанную им за две летних практики работу просто трудно переоценить. Трудно переоценить ее значимость для истории Чкаловска. Ведь ему удалось запечатлеть все наиболее характерные, наиболее памятные уголки старинного поселения, каким было Василево-Чкаловск. Это прежде всего приречная его часть с пристанью и хлебными амбарами, с ларьками, прилепившимися к берегу. Это базарная площадь с белокаменными двухэтажными бывшими купеческими домами. Это приволжские улицы и Подлужье с речкой Санахтой, со скрипучими деревянными мостиками через овраг, с шаткими лесенками, поднимающимися от воды...

Маркин работал с одержимостью, с азартом. Десятки карандашных рисунков, десятки листов, написанных акварелью, множество масляных этюдов. И все они по-настоящему живописны, красивы по цвету, и все подкупают теплотой и задушевностью исполнения.

По приезде в институт Н.А.Маркин получил по результатам практики отличную оценку и даже похвалу самого руководителя кафедры знаменитого Ф.С.Богородского.

Впоследствии все эти работы были переданы музеем В.П.Чкалова. И слава Богу, что они оказались сохранены, а не утерялись, не пропали, как это чаще всего бывает.

Сейчас, по прошествии лет, акварели и рисунки Н.А.Маркина имеют еще и другую ценность, ценность исторического документа. Да, действительно, старый Чкаловск был одним из живописнейших уголков на Волге. Уют и красота села создавались не одним столетием. Но вот за один год все это было разрушено и ушло под воду, навсегда исчезло с лица земли. Остались лишь воспоминания, да, может быть, десяток-другой фотографий, да вот эти работы Н.А.Маркина, сделанные накануне затопления.

Улочка старого Чкаловска

Вот поэтому старожилы Чкаловска, бывая на выставках Маркина, или рассматривая его рисунки и акварели, находящиеся в экспозиции музея В.П.Чкалова и выставочного зала им.А.М.Каманина, так подолгу стоят у этих небольших по размеру этюдов, припоминая, споря и доказывая что-то друг другу, как бы вновь мысленно проходя по знакомым до боли местам...

В год окончания института для дипломной работы Н.А.Маркин выбрал знакомую и близкую тему - "Валерий Чкалов". Для защиты диплома им было выполнено темперой и гуашью около двух десятков больших эскизов, раскрывающих героическую жизнь летчика-земляка. Все они были написаны с таким мастерством, что имели уже художественную ценность как самостоятельные станковые произведения. И снова все эти листы стараниями Е.М.Боева оказались впоследствии в музее.

Н.А.Маркин закончил институт с отличием и сразу же был принят художником-постановщиком на главную киностудию страны - "Мосфильм". Теперь все его творческие устремления поглощает работа в кинематографе. Ей, этой суетной, выматывающей силы работе отдано 37 лет.

Маркин принял участие в работе над 23 художественными полнометражными фильмами, в их числе такие, как "Вий", "Неподсуден", "Стук в дверь", ставшие классикой отечественной кинематографии.

Николай Александрович о своей работе говорил так: "Художник кино - исследователь и первопроходец. Он первым из создателей фильма зрительно представляет себе и сюжет кинокартины, и места действия, и образы и костюмы. Под его руководством выполняются все натурные и павильонные сооружения".

В 1970-х, 1980-х годах Н.А.Маркин работал как художник-постановщик над получившими широкую популярность телесериалами "Тени исчезают в полдень" и "Вечный зов" по сценариям и повестям писателя А.С.Иванова. В те годы вся страна сидела по вечерам у телевизоров, переживая жизнь и волнуясь за судьбы героев этих фильмов. В 1979 году Н.А.Маркин, как и вся группа кинематографистов, работавших над телесериалом "Вечный зов", был удостоен Государственной премии СССР.

И все-таки при всей занятости работой в кино Маркин никогда не порывал связей с Чкаловском, с музеем В.П.Чкалова. Он постоянно переписывался Е.М.Боевым, и тот по-прежнему просил его советов и помощи по оформлению музея, и Николай Александрович время от времени выполнял какие-то его заказы.

Чкаловская тема как первая юношеская любовь прошла через всю его жизнь.

В экспозиции музея и выставочного зала им.А.М.Каманина находится много живописных и графических портретов В.П.Чкалова, сюжетных, жанровых картин, отображающих различные моменты жизни летчика-героя, выполненных Маркиным в различные годы. И все их отличает одна особенность - на них Чкалов очень похож. Верится, нет никаких сомнений, что вот таким он и был, как на портретах Маркина, - смелым, сильным, целеустремленным.

- Конечно, - говорит Николай Александрович, - в работе почти всегда приходилось пользоваться теми или иными фотографиями Чкалова. Но я никогда не копировал их рабски. Это было бы просто, неинтересно. Мне от работы к работе хотелось все глубже понять и передать образ, характер, психологию Чкалова, его внутренний мир. Но мне повезло - мне довелось видеть и живого Чкалова. Это, конечно, тоже помогло. В воображении я мог представить его таким, каким он был в жизни.

И вот один из последних портретов Чкалова, подаренный Н.А.Маркиным выставочному залу с выставки, посвященной 80-летию художника.

Чкалов изображен в профиль, написан акварелью, сепией. Взгляд его устремлен как бы в самого себя, он глубоко задумался над чем-то очень важным. Что происходит в стране? Что происходит вокруг него и с ним самим? Что его ждет?

Н.А.Маркин неоднократно устраивал выставки своих работ в Чкаловске. Одна из них так и называлась - "100 работ о Чкалове и Чкаловске".

Николай Александрович - заслуженный деятель кинематографии РФ, заслуженный художник РФ. Как человек исключительной скромности, он не любит говорить о своих достижениях и заслугах. Но вот однажды в один из последних с ним разговоров он, как бы подводя итоги сделанному за жизнь, сказал: "Никто из художников не работал над чкаловской тематикой, над образом Чкалова столько, сколько я. Никто из художников не рисовал и не писал чкаловские места, старый Чкаловск столько, сколько я. И если брать во внимание мою работу как художника-станковиста, так это, пожалуй, и есть самое значительное из всего, что сделано за жизнь".

Это так, и к этому добавить нечего.

**АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ
ВАГИЧЕВ**
1923 - 1992 гг.

Родился в с.Василево (ныне г.Чкаловск). Учился в Ярославском художественном училище (1940-1942, 1948) Окончил Всесоюзный государственный институт кинематографии (1954). Работал художником-постановщиком Центральной киностудии детских и юношеских фильмов им. М.Горького (1954-1984). Участник Великой Отечественной войны (1941-1945). Живописец. Экспонент ряда выставок Московского Союза художников. Персональная выставка в г. Чкаловске (1987).

И внешне, и по темпераменту они были очень разными людьми. Николай Маркин - скромный, всегда спокойный и уравновешенный, ни на кого и никогда не способный даже и голоса повысить. И Александр Вагичев - умеющий себя подать, импозантный, с шапкой густых и красивых волос, в хорошем и хорошо отглаженном костюме, и в одежде и в манерах с некоторою долей шика.

Сами взгляды на живопись у них тоже были разными. Вагичев говорил: "Цвет в работе надо повышать". Маркин же ему возражал: "А зачем его повышать? Он и такой, как в природе, хорош. Пусть так и будет на своем месте".

Но они всю жизнь были хорошими, добрыми приятелями, и судьбы их, художников-киношников, во многом схожи.

Да, это они, два смельчака из провинции, решились поехать в 1948 году в Москву покорять неприступную крепость: поступать в один из престижнейших тогда вузов - Всесоюзный институт кинематографии, возжелав стать художниками кино.

Конкурс был восемь человек на место, принять нужно было всего двадцать пять человек. 175 человек из поступающих уехали домой, а они прошли, поступили.

Желание стать художником, выбрать этот путь на всю жизнь, как это всегда бывает, зародилось у Вагичева еще в детстве. Обстоятельства благоприятствовали тому, чтобы это желание осуществилось. В своем домашнем архиве А.М.Вагичев всю жизнь бережно хранил фотографию, на которой запечатлены ребята, члены изокружка при клубе Я.Петрова, чинно вышагивающие с альбомами и этюдниками за художниками А.М. и С.М. Каманиными. Среди ребят-кружковцев - и Алек-

сандр Вагичев. Пойти на этюды с настоящими художниками - такое выдавалось не каждый день.

"Какое было увлекательное, захватывающее зрелище, - вспоминал Вагичев, - когда на чистом холсте у художников как по волшебству появлялись голубое небо и река с отраженными в ней облаками, и песчаный берег, и пристань с причалившим пароходом. Мы, затаив дыхание, наблюдали за таинством живописи".

Отец приучал подростка к плотницкому ремеслу, коим хорошо владел сам, но Александр Вагичев после окончания школы в 1940 году едет поступать в Ярославское художественное училище. Дорога туда была уже проторенной, к тому времени его закончили земляки Вагичева С.М.Каманин, С.П.Алексеев, Б.Т.Честкин, К.Ф.Частов, на последний курс перешел Н.А.Маркин. Стать художником среди чкаловской молодежи было престижно, почетно. Считалось - да оно и в самом деле так - что художник, это человек, отмеченный перстом Божиим.

Вагичев в училище поступил, но война прервала учебу, и он сумел возвратиться туда только лишь в 1947 году.

Проучившись год, в 1948 году поддался соблазну - поехал вместе с Н.А.Маркиным поступать во ВГИК, и попытка их оказалась вполне успешной.

Характер, темперамент Александру Вагичеву были даны от природы, от Бога. От этого никуда не уйтишь. Одной из особенностей его характера была чуть завышенная оценка своих способностей и успехов. В институте за привычку к самолюбованию его звали "Санка-гений", но и любили за веселый, неунывающий нрав, за его способность быть душой любой компании.

"Незабываемы послевоенные студенческие годы. Полуголодные, мы одержимо учились. Я даже состриг свой роскошный чуб, чтоб не соблазнила "мирская жизнь". Сеансы в мастерских длились по 10 часов, но усталости не чувствовали, ловили каждое слово преподавателей. Авторитет их был велик. Это были признанные мастера советской живописи - Ф.С.Богородский, Ю.И.Пименов, Г.М.Шегаль".

После окончания института в 1954 году А.М.Вагичев получил приглашение на работу на Центральную киностудию детских и юношеских фильмов им.М.Горького. Так началась его новая жизнь, интересная и беспокойная работа художника-постановщика кино, которой было отдано более 30 лет.

А.М.Вагичев участвовал в создании около 40 полнометражных и короткометражных художественных фильмов. Ему довелось работать с такими известными режиссерами, как С.Герасимов, Т.Лиознова, А.Рой, В.Шукшин. С участием Вагичева были созданы фильмы "Тихий Дон", "Евдокия", "Сердце друга", "Живет такой парень", каждый из них в те годы был событием отечественной кинематографии. А с каким интересом принимались мальчишками и девочками кинофильмы "Приключения Кроша", "Королевство кривых зеркал"!

Работа художника кино начинается с того, что он вникает и вживается в авторский замысел вместе с режиссером-постановщиком и оператором. Каждый из них - творческая личность, поэтому надо обладать коммуникабельностью, талантом чисто человеческого общения,

уметь быть в контакте, в одной упряжке со всей киногоруппой, создающей фильм, и в то же время уметь отстоять, доказать, не поступиться собственными замыслами.

Профессия художника-постановщика, конечно же, интересна, но будни этой профессии зачастую прозаичны. Слишком часто бывает так, что нет средств, некому строить декорации, а главное - мало времени. А надо успеть изучить, понять и освоить огромную, иногда совсем незнакомую и непривычную среду фильма. Эта профессия требует художнической и строительной изобретательности, эрудиции, творческой мобильности, большой работоспособности, иначе не выполнить иногда поистине гигантской работы, которая выпадает на долю художника кино.

Рассказывая об особенностях своей профессии, А.М.Вагичев приводил такой пример: "Ну вот, скажем, действие фильма по сценарию должно происходить в церкви. И тебе дается две недели, чтобы построить церковь. Разумеется, бутафорскую. Но в фильме она должна выглядеть, как настоящая. И вот начинаются мытарства: надо достать брус и подтоварник на каркас, надо...много всего надо. И начинается ходьба: в райком и райисполком, к председателю колхоза и заведующему базой. У всех полно своих забот, всем твой фильм до лампочки. И надо найти к каждому подход, убедить, уговорить. Потом надо найти бригаду шабашников, способных за неделю все это слепить, покрасить... И надо найти денег, чтобы этим шабашникам заплатить хоть что-то. И все это делается ради недели съемок, через неделю церковь будет разобрана. Через неделю для съемок нужна старинная крестьянская изба, и чтобы снаружи и внутри все выглядело по-настоящему - толстые бревна, широкие половицы, утварь, иконы... И такая круговерть и свистопляска до последней сцены, до последнего кадра.

Но вот споры, суета, спешка, все тяготы позади. И вот новый фильм, и он открывает свой, другой, новый мир. Сменились режиссеры, операторы, места съемок. Неизменным остается одно: ты и твой фильм. И каждодневная мысль: что ты можешь дать этому фильму, чтобы он стал ярче и выразительнее?"

Но были, конечно же, и отпуска, и окна в работе. Александра Михайловича в такие дни тянуло на родину, в Чкаловск. И приезжал он довольно часто - сначала к родителям, потом, когда их не стало, к родственникам. Иногда брал с собой этюдник, писал в окрестностях Чкаловска небольшие этюды.

Надо сказать, что А.М.Вагичев всегда относился к своей малой родине с трепетной любовью. "Я всегда гордился званием чкаловца, всегда гордился тем, что родина Чкалова - это и моя родина".

Вагичев был душою, да, наверное, и организатором бытовавшего в Москве общества "ЗОВ" - земляческого общества волгарей, куда кроме художников С.М.Каманина, Н.А.Маркина входили еще несколько чкаловцев, волею судеб оказавшихся в Москве.

Приезжая в Чкаловск, Вагичев неизменно навещал своих однокашников по школе, художника С.П.Алексеева. Ему давно уже хотелось устроить выставку своих работ в Чкаловске, чтобы показать землякам, что же он все-таки представляет из себя как художник. Но сде-

дать это ему удалось лишь после выхода на пенсию.

Александр Михайлович долго и тщательно готовился к этому событию. На пенсию он ушел в 1984 году, а выставку в Чкаловск привез в 1987-м. Надо было пересмотреть и оформить написанное ранее, хотелось что-то написать и специально для этой выставки.

И вот, наконец, летом 1987 года, как тогда было принято говорить, общественность города, да и просто жители, все, кто хотел, собрались в просторном и светлом фойе Дворца культуры и спорта на открытие выставки своего земляка московского художника Александра Михайловича Вагичева.

Выставка удалась. Здесь были и портреты - родных, знакомых, близких художнику людей, написанные крепко, профессионально. Были натюрморты, цветные, нарядные. Были пейзажи, написанные в разных уголках страны, где в разное время довелось побывать художнику. И все это было сделано добротнo, красиво, художественно.

Но зрителям, конечно же, более всего пришлись по душе картины, этюды, рисунки А.М.Вагичева, темой которых был родной Чкаловск с его окрестностями. А они составляли половину выставки, пятьдесят с лишним работ. Временной диапазон от акварели "Воложка", первой работы, которая была представлена на выставке детского творчества в г.Горьком в 1939 году, до написанной по этюдам в 1987 году картины "Санахта. Половодье" велик - сорок восемь лет.

А.М.Вагичев с увлечением и интересом рисовал и писал родные места в течение всей жизни - и в годы учебы в Ярославском училище, и во ВГИКе, и во все последующие годы, когда приходилось бывать в Чкаловске. Техника выполнения, уровень художественной ценности этих работ разные - от беглой зарисовки карандашом или фломастером до хорошо продуманной и скомпонованной картины. Но в лучших работах ясно и четко видно "лицо" художника Вагичева, они написаны мажорно, в любимом им напряженном, приподнятом цветовом настроении. Романтическую ноту во многих работах вносят и столь любимые им эффекты вечернего или яркого дневного освещения.

А.М.Вагичев был великодушным рисовальщиком, об этом говорят сохранившиеся рисунки 50-х годов, периода учебы во ВГИКе. Не зря же его звали "Санка-гений"!

Н.А.Маркин, безусловно, прав, что больше его старый Чкаловск никто не рисовал, но надо отдать должное и А.М.Вагичеву. Его вклад тоже значителен, весом и ценен. Каждый из них сделал то, что смог и как смог. После выставки художник все работы, посвященные чкаловской тематике, а также ряд киноэскизов передал городу для будущей картинной галереи.

И еще одно хорошее, доброе дело сделал - сдвинул с мертвой точки долго мусолившийся вопрос об открытии в Чкаловске картинной галереи. Об этом полезном и нужном деле говорили многие и много - лет десять, а то и больше. Но никто ничего не делал. Он же с настойчивостью, можно даже сказать, с настырностью, приобретенной за 30 лет работы в кинематографе, стал ходить в райком, райисполком, отдел культуры. На следующий день опять райисполком, райком... И так целую неделю. Он рисовал эскизы и планы залов будущей галереи, он

писал статьи о галерее в местную газету. И пробил! Для галереи была выделена половина третьего этажа Дома культуры им.В.П.Чкалова.

А потом он собрал одноклассников, всех тех, с кем учился в средней школе №4, и за свой счет угостил компанию в местном ресторане, который тогда еще назывался "Василена слобода". Поднимая бокал, Александр Михайлович Вагичев говорил: "Я всегда гордился этим званием - чкаловец!"

**ОЛЕГ ПАВЛОВИЧ
КЛЮКИН**
1929 - 2002 гг.

Заслуженный художник РФ. Награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета РФ за заслуги в области изобразительного искусства.

Родился в п.Василево (ныне г.Чкаловск) в 1929 году. Здесь прошли его детство и юность. В 1951 году окончил Горьковское художественное училище. С этого же года начинает участвовать в художественных выставках. С 1952 года по 1965 год жил и работал в г.Грозном, с 1965 года в г. Ногинске. В 1960 году был принят в члены Союза художников СССР. Картины О.П.Клюкина экспонировались на многих зональных, республиканских, всесоюзных художественных выставках. Он принимал участие в зарубежных выставках в Чехословакии, Болгарии, Германии, Франции, США, Великобритании. Полотна художника находятся в 14 музеях и галереях России, а также в Национальной галерее современного искусства в г. Глазго (Великобритания), в галереях и частных собраниях Франции, Италии, США, Англии, Гонконга.

Мое заочное знакомство с О.П.Клюкиным состоялось давно, лет тридцать назад. В тот год - в какой именно, теперь уже трудно припомнить - прознав, что в городе Иванове проходит зональная выставка художников Нечерноземья, мы выпросили в отделе культуры автобус и впятером, двое художников Каманиных, С.П. Алексеев, В.Е. Виноградов и я, отправились в вояж, целью которого и был осмотр этой выставки.

Художники Подмосковья, Владимирщины, Ярославской, Ивановской областей представляли на ней свои лучшие достижения в разных видах и жанрах изобразительного искусства. На выставке было много чего интересного и стоящего, но работ было столько, что от их изобилия и многоцветия кругом шла голова.

И вот среди всей этой нестроты глаз остановило большое полотно, где было изображено убранный поле с щетиной жнивья и над ним свинцово-серое осеннее небо. И все. Больше ничего.

Но это поле - огромное, бескрайнее, покато - производило какое-то планетарное впечатление, оно представлялось уже частью всей нашей Земли. Впечатление это еще более усиливалось тяжело надвигающимися, плывущими над полем грузными свинцовыми тучами.

И земля, и небо - все было написано очень пастозно, грузно, объ-

емно. О щетку жнивья, если потрогать, казалось, можно было уколоться. Колорит картины с сопоставлением коричнево-охристых красок поля с темно-синим тоном неба был суров, тяжел, серьезен. Это был образ земли-кормилицы и, ассоциативно, многотрудной работы на ней, на этой черной, неохватимой оком русской земле.

Старшие мои спутники тогда заметили, что автор картины Олег Клюкин - наш, чкаловский, то есть уроженец Чкаловска, а сейчас живет в подмосковном городе Ногинске.

Впоследствии мне не раз приходилось слышать это имя и от других жителей Чкаловска, однако встреча с художником Клюкиным представлялась делом маловероятным.

С той выставки прошло много лет. И вот однажды в мой "офис", расположенный на чердаке Чкаловского дома-музея, неторопливо вошел довольно крупный, довольно грузный, похожий на стог сена человек и, поздоровавшись, представился:

- Клюкин Олег Павлович, художник.

Это было так неожиданно, что я, должно быть, и рот раскрыл от удивления. Вот тогда я припомнил пословицу о том, что гора с горой не сходятся, а человек с человеком - обязательно.

Олег Павлович почувствовал мое искреннее к нему расположение, и беседа наша приняла обоюдно доброжелательный характер. Он в тот раз попросил о какой-то небольшой услуге. Может, это даже было только поводом, чтобы познакомиться, посмотреть, что за субъект работает в должности директора музея.

Ему в тот год исполнилось 60 лет, это я запомнил. В Чкаловск Клюкин приехал по делам житейским. Здесь год или два назад умерла уже в очень пожилом возрасте его мать. После нее осталась квартира в заводском поселке, нужно было вступить в права наследства и выполнять всякие полагающиеся в таких случаях процедуры.

Узнав о том, что я тоже рисую и занимаюсь этим давно, Олег Павлович пригласил меня "на чай" вот в эту пустующую квартиру, где они остановились с женой, и куда я не преминул явиться в назначенный день и час. И сразу же по приходе в дом меня словно окликнули, будто магнитом притянули к себе стоявшие у стены в одной из полупустых комнат только что написанные этюды. Сразу же бросилась в глаза непривычная напряженность и сила цвета. В каждом этюде, как в сжатой пружине, была заключена внутренняя энергия и мощь. Внешне это были мотивы совсем не притязательных двориков, улиц, портреты старых домов, расположенных или в самом заводском поселке или рядом с ним. И вот эти затрапезные домишки, захламлинные задворки, преломленные, творчески преобразованные художником, выглядели значительно, внушительно, или, как говорил поэт, "весомо, грубо, зримо".

- Вот видите, я пишу немножко по-другому, нежели Каманин. Для вас это, может быть, непривычно. Но меня в живописи интересует прежде всего живопись, а не списывание приятных видов. Ну, об этом мы еще поговорим, а сейчас давайте-ка присаживайтесь к столу...

Над столом на стене висела копия с картины В.Васнецова "Три богатыря". Олег Павлович, заметив, что я на нее обратил внимание, ска-

зал: "В школьные годы еще рисовал. Сохранилась. А смотри-ка - ничего, ничего. Что-то тут все же есть. Вот за это "что-то" и в училище приняли".

Копия была сделана, конечно, с детским примитивизмом, но в упрощенных, наивно утрированных формах еще более олицетворялась каменная тяжесть богатырей. И сюжет, должно быть, выбран был не случайно. Видимо, тогда уже волновало юного художника образное воплощение силы, мощи, непоколебимости.

После рюмки-другой Клюкин принялся рассказывать о себе, о родителях, о своей юности. О том, как учился в чкаловской школе юнг, три навигации работал на водном транспорте, а потом поступил все же в Горьковское художественное училище.

Речь его была неторопливой, каждое слово произносилось негромко, но отчетливо и веско. Движения тоже были неторопливы и несколько замедленны.

Светло-серые глаза смотрели сквозь очки с открытой прямоот и детской пытливостью.

Олег Павлович с явным удовольствием припоминал различные эпизоды из далекого прошлого. С нескрываеомой гордостью он рассказывал о том, как ему в годы учебы в училище довелось походить в оруженосцах у самого К.Ф. Юона. Юон приехал в Горький поработать, пописать. Но он был уже в таком возрасте, что самому носить этюдник и все принадлежности было трудно. Он попросил А. М. Каманина, в те годы бывшего председателем Горьковского Союза художников, найти ему помощника - паренька. Тот сходил в училище, и выбор пал на Клюкина, как самого рослого и крепкого.

- Наблюдать за работой такого мастера для меня было поистине наслаждением и счастьем!..

После училища Клюкина направили на работу в город Грозный, и только через несколько лет удалось ему перебраться в подмосковный Ногинск. Здесь работало немало хороших, талантливых художников, атмосфера и среда были творческими, и молодой художник старался утвердить себя в этой среде.

Рассказам не было видно конца, однако надо было знать и честь.

В следующий мой визит у стены опять стоял ряд свежих, только что написанных этюдов. И вновь я разглядывал их с жадным, живым интересом. И вдруг Клюкин неожиданно предложил:

- Если хотите - пойдёмте со мной на этюды. Суббота у вас выходной день, вот и пойдём.

И вот мы идем с ним по утречку по улицам Чкаловска. Морозец-утренник чуть умерил прыть бурливших вчера вдоль дороги ручьев, но золотистое солнышко обещало новый чудесный день. По дороге Олег Павлович опять что-то рассказывал, восхищался улочками и домами старого Чкаловска, мимо которых мы шли.

Но вот, наконец, облюбовано место для этюда - часть одной из улиц с рядом серых выглядывающих друг из-за дружки домишек. Внизу - развалы сверкающего и тающего на солнце снега.

Клюкин неторопливо выдавил из тюбиков краски на палитру и принялся за работу. Писал он без каких-либо ухищрений, без подма-

левка. Методично наносил на холст жирные, густые, протяжные мазки круто замешанной краски. Первоначально эти разнородные пятна не очень-то дружно жили между собой, спорили, вступали в противоборство. Но вот, подчиняясь воле художника, они соединялись в мощные аккорды и выступали единоподчиненной силой, нанористой и мощной, как звуки увертюры в той ее части, когда задействованы все инструменты оркестра.

Оторвавшись на минуту от работы, Олег Павлович вслух высказывает мысли, которые вызревали, видимо, долго и отстоялись до афористичности, до формул:

- Каждый цвет, каждое цветовое пятно обладает собственной возбуждающей силой, своим собственным свойством воздействия на чувства, на психику. Дать каждой краске петь в полный голос и в то же время заставить их звучать согласно - вот это и трудно, но интересно. Я люблю сильную и смелую живопись!

Через три-четыре часа этюд был закончен. Внешне в работе художника, в приемах работы все вроде бы было просто, как в той избитой фразе: "Возьми нужную краску и положи в нужное место". Но за этой кажущейся простотой стояли многие годы упорной работы и размышлений...

Дело с продажей унаследованной квартиры у Клюкина долго не могло уладиться, и по этому поводу он несколько раз приезжал в Чкаловск и летом. В один из таких приездов он специально привез, чтобы показать мне, художественные альбомы, книги, журналы, в которых были помещены репродукции с его работ. И это были не только пейзажи, а и жанровые картины, смело и умело скомпонованные и написанные - это видно было даже и в репродукциях - энергично, цветно, живо.

О каждой из картин Клюкин рассказывал целые истории - как появилась первая мысль, как писались этюды, эскизы к этим картинам, на каких выставках они побывали. А потом вдруг сказал:

- У меня в Коробейникове есть кое-какие этюды, эскизы к некоторым работам. Если интересно посмотреть - поедemте. Я вас свезу туда на машине, переночуете, а обратно сами справитесь.

Олег Павлович давно мне уже об этом говорил, что много лет подряд в летнее время они с женой живут на даче в деревне Коробейниково, затерявшейся в дальнем углу Городецкого района. Деревенька полюбилась еще во время учебы в училище, когда посылали на копку колхозной картошки. А когда появилась возможность, купил там обычную крестьянскую избу, сделал к ней пристрой-мастерскую и с удовольствием работал здесь каждый год все лето напролет. Писал живописную речку Узолу, окрестные деревни, поля, перелески. Писал деревенских мужиков и баб.

Кроме того, вместе с женой работали и на участке земли возле дома, обеспечивая себя картошкой и овощами на всю зиму. Так что дача приносила обоюдную пользу - давала пищу и духовную, и материальную.

И вот мы катим с Клюкиным в его "обетованную землю", в Коробейниково. Дорога не ближняя, поэтому вновь рассказы, воспомина-

ния, размышления и рассуждения о сути и целях искусства.

Я долго недоумевал, чем же вызвано такое внимание Клюкина к моей малозначительной персоне. Ведь я был младше его на тринадцать лет, а о сопоставимости творческих достижений и говорить нечего. Но Клюкин, видимо, просто нуждался в обычном человеческом общении, нуждался в собеседнике. С женой уже давным-давно все было переговорено, а с кем и о чем еще можно было поговорить в деревне? Вот он и отводил душу, найдя во мне благодарного слушателя.

Потом, его заслуги в искусстве, как ему казалось, отмечены были не так высоко, как заслуги его друзей-товарищей. Это задевало, ущемляло его самолюбие. Со многими друзьями он разошелся, понах же завести, когда перевалило за шестьдесят, довольно трудно. Случай послал ему меня, провинциального художника-самоучку, перед которым можно было пофорсить, порисоваться, поучить уму-разуму.

В Коробейниково ехали часа два. Когда приехали, уже вечерело. И вот предстал перед глазами долго расхваливаемый дом - на краю деревни, с громадными тополями и березами перед окнами, с огородом впереди дома, с усадом позади него. Ну что - дом как дом, вроде бы ничего уж такого особенного нет.

И внутри дома все как в обычной крестьянской избе. Но вот заходим, наконец, в мастерскую. Пристроил ее к дому и обустроил все внутри сам Олег Павлович по своему вкусу. Просторная, светлая, с окнами на северную сторону. Стены, потолок, пол - все строганное, некрашеное дерево. Крепкий основательный мольберт. Стеллажи с книгами, этюдами, эскизами, кипами картона, бумаги. Лесные пни, сучки, речные коряги. Олег Павлович берет в руки планку иссиня-черного дерева:

- А это мореный дуб. Когда-то сам откапывал на Узле затонувшие деревья дуба. Там, в воде, дерево и приобретает такой цвет. Эти планки распиливаю на бруски и делаю из них рамы. На Западе такие рамы ценятся...

У каждой вещи, что находится в мастерской, своя история, и Клюкин рассказывает их, эти истории, одну за другой. Вот маленький, карманный, потертый этюдник - он принадлежал когда-то Машкову. Вот пачка рисовальной бумаги - ее Клюкину подарил француз, владелец художественного салона. Маленький, очень пастозно написанный этюд - автор Туржанский, это память о встрече с вдовой художника...

Может быть, в этих историях Олег Павлович что-то и присочинял, но если и присочинял - то интересно, художественно.

Наконец, очередь доходит и до его собственных этюдов и эскизов. Клюкин раскладывает на полу несколько картонок с эскизами к одной из картин. Тема одна - деревенские мужики возвращаются с покоса, а вариантов много. Фигуры, фон - все написано плакатно, совсем без деталей.

- Композиция картины - будь это пейзаж, портрет или натюрморт - это композиция цветовых пятен. Вот этим я и занимаюсь, прежде всего, перед тем, как приступить к картине. Видите - фигуры на зеленом фоне? А сколько должно быть зеленого? Руки, лица - оранжевые, а как велики будут эти пятна? Желтые майки, синяя рубаха - все это надо

увязать, привести в согласие.

В общем-то, и в нефигуративном искусстве решаются те же задачи. Пробовал и я заниматься этим, но вовремя понял, что это все-таки не мое. Но и писать так, как писали передвижники, - нельзя. Как можно не учитывать того, что открыто и накоплено за полтора столетия мировым искусством? В искусстве, живописи надо быть смелым, всегда что-то открывать новое и для себя, и для людей.

Лето, о котором идет речь, было дождливым, мало благоприятным для работы на пленэре. Поэтому на стенах мастерской висело около десятка натюрмортов, почти все с цветами - полевыми, луговыми, садовыми. Цветы в стеклянных банках, в глиняных кувшинах, в каких-то поливных горшочках. Без малейшей тени салонной красоты, без всякой вычурности. Они были сделаны так-же, как все написанное художником Клюкиным - весомо, грубо, зримо. Среди виденных мною в тот вечер этюдов было несколько мотивов с речкой Узолой. Запомнился и пейзаж с самим вот этим домом-мастерской. Дом и был похож сам на себя, и не похож. Увиденный глазами художника и словно бы заново сотворенный на холсте его рукою, он приобрел как бы даже космические величины и значительность - под огромными, встрепанными ветром тополями, под несущимися над ним облаками - дом плыл вместе со всею Землею по кругам вечности.

- Повторить то, что мы видим в природе, в реальной жизни все равно никто не может. Да это и не нужно. Правдивость - не в рабском перенесении видимого в натуру на холст. Художник творит у себя на холсте свою собственную правду - художественную. В этом и заключается суть искусства.

После ужина, с новою силой разгоревшихся нескончаемых разговоров, я долго не мог уснуть. Не оттого, что переел или выпил лишнего. Взгляд никак не отпускал маленький натюрморт с колокольчиками, что висел на стене напротив. Не хотелось выключать свет...

Всякая хорошая работа должна находить признание, оценку и поощрение. Работа художника - в особенности. Где-то уже после шестидесяти лет О.П.Клюкину было присвоено звание заслуженного художника России. Но, чтобы иметь средства к жизни и дальнейшей работе, он вынужден был большинство своих живописных вещей продавать за рубеж, в частные галереи Франции, Англии, Ирландии. В один из последних своих приездов в Чкаловск он с какой-то детской радостью говорил о том, что западные кинематографисты его снимали в одном из документальных фильмов о России и в сопроводительном тексте назвали большим русским художником.

В последние пять-шесть лет жизни Олег Павлович тяжело болел, часто лежал в больницах. Отказывались ходить ноги, плохо работало сердце. И все же по-прежнему каждое лето жил в своем Коробейникове.

Там и сделалось совсем плохо. Умер он в Городецкой больнице. Для вечного покоя избрал землю, где прошли детство и юность. По его завещанию урну с его прахом захоронили на Чкаловском кладбище в могиле его родителей.

СЕМЕН ПЕТРОВИЧ АЛЕКСЕЕВ

Родился в с. Василево (ныне г. Чкаловск) в 1916 году. Окончил Ярославское художественное училище (1938). Участник Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. С 1945 по 1976 годы работал учителем рисования и черчения в школах г. Чкаловска. Участник областных выставок самодеятельных и профессиональных художников, совместной выставки чкаловских художников в г. Ванкувере (США) в 1994 году. Неоднократно устраивал персональные выставки в г. Чкаловске. Почетный гражданин Чкаловского района.

Когда Семен Петрович приходил, бывало, с этюдником в давно облюбованные, давно знакомые места, и когда день выдавался особенным, с удивительным мартовским солнцем, когда золотистый свет его ласково, мягко обволакивал и дальние перелески, и весь заснеженный простор, и домишки деревень, он обыкновенно произносил одно только слово: "Песня!". И, подготовив палитру, с юношеским азартом принимался переносить эту песню на белоснежный холст.

Сейчас С.П.Алексееву идет восемьдесят девятый год. Плоховато стали видеть глаза, плохо слушаются ноги. Трудно ему стало выбраться с этюдником в любимые, заветные места. Но не устает сердце художника радоваться по весне чудесному солнечному свету, летом - нарядному разноцветью садовых цветов, осенью - жарким краскам стоящих у окна кленов и берез. Казалось бы, сколько всего за жизнь написано-перевидано, писано-переписано, но и до сих пор, пользуясь накопленным за жизнь материалом, старыми этюдами, сидя за самодельным мольбертиком в своей комнатке-каморке, все пишет да пишет потихоньку художник Алексеев свои картины-песни.

Художник. Что же заключается в этом понятии? Как отличить художника от дилетанта или от равнодушного имитатора природы, натуры, действительности? Сам Семен Петрович по этому поводу сказал однажды так: "Если у человека есть собственное восприятие природы и всего, что его окружает, если человек умеет передать, выразить это свое видение средствами живописи - значит он художник".

Вот это-то, прежде всего, и отличает С.П. Алексеева - собственное, ни на кого не похожее восприятие пейзажа и всей жизни, и свой собственный художественный язык, свои художественные средства пере-

дачи видимого и осязаемого. Его пейзажи последних лет отмечены какой-то особой романтической приподнятостью, повышенной силой цвета и света. От чистых, радостных красок веет молодой свежестью, праздничностью, светозарностью. С чего же и когда начинается художник? Художник, так же как и поэт, начинается с детства, когда все удивительное, услышанное, узнаваемое и прочувствованное так свежо, так ярко отпечатывается в памяти. Впечатлениями детства, добрым, ослепительно белым солнечным светом освещены и согреты многие картины С.П.Алексеева.

Детство у Семена Петровича было таким же, как и у десятков других его сверстников. Прошло оно в старинном, уютно расположившемся на волжском берегу селе Василеве. Родительский дом находился в той части села, что называлась Подлужье. Рядом - речка Санахта, за ней поросшая могучими соснами круча Покровской горы. Чуть дальше - Волга с ее пристанями и пароходами. Летом каждый день то рыбалка, то походы в ближний лес за грибами. Детство как детство. Только острый глаз и впечатлительный ум паренька воспринимали все это как какую-то необыкновенную сказку или дивный сон.

Жизненный путь С.П.Алексеева тоже начинался точно так же, как у многих - школа ФЗО, работа на водном транспорте. И это памятно до сих пор - плавал масленщиком на пароходе "Кинешма". И до сих пор помнит - какие гудки и в каком порядке подавал пароход по прибытии и при отходе от пристани.

А в свободное от вахты время все рисовал, рисовал в альбомчике, то карандашником, то акварельными красками. И вот в 1934 году по настоятельной рекомендации старшего брата, у которого тоже были хорошие способности к рисованию, С.П.Алексеев едет в Ярославль поступать в художественное училище. И поступил, и благополучно окончил, а после окончания был направлен на работу в одну из сельских школ Ярославской области.

Там, в селе Вятском, Семен Петрович обзавелся семьей, женился. И кто его знает, как сложилась бы жизнь, если бы не война. Был призван в армию в первый же год, а в 1945 году был демобилизован по ранению. Вместе с женой вернулся в родные края, в Василево, правда, теперь оно уже называлось поселок Чкаловск. Здесь-то и работал в одной из средних школ учителем рисования и черчения более 30 лет.

Сколько ребят - и озорных сорванцов, и старательных тихонь - прошло через его руки за эти годы! Многие из выпускников школы поступали потом в технические вузы, становились квалифицированными инженерами и впоследствии не раз вспоминали добрым словом строгого учителя С.П.Алексеева и его уроки черчения. Наиболее способные к рисованию студийцы и кружковцы поступали в художественные училища и институты, и изобразительное искусство становилось делом их жизни.

Нагрузка, занятость в школе была большая. Ведь он один вел уроки рисования и черчения во всех классах с пятого по десятый, да еще вел занятия и в вечерней школе. Да занимался с кружковцами в Доме пионеров, да вел изостудию для взрослых в Доме культуры. Казалось бы, и часа свободного не оставалось для собственной творческой рабо-

ты. И все-таки каким-то образом он выкраивал эти часы для самого любимого в жизни - живописи.

В первые же послевоенные годы С.П.Алексеев познакомился и как-то сразу очень близко сошелся, можно сказать, подружился с А.М.Каманиным, который довольно часто приезжал пописать, поработать в родные места. Договорились: "Давай будем ходить на этюды вместе?" "Давай!". Так вот и ходили писать вместе лет около тридцати пяти, до тех пор, пока не стало подводить Александра Михайловича здоровье.

Каманин даже и в послевоенные годы был в среде горьковских художников человеком известным, авторитетным. Ведь уже в 1946 году его картину приобрел Горьковский художественный музей, в этом же году Каманин возглавил Союз горьковских художников. Обо всем этом С.П. Алексеев, конечно же, знал. Знал и как-то волей неволей, работая с ним вместе на этюдах, стал подпадать под его влияние. А потом стал смотреть: у Каманина в приглушенных тонах красок - гармония, а у него серость да скука. А потом стал думать: а зачем ему писать так, как Каманин? Каманина хватит и одного. Нет, пусть будет что будет - лучше ли, хуже ли - но надо писать по-своему. А потом стал вспоминать уроки и беседы училищного преподавателя, который рассказывал им об импрессионистах, о русских художниках начала 20 века таких, как Машков, Кончаловский, Грабарь, которые цвет заставляли звучать в полную силу. И вот С.П. Алексеев решает писать более красочно, считая, что красочность уже сама по себе способна вызывать у зрителя радость. Открыть в природе радость и найти средства, чтобы передать ее на полотне - вот это теперь становится главным у художника Алексеева.

Ранняя весна

Не сразу все получалось, были и неудачи. Порою красочность оборачивалась несобранной, несгармонизированной нестротой: "Что-то ты мудришь, Петрович!" - с сожалением говорил ему Каманин. Петрович молчал, но с выбранного пути уже не сходил.

Более привередливо стал относиться Алексеев и к выбору самого мотива пейзажа. Казалось бы, тут-то чего долго думать? Выбрал приятный для глаза вид - заливчик, бережок с деревьями да кустиками, с деревенькой на косогоре - садись да и пиши себе, не мудрствуя лукаво. Но художник, если он и вправду художник, а не ремесленник, пишет не мотив сам по себе, а изволнованное его состояние в природе, стремится передать настроение, характер пейзажа. Он как бы выслеживает, подкарауливает то состояние, которое наиболее отвечает его душевному настрою, темпераменту. А в конечном итоге с помощью красок выявляет на холсте свое представление о прекрасном, свое отношение к различным проявлениям жизни природы, то есть выражает с помощью красок свой внутренний мир. И чем богаче, чем сложнее и тоньше внутренний мир художника, тем больше мыслей и чувств передает зрителям написанный им пейзаж.

Не раз приходилось мне быть свидетелем того, как долго выбирает, высматривает и обдумывает Семен Петрович пейзажный мотив перед тем, как разложить этюдник. Он как бы вслушивается, настраивается на ту "песню" природы, которая ответно откликнется, заставит зазвучать струны его души.

В отличие от Каманина С.П.Алексеев много работает над пейзажем дома, в своей каморке-мастерской. Стремясь высветить красочную палитру, постоянно экспериментирует. Осваивает темперную живопись и в этой технике пишет целый цикл мотивов зимнего леса. Для передачи пушистого снега, кудрявого инея с тонкими нюансами розоватых, палевых, голубых, сиреневых тонов и полутонов темпера оказалась как нельзя более подходяща.

Нередко художник прибегает и к смешанной технике - подмалевок сделает темперой, а по сухому уже, используя темперный слой как подкладку, пишет масляными красками. При этом старается не нарушить цветовой насыщенности и светозарности красок.

На природе темперными красками С. П. Алексеев не пишет, но стремясь сохранить в этюде чистоту тона, свежесть красочного строя, он то и дело протирает мутные, грязноватые участки этюда тряпкой или ватой, и заново прописывает эти места красками более звучными и светлыми. Таким образом, и масляная живопись стала приобретать качества темперной - светлую, нарядную праздничность.

А.М. Каманин, наблюдая за всем этим, наконец, смирился: "Ну, что же, наверное, и так можно работать".

Мотивы пейзажей С.П. Алексеева год от года становятся все камерней, он сознательно стал отказываться от сложных композиционных построений в своих картинах. Описывать словами написанное красками - дело почти безнадежное. Но - хотя бы один пример. Вот незамысловатый вроде бы мотив - две сарайки, поленница дров, березка, а впереди, на первом плане, большая лужа от растаявшего снега с отраженным в ней синим небом. Чего уж вроде проще, а сколько тут

правды жизни! Почти физически чувствуешь и этот чудесный день начала весны, и мягкий свет, и чистый, прохладный воздух.

... Двадцать семь лет назад С.П. Алексеев ушел, как это называется, на заслуженный отдых. Живопись стала почти что единственным смыслом и содержанием жизни. Основные события, которые волнуют и радуют - это смена состояний в природе. Вместе с друзьями-приятелями, а то и один, год за годом вновь и вновь отправляется он в свои давно знакомые, заветные места, а их у него за жизнь накопилось много.

Каждый год ждет он, как праздника, прихода теплых мартовских дней с веселым золотистым солнцем и удивительным розовато-палевым снегом, с такими нежными, трепетными, голубыми тенями на его поверхности и поцелуями солнца на свету.

Весна

А время весной мчится колесом! И вот уж зацвели яблонь, вишни - какая чудесная пора! Вот закудрявилась кupa лиловой сирени, вот горьковатый аромат черемухи волнами поплыл по округе - что за прелесть! Пришла сенокосная пора, и по лугам раскинулось, расстелилось разноцветье живых ковров из лиловых колокольчиков, желто-белых ромашек, карминных липучек и великого множества других трогательно прелестных луговых цветов. И каждый год он с радостным нетерпением ждет, когда природа выткет эти пестрые, радующие глаз ковры.

Знает он, в каких местах особенно жарко полыхают костры огненно-красных осин. И всякий год, дождавшись золотой поры, садится на автобус и едет в эти места. Год за годом художник как бы заново переживает, пропускает через сердце эти необыкновенные замечательные события в природе. И не устает, и рад возможности жить в природе и разговаривать с ней. И каждый год художник С.П.Алексеев делает все новые и новые откровения красоты, заставляя или давая возможность

тем, кто потом увидит его пейзажи, сопереживать вместе с ним эти всплески радости земной.

Сейчас Семен Петрович плоховато стал себя чувствовать, годы берут свое. Но кистей из рук художник не выпускает. Поставит летом на окошке букет из садовых астр, поставит на мольбертик холст, поколдует над ним час, другой, третий. И вот эти астры, преображенные талантом и вдохновением мастера, будто праздничные фейерверки вспыхивают, горят в квадрате полотна белыми, желтыми, пепельно-сиреневыми шапками радостных огней.

С.П. Алексеев никогда не стремился вступить в члены Союза художников, он не участвовал в каких-то больших, престижных выставках. Он как был, так и остался скромным провинциальным художником.

Но он пел и поет свою песню так, как хотелось и хочется его душе. И случалось, бывало такое, что вот придут к нему в гости приятели из тех, что и в больших выставках участвовали, и звания имеют, а посмотрят, поглядят его работы, да и скажут с плохо скрываемой завистью: "Цветовик!".

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ МОЧАЛИН

Заслуженный работник культуры РФ (1998). Лауреат премии Нижнего Новгорода (1998). Орден Трудового Красного Знамени за работу в Художественных промыслах. Почетный гражданин Нижегородской области и Чкаловского района. Родился в с.Хозино Нижегородского края в 1932 году. Окончил Московский институт железнодорожного транспорта (1955). Живописец. Работает в области пейзажного жанра. Член Союза художников России с 1983 года. С 1969 года - постоянный участник областных выставок. Экспонент зональных ("Большая Волга", 1985, 1991, 1998, 2003), всероссийской (Москва, 1996) художественных выставок. Первый секретарь Чкаловского РК КПСС (1966-1976). Начальник Управления художественных промыслов Горьковского облисполкома (1976-1987). Начальник Управления культуры Горьковского облисполкома (1987-1992). Директор Департамента культуры и искусства администрации Нижегородской области (1992-1993). Персональные выставки: Н.Новгород, 1993, 1998, 2003; Япония (Академия художеств), 1991; Москва, 1995, а также 30 выставок в городах и районах Нижегородской области.

Среди накопившейся за прожитые годы печатной продукции различного рода хранится у меня каталог 11 областной выставки работ самодельных художников, состоявшейся в начале 1973 года. В числе участников выставки от Чкаловского района в каталоге названы двое: Лукин В.П., партработник и Мочалин Н.М., тоже партработник.

Так вот, надо сказать, что между этими двумя партработниками находилась дистанция значительного размера. Н.М. Мочалин исполнял должность первого секретаря Чкаловского райкома партии, а В.П. Лукин был всего лишь инструктором отдела агитации и пропаганды.

Была существенная разница и в возрасте, Мочалин был постарше меня на 10 лет. Его познания и умения в области рисунка и живописи тоже, надо признать, были поосновательней. Но все это не мешало нам несколько лет подряд вместе ходить на этюды на природу в окрестностях Чкаловска, часами беседовать на темы горячо и искренне любимого искусства.

Да и встретились мы с ним первый раз тоже на природе, на этюдах. Как-то в один из теплых июльских дней, уже после полудня, шли

мы с постоянным спутником С.П. Алексеевым на вечерний этюд по берегу Ваулинского оврага. По дороге Семен Петрович сообщил мне, что Михалыч, так по-дружески называл он А.М. Каманина, сегодня пошел на этюды с начальством - с первым секретарем райкома Мочалиным. И вот идем мы себе по берегу и вдруг видим - у самой воды стоят перед этюдниками двое художников. Михалыча узнали, конечно, сразу, как только увидели. А вот вторым художником и был Н.М. Мочалин.

Подожли, поздоровались. Николай Михайлович был тогда молодым мужчиной в полном расцвете здоровья и сил, с пышной шевелюрой курчавых, с бронзовым отливом, волос. Что тогда еще отметил глаз? Очки в светлой металлической оправе на покрасневшем от непадной жары носу. Заметил, что пишет Мочалин не правой, а левой рукой.

Ну, что ж - для приличия постояли немножко, поглядели на их работу, да и пошли дальше, дабы не мозолить глаза начальству.

Тогда, а было это в 1970 году, не было никаких, даже и малейших предпосылок к тому, что в скором времени и я окажусь в райкоме партии и буду работать под началом Н.М. Мочалина. Но не зря же говорится, что пути Господни неисповедимы.

Вместе с каталогом 11 областной выставки самодеятельных художников хранится у меня и каталог первой персональной выставки самодеятельного художника Н.М. Мочалина, которая состоялась в том же 1973 году сначала в Чкаловске, а затем во Дворце культуры завода "Красное Сормово". Перед тем, как устроить выставку у Мочалина были сомнения, а надо ли это делать вообще? И вот Николай Михайлович принес как-то в свой кабинет увязанные в кипы этюды и эскизы, акварели и рисунки, наброски фломастером и шариковой ручкой - в общем, почти все свои работы и пригласил на их просмотр А.М. Каманина. Присутствовал на этом просмотре и автор этих строк.

Большая часть этюдов, рисунков, картин относилась еще к дочкаловскому периоду творческой работы Мочалина. Пристрастие к искусству проявилось у него уже в детские, школьные годы, прошедшие в Первомайске.

Поступив в Московский институт инженеров железнодорожного транспорта, он не бросает своего любимого занятия, посещает изостудию клуба им. Зуева, принимает участие в Московской городской выставке самодеятельных художников.

Возвратившись по окончании института в Первомайск, Н.М. Мочалин работает там на тормозном заводе мастером, конструктором, начальником конструкторского бюро. И опять - все свободное время отдает творчеству - рисованию, живописи. При заводском клубе он организовал изостудию и руководил ею целых четыре года. В это время год от года все заметнее растет мастерство художника. Он смело берется и довольно успешно решает сложные творческие задачи - пишет тематические, жанровые картины такие, как "Рабочее утро", "На старом заводе", "Заливщики" и другие. Он регулярно участвует в областных, республиканских, Всесоюзных выставках самодеятельных художников.

Однако в 1962 году в жизни и судьбе Мочалина происходит резкий

поворот - его, как очень деятельного, активного человека выдвигают на партийную работу. Он избирается секретарем Первомайского горкома партии, затем учится в Ленинградской высшей партийной школе, после чего работает инструктором Горьковского обкома КПСС.

В 1966 году Н.М.Мочалин избирается первым секретарем Чкаловского райкома партии и переезжает на жительство в Чкаловск.

Во время учебы в партшколе, во время работы в обкоме времени для занятий изобразительным искусством не было. И уж тем более его не было в первые годы работы в должности первого секретаря райкома. Н.М.Мочалину тогда было всего 34 года. Надо было утвердить себя как настоящего руководителя района. Надо было район - промышленность, строительство, сельское хозяйство - поставить на крепкие ноги. Не до этюдов, не до картинок было.

А ведь тогда в таком небольшом городе, как наш, и в таком небольшом районе, как наш, появлялись новые предприятия, расширялись и реконструировались старые, строились новые школы и дома культуры, строилось жилье, на селе строились фермы, различные цеха подсобных промыслов, росло поголовье скота, росла год от года урожайность в полеводстве... За все это прежде всего отвечал первый секретарь райкома, все нити сходились туда - в райком, на бюро, на пленум. Все шло через голову и нервную систему Первого. Как человек, видевший эту кухню изнутри, скажу - нескучная, горячая была работка у Н.М. Мочалина!

Порисовать, конечно же, хотелось, и он брал иногда с собою в поездки альбомчик и что-то рисовал, набрасывал в нем шариковой ручкой, однако с сожалением осознавал, что стезя художника ушла от него, и мало было надежды на то, что когда-нибудь он встанет на нее снова.

Но вот проходит год, другой, третий - и район стал получать всеческие переходящие Красные Знамена и первые места по разным показателям. И вот после такого длительного перерыва Н.М. Мочалин вспоминает, наконец, об этюдинке, о кистях и красках. Где-то к 1970-72 годам понемногу реанимируется его страсть к изобразительному искусству. Этому в немалой степени способствовала красота природы окрестностей Чкаловска. Колеса в райкомовском "козлике" по колхозным дорогам и бездорожью, он имел возможность созерцать эти красоты чуть ли не каждый день. Этому способствовало знакомство с замечательным человеком и художником А.М. Каманиным.

Вот и в тот раз, просматривая принесенные Мочалиным на суд работы, Александр Михайлович находил слова одобрения, отмечал удачу в цветовом, колористическом решении того или иного этюда, хвалил рисунки. Со свойственной ему деликатностью и тактичностью давал советы и рекомендации. И сделал вывод - выставка получится!

И действительно, выставка получилась. Она тепло была встречена жителями Чкаловска, а затем с успехом прошла и в Сормове. На этой выставке не так уж и много было этюдов, написанных в наших местах, ну, может быть, чуть более двух десятков, но с той поры Н.М. Мочалин по праву стал считаться чкаловским художником.

Сейчас, спустя тридцать лет, листая каталог выставки, читая назва-

ния работ, я вспоминаю эти этюды 1971-1972 годов. Все они были совсем маленького размера, излюбленными мотивами художника были овражки да речушки, ручьи да болотца, поросшие кустарником и мелколесьем. Н.М.Мочалин не искал в этих мотивах какой-то усложненной композиции, цветистой красочной гаммы, но пытался, как можно глубже, проникнуть в суть и смысл состояния природы, понять ее характер в целом и проходящее минутное настроение.

Горьковское море

В моей заметке, посвященной этой выставке, - она называлась "Родник" и была помещена в газете "Горьковская правда" от 1 марта 1973 года - есть такой абзац:

"Место, что облюбовал Николай Михайлович для воскресных этюдов в обычных понятиях далеко не самое красивое в окрестностях Чкаловска, а так - один из тех скромных овражков, каких много в нашей стороне. Но приглядитесь к работам, написанным здесь, - "Первая зелень", "Колодцы", "Весенний ручей", "Весна в деревне" - сколько скрытой прелести сумел разглядеть художник в этом неказистом овражке. Здесь же совсем недавно написан этюд "Зима. Родник". Кругом - снег. Искрится, сверкает на солнце. За тонкими березками на пригорке спряталась русская банька, еще дальше - крыльи деревенских изб. А внизу родник. Работает, работает без усталы, дает людям необходимейший продукт - чистую, прозрачную ключевую воду.

Неистощим ключ - родник. Невсякаяма дисбовь художника к природе, к земле, по-матерински близкой".

Успех выставки открыл художника. Все чаще становятся вылазки на природу. Быстро восстанавливаются прежние навыки, а затем мастерство художника поднимается на более высокую, чем прежде, ступень. Высветляется палитра, чище и радостней становятся краски. Ни-

колаю Михайловичу в эти годы нравится письмо пастозное, плотное, густое. Он часто и охотно при нанесении красок пользуется мастихином. Его живописная техника становится вполне профессиональной.

Творческому росту художника способствовала и вся здешняя атмосфера традиционно доброжелательного отношения к изобразительному искусству. В Доме культуры им. В.П. Чкалова то и дело устраивались выставки - А.М. Каманнина, С.М. Каманина, Н.А. Маркина, С.П. Алексеева, В.Е. Виноградова, совместные выставки художников-чкаловцев. Встречи и беседы с профессиональными художниками-москвичами, уроженцами Чкаловска, С.М. Каманиным, Н.А. Маркиным, установившиеся контакты с местными самостоятельными художниками укрепляли веру в себя и собственные силы, подогревали интерес к творческой работе.

Только вот времени для творчества оставалось крайне мало. Ведь даже и один из двух выходных приходилось использовать для поездок в колхозы, чтобы самому быть в курсе дел - как идет сев, как идет заготовка кормов, как идет уборка зерновых и картошки. Но Н.М. Мочалин всегда, всю свою жизнь обладал завидной самодисциплиной, он всегда умел так уплотнить свой день и недельный график, что его хватало на все - на работу, на семью, на домашние дела, и на творчество.

Когда в 1976 году после десяти лет работы в Чкаловске Н.М. Мочалин назначают на должность начальника областного управления художественных промыслов, то он уезжает отсюда с навыками и мастерством вполне сложившегося профессионального художника. Приехав в Горький, Н.М. Мочалин, как человек коммуникабельный и активный, сразу же налаживает связи с горьковскими художниками, а влившись в их среду, с 1979 года начинает принимать участие в профессиональных художественных выставках.

В 1983 году Н.М. Мочалин стал членом Союза художников СССР, и сразу же активно включается в выставочную деятельность, участвует во многих престижных выставках в Душанбе, Москве, Казани, Чебоксарах - все их трудно перечислить. Художник в эти годы по-прежнему с увлечением пишет этюды как в поездках, так и в самом Нижнем Новгороде. Но все чаще и чаще обращается к пейзажу - картине, с продуманной в условиях мастерской композицией, выверенным колоритом, где нет ничего случайного и лишнего. В большой по размеру картине ставит сложные задачи - сохранить свежесть этюда и вместе с этим создать образ природы, запоминающийся и наталкивающий на те или иные размышления.

В годы работы начальником управления художественных промыслов Н.М. Мочалину довольно часто приходится бывать в заграничных служебных командировках - это поездки в ГДР, Испанию, Италию, Венгрию. В этих поездках художник осваивает мобильную технику рисунка пастелью и, несмотря на плотность дневного расписания, успевает все же во всякой поездке сделать несколько быстрых зарисовок. Некоторые из них потом лягут в основу написанных уже в мастерской картин.

Подобные быстрые зарисовки художник делает и в поездках по области, по стране. Впоследствии пригодятся ему и они.

В 1986 году Н.М. Мочалин назначается начальником областного управления культуры и работает в этой должности до 1992 года, до выхода на пенсию. Немало полезных, добрых дел сделал Николай Михайлович на этом посту. Но и в эти годы, как ни трудно вести два воза одновременно, не ослабевает ритм напряженной творческой работы в области изобразительного искусства. Все вечера, все выходные дни проходят за мольбертом в мастерской. Он прочно встает в ряд ведущих нижегородских художников.

Однако творческая работа никогда не была в ущерб основной служебной деятельности. За работу на ответственных руководящих постах Н.М. Мочалин награжден тремя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Октябрьской революции.

Выйдя на пенсию, Николай Михайлович, наконец-то, получил возможность идти по одной дороге, все свои устремления направить в одно русло. На стеллажах стояли кипы этюдов, написанных в разное время, в разных местах - тут и многие уголки Нижегородчины и самого Нижнего Новгорода, путевые наброски и рисунки из поездок по стране и зарубежью, мотивы черноморского побережья Крыма. Все это ждало своего воплощения в формах более масштабных и значительных... Бережно хранил художник и все этюды, написанные в Чкаловске, придет черед - и они в претворенном, преображенном виде лягут в основу его картин...

Теперь Мочалин работает с неистовой одержимостью, будто завод продукцию, выдавая картину за картину. Темы их различны, и, наверное, нет смысла их перечислять.

Оттепель

Но в каждую работу художник стремится вложить и мысль, и живое, непосредственное чувство переживания и сопереживания изображаемому им мотиву природы.

К своему 65-летию художник устроил большую, содержательную выставку, которая стала значительным событием в художественной жизни Нижнего Новгорода. Когда я ходил по залам Нижегородского художественного музея, где была размещена выставка, многие работы узнавал, так как видел их в мастерской художника, многие видел впервые, но собранные вместе, воедино, они поражали воображение. Какой же большой и трудный путь прошел этот настойчивый, упорный и трудолюбивый человек! Этот путь был пройден на моих глазах. Он внушал почтение и уважение. Это был путь - подвиг!

Прошло еще пять лет. Следующую выставку, к 70-летию юбилею Н.М.Мочалин решил сделать тематической и назвал ее "Земля Нижегородская". Долго к ней готовился, тщательно отбирал из всего сделанного самое значительное. И вот на открывшейся выставке взору зрителя вновь предстал Нижний Новгород древний и молодой, современный со всеми его архитектурными достопримечательностями. Нижегородская провинция с ее старинными городками и селами, Арзамас и Балахна, Городец и Павлово, Ветлуга и Дивеево, наконец, знаменитое Болдино, заповедные памятники природы, такие, как Керженец, Светлояр, все это опоэтизированное, пропущенное через сердце художника, перенесло в картины, от которых так и веет легендами, древними поверьями и преданиями.

И вот опять, с какой-то душевной теплотой гляжу я на пейзажи, написанные в наших чкаловских местах. Иные из них - живые натурные этюды, многие написаны на моих глазах, я встречаю их как старых знакомых. Есть и такие, что сочинены по этюдам в мастерской, но и они своей узнаваемостью греют душу.

И вот я смотрю на совсем небольшой по сравнению с другими полотнами этюд - "Зима. Родник". Этюд тридцатилетней давности, но здесь, на этой грандиозной выставке, как говорят, обедни не портит. Незамысловатая картинка, а как свежи краски, как схвачено состояние!

Я смотрю и радуюсь за художника. Радуюсь тому, что как любимые им реки Кудьма и Ветлуга, Линда и Керженец, как наша Санахта впадают в Волгу-матушку, так и его родник - не заглох, не пропал, а, окрепнув и набравшись силы на нашей чкаловской земле, полноводным потоком влился в великую реку русского искусства.

**АНАТОЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ
ТЕРЕНТЬЕВ**
1928 - 2003 гг.

Родился в 1928 году в д.Федоркино Чкаловского района. В 1936 году семья переехала на жительство в г.Горький. Окончил Горьковское художественное училище (1957) и художественно-графический факультет Московского государственного педагогического института (1968). С 1957 по 1985 год работал учителем рисования и черчения в школах г.Горького и в расположении ограниченного контингента советских войск в ГДР. Неоднократный участник художественных выставок в Доме учителя и Центральном выставочном зале г.Нижнего Новгорода. Участвовал также в зональных художественных выставках картинами "Фашисты" и "Память". Его работы находятся в краеведческом музее г.Балахны ("Портрет К.Минина", "Битва с поляками"), в выставочном зале им.Каманина, в частных коллекциях граждан России, США, Германии.

Акварель! Уже в самом звучании этого слова слышится нечто свирельно-напевное, нежное.

Акварель! Сколько замечательных, великих, гениальных художников самозабвенно отдавались в плен этой тонкой и изящной, сложнейшей и интереснейшей технике.

Вот и Анатолий Дмитриевич Терентьев всю свою жизнь был трепетно, по-юношески влюблен в акварель, был предан ей до конца своих дней. Он без устали мог говорить о достоинствах колонковых и беличьих кистей, о качестве тех или иных сортов акварельной бумаги, о способах и приемах акварельного письма. Нет, конечно же, он нередко работал и масляными красками, и тут имелись свои успехи и достижения. Но любимой "лошадкой" всегда неизменно оставалась она, акварель. Эта быстрая, живая техника как-то очень подходила и к его характеру, темпераменту человека общительного, оптимистичного, легкого.

... Жизненный путь художника Терентьева берет свое начало в наших краях. Первые детские годы его прошли в дальней деревушке Федоркино, располагавшейся в западной лесной стороне нашего района.

Многолетняя семья жила согласно веками сложившемуся укладу сельской жизни. Но вот отец семейства в начале тридцатых годов прослышал о начинающемся строительстве Горьковского автозавода, о том, что туда требуется множество рабочих рук. Нестерпимо захоте-

лось вырваться из лесной глухомани на свежий жизненный простор.

В 1932 году он уехал на эту гигантскую стройку, а в 1936 году, когда Анатолию было восемь лет, к отцу в Горький перебрались и вся семья.

Анатолий Дмитриевич не без юмора вспоминал о том, что их "квартира" располагалась первоначально в дырявом куполе одной из нижегородских церквей. Вот тебе и жизненный простор!

... Шли годы. В школе у Анатолия Терентьева проявились несомненные способности к рисованию. Это и определило выбор жизненного пути. Он поступает учиться в Горьковское художественное училище.

Время было холодное, голодное. Вспоминая его, Анатолий Дмитриевич рассказывал о том, как он выхаживал по училищу в огромных серых "сибирских" валенках. Но учился с большим желанием и уже в те годы "прикипел" к акварели. На каникулы обыкновенно отправлялся в знакомое с детства Федоркино. Там помогал деду с бабкой по хозяйству. И рисовал, рисовал. В училище возвращался с папками, полными зарисовок, набросков, акварельных рисунков.

После окончания училища вышло решение продолжить образование, и Анатолий Дмитриевич поступил на заочный художественно-графический факультет Московского педагогического института. Там под руководством опытных профессоров пополнялись знания, совершенствовалось мастерство молодого художника-педагога.

Этот багаж - высшее художественно-педагогическое образование - сыграл, видимо, не последнюю роль, когда А.Д.Терентьеву предложили поехать на работу в ГДР, в распоряжение контингента советских войск. Там, преподавая рисование и черчение в одной из школ для детей военнослужащих, Анатолий Дмитриевич проработал много лет.

Жизнь в Германии в материальном отношении была обеспеченной, безбедной. И все-таки сильно тянуло на родину, в свои родные места. Наконец, А.Д.Терентьев вместе с семьей возвращается в Горький, работает там преподавателем рисования и черчения в строительном техникуме.

Благоустроенная квартира, хорошая работа, что еще, казалось бы, нужно человеку для спокойной размеренной жизни? Но вот в 1985 году, за 3 года до выхода на пенсию, Анатолий Дмитриевич принимает не простое для себя решение - он бросает работу, решив заняться одним лишь творчеством.

Судьба возвратила его к истокам - в Чкаловском районе в деревне Чухово недалеко от села Пурех он присмотрел и купил небольшой домик. С этим домиком связана вся его дальнейшая жизнь, а это без году двадцать лет. Разумеется, время от времени он навещался в Горький, к жене и к семье. И тем не менее основным местом жительства А.Д.Терентьева стала теперь деревня Чухово.

Анатолий Дмитриевич быстро освоился в деревне, быстро стал здесь своим человеком. А освоившись и наработав материала, устроил выставки своих работ сначала в Пурехе, а затем и в Чкаловске. Непосредственность и искренность представленных на ней работ тронули весьма искушенного в изобразительном искусстве чкаловского зрите-

ля. Анатолий Дмитриевич органично, легко и просто вошел в среду местных художников, а вскоре и дом Терентьева в Чухове стал доступен и гостеприимен для всякого, кому интересен был сам художник и интересно было его творчество.

Дом этот стоит на самом краю деревни на возвышенном месте, откуда вниз к реке опускается широкая, просторная луговина, а сверху, от дома открывается прекрасный вид на реку Юг, на мреющие в голубой дымке дали. При доме, как и полагается в деревне, усад, и Анатолий Дмитриевич ведет пришедшего к нему гостя прежде всего туда, показывает яблони, вишни и сливы, и всякую другую растительность, какая там есть. При доме имеется и погреб, сделанный собственноручно, и хозяин не преминет рассказать, сколько там всяческих запасов - солений, варений и самодельных вин, а пригласив в дом, прежде всего и угостит каким-нибудь из шедевров домашнего виноделия.

В доме тесновато - всего одна комната да совсем уже крохотная кухонька за перегородкой. В комнатке едва убираются кровать да стол, комод да деревянная горка. Посему мастерскую для работы Анатолию Дмитриевичу пришлось оборудовать на чердаке дома. Для того, чтобы там было больше естественного света, прорубил в кровле проем и соорудил в нем тамбур со слуховым окном. Настелил в мастерской пол, стены и потолок сделал из прочной, многослойной фанеры. Так что мастерская получилась довольно просторной и светлой.

На стеллажах, как и у всякого художника, разместилось то, что накопилось за жизнь, необходимые для работы материалы и принадлежности, рамы и подрамники, бумага и картон, краски и кисти, старые и новые этюды. На стенках какие-то дорогие сердцу, памятные вещицы, о каждой из которых художник может рассказать целую историю.

Усадив гостя в кресло, Анатолий Дмитриевич начинает показывать свои последние работы. Это и портреты односельчан, и наброски с сельских ребятишек, и натюрморты - букеты скромных луговых и полевых цветов в глиняном кувшине, а то и просто кустики лесной земляники в стакане с водой. И, конечно же, много акварельных пейзажей, видов окрестностей Пуреха - полевые дороги, деревеньки, лесные полянки, речка Колесенка, речка Юг...

Показывая все это, Анатолий Дмитриевич приговаривает:

- Акварель любит смелых. Акварелью надо работать наверняка, исправления в ней почти невозможны. Два раза прокрасил лист - еще ничего, а на третий получается грязь и муть. Тут уж или пан или пропал. А если уж "запорол" лист, лучше уж сразу брать другой. Исправлять бесполезно. Это не масло, где можно все соскоблить и начать снова. У акварели свои законы. Успеха добьешься, если беспрекословно им подчинишься, а иначе она и близко к себе не подпустит. Капризная дама...

И, наконец, художник показывает новую серию этюдов Пурехского Спасо-Преображенского храма. Этот храм за то время, пока жил в Чухове, писал он множество раз, в разные времена года, при разных состояниях освещения, с разных точек и акварелью, и маслом. Он был прямо-таки влюблен в этот великолепный величественный архитектурный ансамбль с его приделами, колокольней и оградой с башенками по углам и въездными воротами с четырех сторон. С воодушевлени-

ем говорил о подробностях строительства этого храма, заложенного еще в 1613 году князем Д.М.Пожарским.

Его живо интересовало все, связанное с русской историей. Ну, а уж историю села Пурех, жизнь и ратные дела князя Пожарского он знал досконально.

Много и с интересом работал художник и в соседнем с Пурехом селе Вершилове, где в начале 17 века располагалась усадьба Д.М.Пожарского.

Писал акварелью исторические реконструкции села с его также замечательной в архитектурном отношении церковью. С увлечением работал также и в Нижнем Ландехе, еще одном вотчинном селе князя Д.М.Пожарского.

Вообще Анатолий Дмитриевич всегда охотно обращался к историческим темам как в акварельной, так и в масляной технике. Большие сюжетные, батальные картины писал, разумеется, маслом. И, надо сказать, что эти его работы пользовались, пожалуй, наибольшим успехом. На совместной выставке чкаловских художников в американском городе Ванкувере - она проходила там в 1994 году - посетители с живой заинтересованностью рассматривали акварельные работы А.Д.Терентьева, воссоздающие старый Пурех с его монументальным храмом, с уличными потасовками подвыпивших мужичков.

Лет пять назад в Пурехе на площади около сельского Дома культуры, неподалеку и от храма, был открыт памятник князю Д.М.Пожарскому работы народного художника РФ П.И.Гусева. На открытие памятника в числе других гостей приезжал и Нижегородский губернатор И.П.Скляров. К тому времени А.Д.Терентьев в Доме культуры устроил свою выставку. И вот посетивший ее губернатор приобрел понравившуюся ему батальную картину "Битва Д.М.Пожарского с поляками".

Эту батальную сцену художник варьировал и повторял несколько раз. Один из вариантов с последней выставки А.Д.Терентьева в г.Балахне приобрел местный краеведческий музей.

Осталась память о художнике А.Д.Терентьеве и в селе Пурех. В местном Доме культуры находится довольно солидное его полотно "Село Пурех в 19 веке", размер картины по длинной стороне около трех метров.

В работах на исторические темы художнику каким-то непостижимым образом удавалось уловить и передать сам дух старины, верится в подлинность изображенного, будь это пейзаж, батальная или жанровая сцена.

Анатолий Дмитриевич любил устраивать выставки своих работ и делал это как-то легко и охотно, при любой возможности. Его выставки проходили во всех сельских школах района, и в каждой из них по окончании выставки оставалось по 2-3 работы художника. Неоднократно устраивались его выставки в Пурехе и Чкаловске, после них многие работы переходили в школы, в различные учреждения, в картинную галерею им.А.М.Каманна. И не только за плату - художник щедро раздаривал свои картины.

Ему дорого было непосредственное общение со зрителями. Может быть, именно поэтому он ежегодно приезжал со своими работами в

Чкаловск в праздник Дня города и устраивал вернисажи прямо под открытым небом.

Существует такая крылатая фраза: "Учитель, воспитай ученика!" Художник-педагог А.Д.Терентьев за долгие годы учительства, без сомнения, воспитал немало достойных учеников. Но, пожалуй, самым лучшим учеником и преемником Анатолия Дмитриевича, которым он мог по праву гордиться, стал его собственный сын, Александр Анатольевич. Отец сумел передать ему свою трепетную любовь к акварели, и сейчас Терентьев-младший, член Союза художников, - один из лучших акварелистов Нижнего Новгорода. Еще при жизни отца он привозил выставку своих акварелей в Чкаловск и покориł ими сердца местных любителей искусства.

Анатолий Дмитриевич передал эстафетную палочку в надежные руки.

... Вот и закончился просмотр работ художника Терентьева. Пора и честь знать, пора покидать мастерскую. Анатолий Дмитриевич спрашивает поднимающегося из кресла гостя:

- Ну, понравилось что-нибудь? Эта понравилась?

Берет ручку и, широко расписавшись на обороте акварели, дарит ее посетителю.

**ВИКТОР ВАСИЛЬЕВИЧ
БЕРЕЗИН**
1934-1984 гг.

Родился в п.Василево (ныне г.Чкаловск) Нижегородской области (1934). Окончил ГХУ (1960), учился в Московском полиграфическом институте (1962-1965). Учитель рисования и черчения средней школы п.Тумботино Нижегородской области (1960-1975). Живописец и график. Художник-пушкинист. Экспонент Всесоюзной выставки народного творчества (1965). Персональные выставки: Горький (1974), п.Тумботино (1984), Павлово (1985), Киев (1985), Ленинград (1985), Чкаловск (1986), Горький (1989).

Биография его не богата событиями. Виктор Васильевич Березин родился в поселке Василево (ныне г. Чкаловск) в 1934 году, окончил Горьковское художественное училище, а по его окончании был направлен на работу в поселок Тумботино Горьковской области. Там он прожил 25 лет. Пятнадцать из них, до 1975 года, Березин работал учителем рисования и черчения в школе, а потом - пожарным в одной из военизированных частей города Павлова. Вот, пожалуй, и все.

Последние десять лет он посвятил одной теме, одному образу - образу Пушкина. Это стало для него целью и смыслом жизни. Вскоре после смерти Березина шестнадцать его работ приобрел Всесоюзный музей А.С.Пушкина, восемь дополнили фонды музея-заповедника в Михайловском. Девять работ вдова художника подарила Нижегородскому музею Н.А.Добролюбова. Много было подарено друзьям, приятелям Виктора Васильевича. Что-то было передано в Павловский краеведческий музей, что-то в Нижегородский музей А.С.Пушкина.

А перед этим выставки работ В.В. Березина прошли в родном Тумботине, в Павлове, в Киеве, Ленинграде, на родине художника - в Чкаловске. Всюду творчество Виктора Васильевича вызывало самый искренний интерес, самый теплый прием у зрителя.

Художник далеко не все сказал о Пушкине, что хотел и что мог. К большой и серьезной работе он только готовился. И все-таки он успел вымолвить о Поэте пусть негромкое, но свое собственное слово, со своей интонацией.

У него были друзья, были товарищи, однако редко перед кем он мог полностью открыть и излить душу. Да и друзья были где-то там - в Горьком, в Киеве. Далеко...

Но у него были дневники. С ними, как с лучшим другом, вел Березин доверительный разговор. Записи вел в больших, толстых, так называемых амбарных, книгах. Откроем одну из них: "Итак, начата еще одна тетрадь. Я их называю пожарными. Это от того, что листы тетради я заполняю на дежурстве, в свободное время. По ним можно было бы проследить мой долгий и трудный поиск образа поэта. Этот поиск будет продолжаться до конца моих дней".

Видимо, они очень нужны ему были, эти тетради. Склонившись над чистой страницей с карандашом или ручкой в руках, он обретал душевное равновесие, становился личностью - художником и человеком, становился самим собой.

"Сегодня здесь суетливый день. В такие дни эту тетрадь можно оставлять дома, и все-таки я беру ее с собой. Открывая ее, возвращаешься к самому себе, просыпается воображение, уходишь в свой мир".

Рядом с записью соседствуют рисунки. Их много. Сотни. Подавляющее большинство - Пушкин. "Вот уже прошло полтора года, как я работаю в пожарной охране. Пришел я сюда затем, чтобы иметь три дня после дежурства для самого важного в своей жизни - живописи. К сожалению, до сих пор эти три дня часто остаются бесплодными. И далеко не всегда в этом виноват я. Самое страшное - это мое здоровье. Оно буквально с детства тиранит меня".

Часто дневниковые записи Березина пропитаны горечью, тоской, щемящим чувством одиночества, отъединенности от людей. Ткань его записей то и дело пронизывает фраза: "Чувствую себя скверно. Тоска, тоска, тоска...". "В душе хаос...".

Наверное, минорный тонус психики был отчасти врожденным свойством натуры, а отчасти приобретенным или усугубленным в пору трудного сиротского детства.

А детство его как раз пришлось на военные и первые послевоенные годы. Это время для всех было трудным, но в семью Березиных беда шла за бедой. Калекой, инвалидом пришел с войны отец. Мать умерла рано, когда Виктору было лет одиннадцать. В маленькой избушке, где ютилась семья, царил голод и холод. Один за другим ушли из жизни два брата. Умер отец.

Виктора спасало только то, что у него были две страсти: одна страсть - к рисованию, другая - книги. В морозные зимние дни, когда в нетопленной избе невозможно было находиться, он безвылазно сидел в читальном зале Дома культуры, читал книги об искусстве, о художниках, читал стихи лучших русских поэтов. И всегда в кармане его был альбомчик, не проходило дня, чтобы он в нем что-нибудь да не нарисовал. Ни одного занятия не пропускал и в изокружке, который вел учитель рисования С.П. Алексеев.

1951 год, когда Виктору Березину было семнадцать лет, определил его судьбу. Летом этого года в поселок приехали на практику студенты художественного факультета ВГИКа. Одним из руководителей практики был С.М. Каманин.

Будущие художники кино работали неутомимо, с молодым темпераментом и азартом.

И всегда за их спиной стоял и восхищенно наблюдал за тем, как

идет работа, Виктор Березин. А потом набрался смелости, сам стал к ним присоединяться. Способности паренька сразу же были замечены. Каманин подходил и с земляческой доброжелательностью делал замечания, давал советы, попутно расспрашивал о жизни, о планах, настоятельно рекомендовал поступать учиться живописи.

В конце лета Виктор едет в Горький и без труда поступает в художественное училище. Поступил-то легко, да вот только на совершенно мизерную стипендию жить было невозможно. Общежития при училище не было, приходилось снимать квартиру, да еще надо было на что-то питаться. В общем, опять жил впроголодь, и часто рад был батону хлеба, купленному для него одним из преподавателей.

Наконец, в 1960 году вместе с женой, к тому времени Виктор обзавелся семьей, едут они в захолустье, в заштатное Тумботино. Потонуть в болоте захолустья не входило в его планы, и вот в 1962 году он - студент-заочник художественного факультета Московского полиграфического института. Учился у Мая Петровича Мигурича, известного мастера книжной графики.

В эти годы Березин затеял большую картину на тему гражданской войны - "Прощание". Она в 1965 году экспонировалась на Всесоюзной выставке народного творчества и навсегда осталась во Всесоюзном музее народного творчества.

Вроде бы все шло хорошо. Но злополучные обстоятельства сложились так, что после третьего курса он вынужден был оставить учебу.

Березин писал этюды, пейзажи в окрестностях Тумботина, но не находил в них удовлетворения: все, как ему казалось, было не то. А время шло.

И все-таки он нашел, нащупал спасительную нить. Березин неоднократно переписывал в свои тетради пушкинскую строку: "Поэзия, как ангел-утешитель, спасла меня". Для Березина спасительной нитью, ангелом-утешителем стал сам Пушкин, работа над воплощением его образа. А натолкнули Виктора на этот путь следующие обстоятельства. В 1974 году в Горьком, в кинотеатре "Россия" он устроил выставку своих работ, основу выставки составляли портреты замечательных людей русской и мировой культуры и, прежде всего, литературы.

На выставке более всего обращал на себя внимание зрителей портрет Пушкина. Удачу художника отметили артист Горьковского ТЮЗа М. Палеев, неоднократно исполнявший роль Поэта в спектаклях, в кино, и искусствовед Горьковского художественного музея Л.И.Помыткина.

И вот с тех пор Пушкин стал его неутолимой страстью. Теперь он старался не пропустить ничего из того, что издавалось о Пушкине. Радиопередачи, произведения других художников на пушкинскую тему - ко всему этому Березин относился теперь ревностно, с пристрастием.

"Рисовать Пушкина - великая радость и наслаждение, несмотря на то, что это порой происходит мучительно и болезненно. Я не знаю, что со мной было бы, если бы у меня не было Пушкина".

Березин хорошо различал те стороны действительности, которые другие не замечали или делали вид, что не замечают. Каждый день в своем окружении он видел людскую тупость, подлость, ложь, двули-

чие, подобострастное угодничество, бездушие. Все это он слишком близко принимал к сердцу. Иногда так близко, что уже не хватало выдержки, и он срывался. Но теперь в трудные минуты он говорил сам себе: "У меня есть Пушкин".

Одну из дневниковых записей Березин предваряет заголовком - "За что я люблю Пушкина". Вот эта запись: "Я люблю Пушкина за то, что на вопрос Николая I: "Что вы сделали бы, если бы 14 декабря были в Петербурге", поэт ответил: "Стал бы в ряды мятежников".

Я люблю его за мужество, за ненависть ко всякой власти и унижению, за сыновнюю любовь к Родине.

Люблю за то, что он не был, что называется, обывателем, "порядочным" человеком. Для него нет ряда - гений неповторим.

Я люблю его за то, что он любил и ненавидел, смеялся и грустил, боролся и страдал.

Я люблю его за то, что он высоко ценил мужскую дружбу и свято относился к любимой женщине, за то, что его друзьями были декабристы.

Я люблю его за музыку этих строк: "Роняет лес багряный свой убор", за то, что он творец...".

И вот день за днем, год за годом идет поиск того Пушкина, которого любил художник Виктор Березин, которого видел в своем воображении. Без конца перечитывая Пушкина, вдумываясь в каждую его строчку, изучая все то, что написано о поэте, Березин настраивался на необходимую тональность. Он стремился попасть в унисон с многосложным, многоголосым звучанием органа пушкинской души.

"Неужели за свою жизнь я не сделаю ни одной вещи так, как хотелось бы? Неужели до смерти муки, терзания и бесконечная неудовлетворенность сделанным?"

Разговор с дневником Березин вел в основном по ночам, когда никто и ничто не мешало. По ночам приходило вдохновение. Ночами, пусть медленно, но неукротимо, рос и креп сначала в воображении, а затем и на бумаге образ поэта.

Показать Пушкина во всей его глубине, открыть красоту и богатство его внутреннего мира - вот, чего так долго и мучительно добивался художник.

Но была еще задача - через Пушкина, посредством Пушкина выразить себя, свой мир, свой строй чувств.

"Как у любого большого или маленького, но истинного художника, мой Пушкин созвучен моей душе, моим раздумьям, моим чувствам".

На листах дневников год за годом появляются все новые и новые композиции: Пушкин среди любимых дубрав, на лоне природы, в парке на скамье, на верховой прогулке, Пушкин у окна, глубоко задумавшийся. Пушкин с дамами света.

"Рисуя, сегодня понял: нужно избегать изобразительного многословия. Выразить следует лаконичнее, проще. До сих пор меня сковывает натурализм. Я никак не могу от него оторваться и полететь на крыльях фантазии".

И вот все чаще и чаще Пушкин смотрит на нас как бы не со стра-

ниц дневника, а словно из самого времени, в котором жил, из мук, раздумий, тоски, неотступно преследовавших его в последнее время.

И в дневнике, наконец, появляется запись: "Утро тринадцатого июня мне хочется назвать озарением. Да, в это летнее утро в моей душе появился свет надежды, веры в себя и свои способности. Еще вчера вечером меня терзало бессилие, пропадал смысл жизни. Уходила из-под ног та тропинка, которую я так долго искал. Болью в сердце отдавалась мысль о своей бездарности.

И вот, бродя в четвертом часу около сада, где по-прежнему еще поет соловей, и пахнет цветущими деревьями, я почувствовал душевное волнение, мне захотелось рисовать.

Я вернулся в караульное помещение, взял эту тетрадь и ... опять он, Пушкин!

Тот Пушкин, мой Пушкин!

Милый образ, как долго и мучительно я искал тебя. В своей душе я видел тебя, ты был рядом со мной всегда, а зримо вижу только сейчас, в этот чудный миг.

Счастливое озарение!"

Березин чувствует, что настала пора реализовывать свои замыслы в живописных работах. Пора браться за краски и кисти.

И он пишет. Последние два года он работает напряженно, не щадя себя. Вполне здоровым он не чувствовал себя никогда, но сейчас недомогания вызвали тревожные предчувствия. И он торопится, торопится высказаться, оставить выстраданный за долгие годы образ поэта на полотнах.

Последний рисунок им сделан 3 января 1985 года. Он уже не вставал с постели. Рисовал, поддерживая правую руку левой. Вот она, последняя страница дневника. Тревога и тоска, зло и мрак ступились вокруг Пушкина до предела, зажали в неумолимые тиски. Жесткий, невидящий взгляд поэта устремлен в никуда, может быть, в готовую поглотить его бездну. Но нет страха, нет сомнений. Все было так, как должно было быть.

7 января 1985 года художника не стало.

Он знал себе цену. Он знал, что он богат. Самой природой ему был отпущен дар бесценный - способность творить. "Творить - значит убивать смерть". Эти слова Р. Роллана были написаны на обложке одной из тетрадей-дневников.

И он работал. Он знал, что "оправдательным документом" всей его жизни станут рисунки, картины, холсты.

В дневниках Березина немало строк, исполненных гнева, боли и страдания, вызванных людским несовершенством. И все же всегда, всю жизнь он хранил в душе доброту и любовь к людям. Иначе зачем, к чему были бы все его устремления?

Он хранил доброту и любовь, столь необходимые для творчества. Без доброты, без любви творчество невозможно. Он надеялся на доброту и отзывчивость человеческих душ.

**ВАЛЕНТИН НИКОЛАЕВИЧ
НЕНАЕЗДНИКОВ**

Заслуженный учитель Чувашской Республики (1995). Родился в д.Лукинская Ивановской области (1937). Детские и школьные годы провел в п.Чкаловске. Окончил ГХУ (1957) и Чувашский государственный педагогический институт им. И.Я. Яковлева (1965). Живописец и график.

Член Союза художников России (1997). С 1965 г. - постоянный участник республиканских выставок художников Чувашии. Экспонент Всероссийской выставки дипломных работ художественно-графических факультетов ГПИ РСФСР, Ленинград (1966), зональной выставки ("Большая Волга", 1967). Персональные выставки: Чебоксары (1993, 1994, 1997, 1998, 2004), Чкаловск (1998, 2004). Преподаватель кафедры живописи ХГФ ЧГПИ им. И.Я. Яковлева (1965-1973). Учитель рисования и черчения средней школы №35 г.Чебоксары с 1973 по настоящее время.

В 1951 году, незадолго перед затоплением старого Чкаловска Горьковским водохранилищем, сюда, как уже говорилось, приезжали на практику студенты художественного факультета ВГИКа. Целое лето они, прикорнув где-нибудь с этюдником или альбомом, изо дня в день писали красками, рисовали карандашом и тушью, выбирая самые, казалось бы, незамысловатые сюжеты - то лошадку с хлебной фурой у дверей магазина, то низенький домик под вековой раскидистой ивой, то резной наличник окна, то колодец с журавлем. Но больше рисовали и писали у Волги - пристань с подвалившим к ней пароходом, с лодками, привязанными к сходням, бывшие купеческие амбары, гуськом вытянувшиеся вдоль берега, старого бородатого бакенщика и его ветхую избушку-будку...

С нескрываемой завистью наблюдали за работой молодых художников ребята-подростки из изокружка, которым руководил С.П.Алексеев. В числе этих ребят был и Валентин Ненаездников. Заприметив этих все одних и тех же ребят, руководитель практики С.М.Каманин предложил им: "Вы что, ребята, попусту тратите время? Берите бумагу, карандаши, краски и присоединяйтесь к нам!"

По совету и рекомендации С.М.Каманина некоторые из ребят-

кружковцев в конце лета поехали поступать и поступили в Горьковское художественное училище. Валентин Ненаездников, в то время всего-то пятнадцатилетний паренек, опять-таки был среди этих счастливиц. В училище учились вместе с Виктором Березиным, какое-то время вместе жили на частной квартире. Материальное положение у обоих было крайне тяжелым. После долгого дня занятий на ужин чаще всего было одно и то же блюдо - жареная на постном масле картошка да полупустой чай с хлебом. И все-таки желание учиться было сильнее этих материальных тягот.

В 1957 году В.Н. Ненаездников после окончания училища был направлен на работу чуть ли не на край земли - в одну из сельских школ Тувинской АССР. Там молодой учитель рисования и черчения "оттрубил" целых три года. Нелегко было жить и работать в чужом краю без знания языка, местных национальных обычаев и привычек. И вот, отработав положенное, Валентин Ненаездников решает учиться дальше, в 1960 году он поступает на художественно-графический факультет Чувашского государственного педагогического института им.И.Я.Яковлева. Начались годы учебы. К занятиям В.Ненаездников относился со всей ответственностью уже вполне сформировавшегося, взрослого человека. "На факультетских просмотрах он всегда показывал крепкие рисунки и грамотную живопись, множество интересных рисунков и набросков", - вспоминал впоследствии его коллега художник Ю.В.Викторов. Дипломной работой В.Н.Ненаездникова стала картина "На пришкольном участке". Темой для нее послужили воспоминания о детских годах, проведенных в Чкаловске, о том, как в дни летних каникул приходилось работать в саду около школы. И картина удалась.

По окончании института В.Н.Ненаездникова, как одного из самых способных выпускников оставляют на преподавательскую работу на кафедре живописи художественно-графического факультета. В 1970-71 годах неумный Ненаездников вновь учится, теперь уже на Всесоюзных курсах повышения квалификации живописи и графики в Московском государственном педагогическом институте им.В.И.Ленина. До сих пор памяты Валентину Николаевичу наставления и добрые, мудрые профессиональные советы народного художника СССР В.П.Ефанова, который вел их поток. В.П.Ефанов, большой и известный мастер портрета, любил живопись яркую, мажорную. Любовь к интенсивному, насыщенному цвету стремился привить и своим подопечным.

В Чувашском пединституте В.Н.Ненаездников преподавал восемь лет - с 1965 по 1973 год. Работа приносила удовлетворение, ведь многие его студенты впоследствии становились хорошими учителями изобразительного искусства, видными художниками Чувашии и других регионов России. Однако жизнь вносит свои коррективы в человеческие судьбы, обстоятельства заставляют его в 1973 году оставить институт и перейти на преподавательскую работу в одну из Чебоксарских школ. С тех пор с этой школой связана вся его дальнейшая жизнь. В.Н.Ненаездников сразу же сумел так поставить дело, что к его предмету в школе стали относиться не как к второстепенному, маловажному, а как к любому другому предмету школьной программы. Утвердить себя помогали знания и опыт, полученные в институте. Много

труда и души вложил Валентин Николаевич в оборудование кабинета ИЗО, много внедрил там различных новшеств. Много сил и времени затратил для того, чтобы каждый свой урок сделать ярким, интересным, запоминающимся.

Его творческое отношение к работе не остается незамеченным. В 1984 году ему присваивается звание учителя-методиста, в 1993 году - звание учителя высшей категории и, наконец, в 1995 году - звание заслуженного учителя Чувашской Республики. Школа для Валентина Николаевича стала вторым домом. И если ей отдается столько времени и сил, то где, казалось бы, найти возможность для собственных занятий изобразительным искусством, живописью? Тем не менее, творческой работой В.Н.Ненаездников занимается постоянно, много и плодотворно.

Осень.

После окончания пединститута, то есть с 1965 года, он ежегодно участвует в республиканских выставках, проводимых Союзом художников Чувашии. Участвовал в выставке "Большая Волга - 67".

Дважды, в 1994 и в 1997 годах, устраивал персональные выставки в Чувашском государственном художественном музее. А в последнее время В.Н.Ненаездников использует любую возможность для того, чтобы сделать выставку своих работ. Иногда это камерные выставки акварелей, или работ, выполненных в технике пастели. В 1997 году Валентин Николаевич был принят в Союз художников Чувашии. Товарищи по искусству, рекомендовавшие его в Союз, отмечали и его высокое профессиональное мастерство, и активное участие в художественных выставках.

Пристрастия художника Ненаездникова весьма разносторонни, широк круг его интересов. Он увлеченно работает в самых разных жанрах, совершенствует свое мастерство в разных техниках.

На протяжении почти сорокалетней творческой деятельности им

написано немало удачных портретов. Прежде всего это портреты близких ему людей - матери, жены, детей, внучки. Но не только их. На выставке, посвященной 50-летию Чувашии, им был выставлен портрет заслуженного врача РСФСР, заслуженного деятеля искусств ЧАССР П.Н.Осипова. "Портрет командира взвода", "Портрет конструктора" - это работы последних лет. В работе находится парный портрет, который художник решил назвать "Вдовушки". Мать художника и ее сестра, две старенькие женщины, за плечами которых долгий, полный тягот и лишений жизненный путь, - героини этого полного внутреннего психологизма портрета.

Валентин Николаевич умеет удачно придумать и составить тематический натюрморт, умеет сочно, живописно этот натюрморт написать. С большой теплотой, с большой любовью к умельству народных мастеров написаны натюрморты с глиняной посудой, нарядными расписными изделиями золотой Хохломы. Художника не перестают удивлять дары природы как выращенные им самим на приусадебном участке, так и принесенные из леса. Велосипед, только что снятые резиновые сапоги, корзина с грибами - атрибуты одного из последних натюрмортов. Все, что вырастает в саду и в огороде, для Ненаездникова представляет интерес и ценность прежде всего как антураж для очередного натюрморта. Валентин Николаевич рассказывал, как однажды он, собрав горсть малины, за неимением другой емкости положил ее на лист лопуха. И тут же восхитился, обрадовался - как здорово, как красиво! А дома взял да и написал этот миниатюрморт.

Ну, и конечно, в творчестве В.Н. Ненаездникова большое место занимает пейзаж. Чаще всего это пейзаж камерный, интимный. Не зря же коллеги называют Валентина Николаевича "художником тихих уголков". И вот пейзажи-то как раз и пишутся большей частью в окрестностях дорогого с детских лет Чкаловска.

В Чкаловск Валентин Николаевич на протяжении вот уже многих лет приезжает дважды в год - в зимние и летние каникулы. Приезжает, в основном, из-за того, что здесь в маленькой, однокомнатной квартирке живет его старенькая мать. Ей уж далеко за восемьдесят, целый букет всяческих болезней, но вот переезжать к сыну в Чебоксары никак не хочет...

Зимой Валентин Николаевич приезжает лишь на неделю, зато летом гостит в Чкаловске чуть ли не месяц. Приезжает с рюкзаком, полным продуктов и подарков для матери, и всегда в этом рюкзаке находится местечко для коробки красок, походного этюдника, папки с бумагой и раскладного стульчика. День-другой Валентин Николаевич занимается кой-какими хозяйственными делами, выполняет различные мамнины поручения. А самому уже не терпится отправиться с этюдником в окрестные поля, в овраги, на речку. И вот, наконец, он садится на велосипед и отправляется на поиски своих любимых мотивов, "тихих уголков". Отрада разливается в душе, когда, пригнувшись на стульчике, пишет какую-нибудь речную заводь, или лесной ручей, или столетнюю иву на окраине деревни. Но чаще всего Валентин Николаевич отправляется в ближний лесок, там-то и находит самые укромные тихие уголки - то прогретую летним солнцем лесную полянку, поросшую мо-

лодыми елочками, то поворот тропы с лиловыми полосками теней от стоящих рядом деревьев, то хоровод белоствольных березок. В лесу сюжетов сколько хочешь!.. Возвращаясь домой, наберет художник пригоршню ягод, десяток-другой грибов, а дома сочинит из них натюрморт.

Характер у Валентина Николаевича неумный, непоседливый, работоспособность завидная. За день он успевает съездить в любимые места и с утра, и вечером. Пишет в день по два, по три этюда. Все, что его радует и удивляет, стремится запечатлеть на холсте, на бумаге, или хотя бы на фото пленке. А удивляет художника почти все, что попадает в поле зрения - и скромные луговые ромашки на опушке перелеска, и лужи на повороте проселочной дороги, и интерьер деревенской бани. Если дождик не позволяет выйти из дома, пишет маминны комнатные цветы на подоконнике или натюрморт с незамысловатой кухонной посудой, с принесенными с базара овощами.

В один из приездов в Чкаловск В.Н.Ненаездников устроил выставку акварельных работ, сюжетами большинства из них и были вот эти скромные уголки окрестных полей, оврагов, лесов, да натюрморты, составленные из цветов, грибов, ягод, овощей. И всякий раз по приезду в Чкаловск Валентин Николаевич с особым волнением приходит в памятные места - на ту улицу, где проходило его военное и послевоенное детство, откуда, собственно говоря, и начинался его путь в жизнь. Много разных воспоминаний приходит в голову, когда пишет он тот старенький деревянный дом, где жили с матерью, двор, где гулял со сверстниками.

Мостик

Да, в Чебоксарах В.Н.Ненаездников прожил большую часть своей жизни, но эти родные места невозможно забыть. Много изменилось

в Чкаловске за прошедшие годы, но по-прежнему греют душу те старые улочки-переулки, по которым бродил в детстве. И дышится, и думается здесь, вдали от суеты школьных будней, хорошо, легко, свободно. Сами собой приходят новые свежие творческие замыслы. Здесь задуман им натюрморт "Ретро" - с граммофоном, с фотографиями военных лет. Здесь задуман парный портрет "Вдовушки".

Здесь, на родине А.М.Каманина, задумана и серия пейзажей в технике пастели "По каманинским местам", над которой художник работает и по сей день.

Для графических листов, выполняемых в основном в домашних условиях, В.Н.Ненаездников использует и натурные этюды и фотографии, сделанные в Чкаловске и его окрестностях. Фотографии служат лишь как бы отправной точкой, а дальше, разрабатывая сюжет, художник опирается уже на свою зрительную память, творческое воображение и опыт. И вот уже около пятидесяти листов с мотивами дорогих сердцу мест подготовлено им для выставки в Чкаловске. Она состоялась осенью 2004 года в Детской школе искусств как для учащихся школы, так и взрослых зрителей.

Все поддается, все удается В.Н.Ненаездникову - и масляная живопись, и акварель, и пастель. Но в какой бы технике ни работал художник, неизменно остается одно - это его неутолимая любовь к жизни. Ей - жизни - он, несмотря ни на что, не устает радоваться и удивляться.

**ЮРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
ПЕТУХОВ**

Родился в г.Малмыж Кировской области (1939). Окончил Свердловское художественное училище в 1965 году. Работал учителем рисования и черчения в с.Байкалово Свердловской области, в г.Малмыже. В 1970 году переехал в г.Чкаловск. Художник-график. Работает в технике акварели, гуаши, графитного карандаша. Работы Ю.А.Петухова находятся в выставочном зале им.А.М.Каманина г.Чкаловска.

Одна из десяти заповедей, обращенных великим Сальвадором Дали к вступающему на путь искусства, гласит: "Художник, рисуй!"

Художник Юрий Петухов в течение многих и многих лет рисует без устали, рисует одержимо, рисует каждый день. Рисовать для него такая же необходимость, как дышать, есть, спать.

Результаты его работы поразительны - сотни листов, выполненных акварелью и гуашью, тысячи карандашных рисунков! Трудно поверить, что все это сделал один человек. И каждый лист совершенно необычен по замыслу, по стилистике исполнения. Поражает изобретательность и неистощимость фантазии художника, поражает виртуозность отточенной годами техники.

Детство Ю.А.Петухова прошло в Малмыже, маленьком провинциальном городке, расположенном в низовье реки Вятки, на южной окраине Кировской области. Старинный городок был уютен и живописен, а об его окрестностях уж и говорить нечего. Реки Вятка и Шошма, лес, дуга - все это было рядом, все волновало детскую душу.

Ну, а любовь и способности к рисованию, видимо, унаследованы Юрием от деда. Дед в дореволюционные времена был иконописцем, а кроме того и хорошим художником - в семье, как реликвию, долго хранили альбом с его рисунками.

Жизненные обстоятельства заставили семью Петуховых переехать на местожительство в Елабугу, на Каму. И там, в местах, овеянных славой великого пейзажиста И.И.Шишкина, все больше крепнет тяга Юрия к рисованию и созревает окончательное решение стать художником. Он поступает в Свердловское художественное училище, а по окончании его работает учителем рисования и черчения сначала в с.Байкалово Свердловской области, а затем в знакомом и близком с

детских лет г.Малмыже.

В 1967 году Ю.А.Петухов переезжает в г.Ленинград и, устроившись на работу в военизированную пожарную охрану, посещает подготовительные курсы, намереваясь поступить в Академию художеств.

В 1968 году семья Петуховых - мать, брат и сестра Юрия - переезжают в Чкаловск. В 1970 году приезжает сюда и Юрий Алексеевич.

По приезде он выполнял различные оформительские работы в школах и на предприятиях города. Это позволяло иметь достаточное время для творческой работы - он вновь готовился к поступлению в Ленинградскую академию художеств.

Им владело страстное желание учиться. Он чувствовал в себе большой творческий потенциал, множество замыслов и планов роилось в голове. Чтобы их реализовать, нужна была серьезная профессиональная подготовка. Увы, его мечтам встать на путь большого искусства не дано было осуществиться. Трижды Юрий Алексеевич подавал документы для поступления в Академию и трижды терпел неудачу на экзаменах. Наконец, произошел нервный срыв. Последовавшая за этим болезнь наложила отпечаток на всю оставшуюся жизнь...

И без того не очень-то общительный по характеру человек, он теперь и вовсе замкнулся в себе. Мать, сестра как могли окружали его заботой и вниманием. Но настоящими утешителями и настоящими друзьями для него теперь стали кисти, краски, листы белого ватмана да еще книги. Во время чтения созревали темы будущих работ.

Смысл, содержание и оправдание своей жизни он находил в единственном занятии - в рисовании.

Изо дня в день, из года в год колдует он над все новыми и новыми листами ватмана, придумывая все новые и новые совершенно необычные композиции. От работы отрывается лишь для того, чтобы проветрить голову, сделать прогулку в ближайший лес. Зимой эти прогулки делает на лыжах, летом бегает в лес трусцой. И так изо дня в день, из года в год.

И вот в эту размеренную, устойчивую, привычную череду дней вторглось печальное, а для Юрия Алексеевича, наверное, просто трагическое событие - умерла мать.

После этого он, сам уже немолодой человек, как-никак шестьдесят пять лет, стал, должно быть, задумываться о бренности и собственного бытия. Впрочем, не буду гадать, я не знаю, что послужило толчком к его последующему поступку.

А произошло следующее. В один из весенних дней 2004 года Юрий Алексеевич пришел в выставочный зал им.А.М.Каманина и представившись, сказал: "Я решил вам подарить свои работы". На что сотрудники зала ему отвечали: "Ну, что же - мы будем очень рады. Приносите". "Да нет, их не донести. Я привезу их на тележке". "Мы приедем к Вам на автобусе". "Нет, нет. Я привезу сам".

И вот огромная кипа листов ватмана - рисунки акварелью, гуашью, карандашом - практически все сделанное художником в течение жизни кропотливым, каждодневным трудом, все это стало достоянием выставочного зала.

Для того только, чтобы разобрать и классифицировать такое коли-

чество работ, и то нужно немало времени. Сколько же нужно было времени, а еще и духовных, и нервных затрат, чтобы это выдумать, выполнить, нарисовать!..

Май 1945-го

Немногим пока довелось видеть работы Ю.А.Петухова, но у тех, кто видел и кто хотя бы немного разбирается в изобразительном искусстве, они вызывают удивление и восхищение. Такое восхищение бывает только при открытии чего-то совершенно нового и необыкновенного. Все хорошо в этих листах - и замысел сюжетов и способ их воплощения.

Конечно, совершенно безнадежное дело перекладывать лист за листом и описывать формальное и смысловое содержание каждой из композиций, когда их сотни и сотни, и когда каждый лист требует не только длительного рассмотрения, но и скрупулезного изучения. Сделаем пока лишь попытку выделить из всего изобилия наиболее характерное, наиболее определяющее творческое лицо художника Юрия Петухова.

При самом первом рассмотрении работ прежде всего обращаешь

внимание на огромное количество аллегорических портретов великих, замечательных, выдающихся людей, всех тех, кто составляет славу нашего Отечества, нашего народа. Это государственные деятели от Ярослава Мудрого до Ленина и Дзержинского. Это полководцы от Александра Невского и Дмитрия Донского до Фрунзе и Жукова. Это писатели и поэты от Ломоносова и Державина до Маяковского и Фадеева. Композиторы, художники, изобретатели, первооткрыватели новых земель, бунтари и революционеры, национальные герои... Их много. Так много, что одно только перечисление имен заняло бы не одну страницу.

На полях листов иногда можно прочесть объединяющие названия этих серий рисунков - "России верные сыны", "Сыны державы Российской", "Сыны революции".

Дороги войны

О каждом из героев своих композиций художник много читал. Если же это были писатели и поэты, то внимательнейшим образом изучал их творчество. В композицию каждого листа органично включены

некие предметы - символы и элементы, каждый из которых несет свою смысловую нагрузку. Это и земной шар, циферблаты солнечных часов, щиты и хоругви, венки Славы и факелы... И почти всегда, во всяком случае, очень часто в композицию включена широко распростертая крылья символическая птица с увенчанной венком головою Савмака. Здесь же художник делает пояснение: "Савмак - раб из вымершего племени скифов. В Боспорском государстве, в Крыму, впервые поднял восстание против рабства. В древности был обычай - бунтовщикам отрубали голову и сажали на туловище птицы".

И вот - крылья птицы, циферблаты солнечных часов, хоругви, факелы, земной шар - все элементы композиции исписаны надписями-цитатами из стихов, из документов, книг. Они, эти цитаты, несут большую смысловую нагрузку. Читая их, удивляешься тому, как художник сумел выжать, отобрать самое существенное, самую квинтэссенцию из наследия того или иного деятеля, писателя, поэта.

В этой серии портретов-аллегорий есть и как бы объединяющие их композиционные ходы - из листа в лист переходят некоторые из предметов-символов, герой композиции обычно одет в одежду восставшего раба-скифа и т.д. И в то же время в каждом портрете есть и свои отличительные особенности, подчеркивающие индивидуальность и значимость героя.

Рисуя аллегорические портреты, художник в воображении видел их выполненными в материале в виде объемных барельефов, вырезанных и выполненных чеканкой по жести или отлитых из металла. Он читал где-то, что скифы делали нечто подобное еще в 4 веке до нашей эры. И вот, если представить себе на минуту реализованной хотя бы часть, хотя бы малую толику этого феноменального замысла художника, как впечатляюще и грандиозно, как великолепен был бы этот пантеон русской Славы!

Еще одно направление творческих устремлений Ю.А.Петухова - а судя по количеству работ, оно, наверное, основное, главное направление - это русская история, история СССР. Этой большой, неисчерпаемой теме посвящены и акварельные листы, и карандашные рисунки. Сюжеты из истории царской России, из времен революции, гражданской и Великой Отечественной войны - целая летопись государства российского. Чаще всего рисунки Ю.А.Петухова лишены откровенно иллюстративного характера, каждый лист имеет свой образно-художественный строй, насыщен психологизмом, аллегорическим и философским подтекстом.

И все это выполнено твердой, уверенной рукой, в особенности же замечательно, мастерски сделаны рисунки карандашом.

И в акварелях и в карандашных рисунках поражает продуманность, четкая выверенность композиции, великолепное знание анатомии хоть человека, хоть лошади. И люди и животные в его рисунках взяты во всех мыслимых и немыслимых ракурсах. А ведь рисовал-то все это художник, руководствуясь лишь собственным воображением и представлением!

Часто композиции Ю.А.Петухова насыщены многочисленными и, на первый взгляд, случайными деталями, назначение которых сразу

трудно и понять. Но случайного тут нет ничего, в этом убеждаешься при более внимательном и длительном рассмотрении. И как интересно следить за ходом мысли и неуемной фантазии художника!

Еще одна и также значительная глава в творчестве Ю.А.Петухова - это аллегорические и символические пейзажи. Здесь его изобретательность и фантазия приобретают формы нежные, напевные, музыкальные.

В этих пейзажах, как в чудесных, сказочных снах, плавают на водной глади белые лилии, в воздухе снуют пчелы и стрекозы, летят по ветру древесные листья... В морской дали мреют острова со старинными замками, селеньями, маяками, плывут корабли-парусники... В белых туманах тают дремучие леса, над просторами рек плывут белые лебеди... Призрачный, брезжащий свет пеленою окутывает эти видения художника. И названия у этих работ чаще всего поэтические, музыкальные - "Розовые мечты лета", "Радости осени", "Утро туманное"...

В его пейзажах, как в сказках и снах, слиты воедино реальное и фантастическое и чудные мимолетные видения.

Но и пейзажи порой наполнены большим аллегорическим, символическим смыслом. В композиции, названной "Смерти и жизни явление", на первом плане в серой мгле распластали огромные крылья черные вороны, из этой мглы вырастают черные, будто обугленные, голые деревья, а на них птицы - аисты, голуби - выют гнезда. Вдали на острове призрачный город, и над ним занимается нежное тихое утро...

Вот эти три направления - портрет-аллегория, историческая тематика и символический пейзаж и определяют, если говорить о главном, творческие устремления Ю.А.Петухова. Но за рамками очерка остались сотни и сотни рисунков, которые трудно разложить по полочкам. Среди них есть и рисунки с современной тематикой, но опять-таки и в них современность преломлена через призму художнических представлений и взглядов автора. В числе карандашных рисунков наброски и записи композиционных решений, проекты иллюстраций к книгам любимых писателей, много проектов различных эмблем, гербов, знаков...

Ну, а как же обстоит дело с работой на натуре? Когда был помоложе, Юрий Алексеевич выходил в окрестности Чкаловска с этюдником, делал небольшие акварельные этюды. Однако работа по воображению ему, видимо, представляется куда более интересной, а главное - позволяющей наиболее полно выразить свой внутренний духовный мир.

Художник Юрий Петухов рисовал всю свою сознательную жизнь, продолжает рисовать и сейчас. Он, как мог, оправдал и продолжает оправдывать дар, отпущенный ему Богом.

Как будет оценено все сделанное им - покажет время. А время, как гласит приведенная в одной из его композиций цитата из Маяковского, вещь необычайно длинная...

**ВЛАДИМИР ЕВГЕНЬЕВИЧ
ВИНОГРАДОВ**

Родился в п.Чкаловске в 1946 году. Окончил Горьковское художественное училище (1970). Вернувшись в Чкаловск, работал художником-оформителем в районном Доме культуры им. В.П. Чкалова, во Дворце культуры и спорта, преподавателем в Детской школе искусств. Участник областных художественных выставок, участник совместной выставки чкаловских художников в г.Ванкувере (США) в 1994 году. Неоднократно устраивал персональные выставки в Чкаловске.

Многие годы, лет сорок, наверное, постоянным пунктом сбора чкаловских художников для выходов на этюды был дом С.П.Алексеева. От него ближе всего было добраться до излюбленного места нашей дислокации, до Ваулинского оврага.

Для летних походов на пленэр у С.П.Алексеева существовал неплохо приспособленный транспорт - велосипед без педалей. Педали были откручены для того, чтобы не запинаться о них при ходьбе человеку, ведущему велосипед. На этот транспорт, как на выючного осла, нагружалось иной раз три, а то и четыре довольно увесистых рюкзака с этюдниками и провиантом, а также планшеты с картоном для работы. После того, как все это крепко и надежно прищипандоривалось веревками, этого "быка" за рога по праву самого младшего брал обычно В.Е.Виноградов и вел его до места назначения.

Добравшись до оврага и облюбовав по вкусу мотив, художники раскрывали этюдники, принимались выдавливать краски на палитру. Владимир Евгеньевич обычно не торопился, похаживал где-то в сторонке, как бы чего-то выжидая. И только когда все уже принималось за работу, выбирал себе "жертву", объект для этюда - кого-то из художников. В какой-то день это был А.М.Каманин, в другой раз - С.П.Алексеев, иногда писал и меня.

В особенности Владимир Евгеньевич любил делать такие портреты-нашлепки на этюдах вечерних, когда контрасты цветовых пятен были исключительно сильны и красивы. В этих набросках он не стремился к похожести в обычном понимании, то есть не вырисовывал глаз и губ, ушей и носа. Узнаваемость, портретное сходство он передавал остро и точно схваченным силуэтом, характерностью позы, присущей только этому человеку. Но самым большим удовольствием в этой то ли

работе, то ли игре для него было составлять, сопоставлять, сочетать в различных комбинациях вот эти яркие, звучные цветовые пятна - зеленый бархат лужайки и кирпично-оранжевое лицо, куртка, оливкового тона на свету и почти лиловая в тени, лимонно-желтая фуражка и кусочек нежно-голубого неба. Таких быстрых этюдов-нащепков он сделал довольно много.

Через какое-то время это занятие проходило, и Владимир Евгеньевич вновь принимался за этюды с мотивами природы. Однако и тут он ставил перед собой какие-то неординарные задачи и находил для них неординарное решение. По всегданней привычке, подождав, когда рассядутся или встанут перед этюдинками его коллеги, побродив вокруг да около, он выбирал, наконец, мотив, казалось бы, самый заурядный, не очень-то привлекательный для изображения.

Но вот раскрыт и его этюдинка. Минут через десять-пятнадцать белоснежный, чистенький картон сплошь покрывался смесью каких-то серо-буро-малиновых красок. Такое начало работы у меня зачастую вызвало, мягко выражаясь, недоумение.

Однако проходил час, другой, и сквозь это мутноватое месиво постепенно начинали проступать белые стволы берез, синия полоса реки обретала материальность, начинала мерцать живою рябью, сквозь массу трепещущей листвы начинали проступать нежно-розовые и паленые кусочки неба. И все это начинало мреть и брезжить, как волшебный сказочный город Китеж сквозь толщу вод чудесного озера...

Человек посторонний, посмотрев на то, как начинает свою живописную работу художник Виноградов, может подумать - какой же это художник, если он и рисовать-то не умеет. Однако, Владимир Евгеньевич - рисовальщик отменный, замечательный. Он в совершенстве владеет различными видами и техническими приемами графики. Смело, артистично рисует карандашом, пастелью, углем и сангиной, цветными восковыми карандашами. Мастерски выполнены рисунки, сделанные на улице его детства, одной из немногих, уцелевших от прежнего Василева, на улице Халтурина. Немало на этой улице написано и живописных этюдов маслом.

С большой любовью и большим мастерством выполнена В.Е.Виноградовым серия графических листов, посвященных старинной Василевой слободе. Художник использовал в работе над ними смешанную технику - угольный карандаш, цветные мелки, сангина. В основу этих рисунков легли сюжеты фотографий знаменитого нижегородского мастера М.П. Дмитриева и василевского фотографа-любителя В.И. Чуфарина. Владимир Евгеньевич умело нашел степень и форму их художественной интерпретации, хорошо сумел передать дух и атмосферу жизни патриархального села.

Интересны серии рисунков пастелью, выполненные художником по мотивам поездок в далекий американский город Ванкувер и совсем близкий город-музей Городец.

Если говорить о В.Е.Виноградове как о художнике-графике, то к несомненным удачам надо отнести портрет художника С.П.Алексеева, нарисованный сангиной. В нем Владимир Евгеньевич показал и совершенное владение этой техникой рисунка, и при безусловном портрет-

ном сходстве сумел раскрыть душевный внутренний мир давно знакомого и дорогого ему человека.

Художника М.А.Каманнина Виноградов нарисовал восковыми карандашами на совсем небольшом по формату листе бумаги. Но как удивительно точно сумел он схватить и позу и характер увлеченного своей работой пейзажиста!

В.Е.Виноградов немало написал и живописных портретов коллег-художников, своих знакомых и приятелей. Здесь, в этом жанре к самым большим удачам, пожалуй, надо отнести большеформатные портреты-картины "Художники А.М.Каманнин и С.П.Алексеев на пленэре", "Художник С.П.Алексеев". Оба портрета написаны в условиях мастерской, писал он их долго, много сеансов, добиваясь и завершенности и совершенства композиции, и пленэрности цветового решения, и целостности всех компонентов картины. Вот тут-то и пригодились многочисленные натурные портреты-нашлепки.

Можно было бы назвать и еще целый ряд добротных, на хорошем профессиональном уровне написанных им портретов. И все-таки, как представляется, В.Е.Виноградов наиболее интересен как художник-пейзажист, со своим собственным видением природы, со своим подходом к ее изображению.

Мне очень часто приходилось писать вместе с Владимиром Евгеньевичем, и я не переставал удивляться его неожиданным композиционным находкам, его нестандартным живописным решениям.

Однажды, давно уж это было, мы втроем - С.П.Алексеев, В.Е.Виноградов и я - приехали в гости к А.М.Каманину в Нижний Новгород. Ну, и не только в гости, и поработать немножко. И вот отправились мы писать Печерский монастырь, он находился неподалеку от места жительства Александра Михайловича. Когда принялись за работу, начало уже вечереть, и стены монастырских церквей запылали на закатном солнце, а внизу, по земле, лиловыми простынями разостлались тени. Чудесный был вечер! С азартом, с энтузиазмом писали все четверо.

В конце работы, как обычно, пошли посмотреть, у кого что получилось. У Владимира Евгеньевича монастырь был написан недурно, но меня смутило то, что в этюде на первом плане была нарисована бревенчатая Берендеева избушка на курьих ножках. У меня тогда возникли вопросы - откуда взял? И зачем, для чего? Ведь в действительности, в натуре не то, что такой, а вообще никакой избушки и в помине не было. Но вслух об этом спрашивать у Владимира Евгеньевича я не стал. Да он все равно бы ничего не сказал, а только улыбнулся бы в ответ всегдашней своей невинной улыбкой. Потом до меня дошло, я понял, что волшебство этого вечера с завораживающим светом околдовало художника, пробудило в душе какую-то сказку, навело некое видение. Вот эту сказку, это видение и пытался изобразить художник на полотне.

Вот еще вспомнилось, как мы на окраине какой-то деревни писали вместе осенний мотив. В тот раз Виноградов придумал такой композиционный ход: на фоне блеклой голубизны неба нарисовал со всей тщательностью ветку с трепещущими на ветру листьями, взял их почти в натуральную величину. А уже через эту ветку и листья обобщенно написал полосу дальнего тускло бронзовеющего леса, и щетку жухлого

живня, и бурые кусты пижмы у межи. Такой прием придал пейзажу почти стереоскопическую пространственность.

Солнечный день.

И так бывало всякий раз. Всякий раз он искал свой образ изображаемого мотива. Приведу еще один пример. Поехали мы с В.Виноградовым в Катунки писать церковь Рождества Пресвятой Богородицы, или точнее сказать, то, что от нее осталось. Приехали рано. Утренняя дымка еще не прошла, легкою кисеей окутывала и берега, и простор Волги, и сам храм. Солнечный свет брезжил сквозь мглу, никак не мог сквозь нее пробиться. Сели писать. Владимир Евгеньевич по своему обыкновению быстро зашаркал картон мутно-серой краской. Я занялся своим делом. Но иногда поглядывал, как движется этюд у Виноградова. И вот через час-другой эта муть стала приобретать нежные перламутровые тона, где-то чуть розовые, чуть голубые, палевые, зеленоватые. И по легкому перламутровому небу поплыла гряда легчайших, тончайших облачков. Гладь воды едва тревожили мелкие волны. И будто в сновидении плыла в этой утренней дымке невесомая белая церковь!..

В.Е.Виноградов учился в Горьковском художественном училище в ту пору, когда туда только что пришли молодые преподаватели с нетрадиционными взглядами на цели и задачи искусства. Они учили рисовать, а не срисовывать, они учили живописи. Свои взгляды и убеждения они старались утвердить в учениках.

Виноградов был способным учеником, и самое главное, чему он научился - это творчески, нешаблонно делать любое дело, связанное с профессией художника.

Вернувшись после училища в Чкаловск, он стал работать художником-оформителем в районном Доме культуры. Рутинная, скучная вроде бы работа!.. Но с его приходом в Дом культуры сразу же стала за-

метна перемена в оформлении сцены к различным торжествам, праздникам, концертам художественной самодеятельности. И даже в написании афиш художник утвердил свой собственный стиль - писал их свободно, размахисто широкой кистью.

Его неутомимая, неиссякаемая творческая фантазия как нельзя более кстати пришла во время работы в качестве художника-постановщика в Чкаловском народном драмтеатре. Этой работе отдано десять лет. Двенадцать многоактных спектаклей оформил за это время художник Владимир Виноградов. Костюмы персонажей пьес, декорации и антураж мизансцен, - все это, вплоть до афиш и пригласительных билетов, делалось с какою-то живой веселой выдумкой, с любовью. На сцене все достигается простыми, элементарными средствами. Но для этого надо обладать точным, безошибочным чутьем сцены, ее пространства. У В.Е.Виноградова есть это чутье.

Здесь надо отметить, что в роду у В.Е.Виноградова по материнской линии было немало людей разнообразно одаренных, талантливых, многие из которых имели пристрастие и к театру. Еще в старом дореволюционном Василеве один из братьев его бабушки А.В.Чуразов руководил местным самодеятельным драмтеатром, другой брат пел в хоре Воскресенской церкви. Были в его роду и профессиональные артисты, а кто-то даже пел в Большом театре.

Сам Владимир Евгеньевич тоже обладает хорошим музыкальным слухом и голосом, неплохо поет под собственный аккомпанемент гитары. Иногда может сочинить для собственного удовольствия шуточный романс с собственными стихами и музыкой.

Художник-оформитель Виноградов основательно поднаторел уже в своем деле, когда перешел на работу в новый, только что построенный Дворец культуры и спорта. Здесь открывались новые возможности для творческой работы, да и к дому новое место службы было поближе.

Здравствуйте, Александр Михайлович!

И действительно, во Дворце культуры Виноградов как художник-оформитель поднялся на более высокую ступень. И работа его стала заметна практически каждому жителю Чкаловска. Ведь Дворец культуры, находясь в центре города, стал поистине и центром его культурной жизни. К каждому празднику, к каждой юбилейной дате надо оформить фасад здания, и Виноградов делает это всегда лаконично и броско.

Во Дворце работает десятка полтора различных кружков и коллективов художественной самодеятельности, и каждый из них время от времени обращается за помощью к безотказному Владимиру Евгеньевичу.

Работая в ДКС, В.Е.Виноградов несколько лет вел здесь изокружок для ребят-школьников, и несмотря на то, что в это время в городе работала уже художественная школа, многие ребята предпочитали приходить заниматься к нему. В каждом из кружковцев Владимир Евгеньевич старался разглядеть, выявить и развить творческую жилку. Он учил так же, как когда-то учили и его - мыслить и рисовать свободно, непредвзято.

Тех же принципов придерживался Виноградов, когда стал преподавать в художественной школе. Казалось бы, здесь он был на своем месте, и трудно сказать, какая причина заставила его вновь вернуться во Дворец культуры к беспокойной, но знакомой работе художника-оформителя.

В последние годы В.Е.Виноградов много времени и сил отдает иконописи. С присущей ему дотошностью Владимир Евгеньевич изучил техническую сторону этого непростого вида искусства. Но к работе опять-таки относится отнюдь не с ремесленнической меркой. Не нарушая церковных канонов, иконографии того или иного евангельского сюжета, стремится внести что-то свое собственное в цветовое решение икон. Более двух лет уже работает Виноградов над созданием иконостаса для Спасо-Преображенской церкви в Синьком.

И все же не забывает наовсе Владимир Евгеньевич и "мирскую" живопись. Совсем недавно написал парный портрет двух наших великих земляков - В.П.Чкалова и Р.Е.Алексеева. Весь он будто насквозь пронизан солнечным светом и даже будто пахнет свежим волжским ветерком.

Зантра В.Е.Виноградов возьмется за какую-то другую работу, но за что бы он ни взялся, все дышит новизной и свежестью таланта.

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ РЯБИНИН

Родился в г.Чкаловске Горьковской области в 1955 году. Окончил ГХУ в 1974 году. Живописец. Работает в жанре пейзажа. Член Союза художников России с 1995 года. С 1986 года - постоянный участник областных выставок. Экспонент зональных ("Большая Волга", 1991, 1998), региональной ("Молодые художники", 1990), всероссийской (Москва, 2000) художественных выставок, а также выставки чкаловских художников в г.Ванкувер (США) в 1994 году.

Осенний серенький денек. Дождичек моросит. Перестанет на полчаса и вновь прослезится. А посреди поля под большим белым зонтом стоит художник и, не обращая внимания на дождь, пишет пейзаж с потемневшим от дождя полем, с сереньким небом, с деревенькой вдаль.

Хорошая вещь - зонт! Под ним ни нудный осенний дождь, ни палящее летнее солнце не мешают работать.

А зовут художника Александр Николаевич Рябинин. Живет он в Нижнем Новгороде, в Чкаловск же приезжает родителей навестить и вместе с тем поработать, пописать этюды, пейзажи. Здесьшние места Рябинину знакомы вдоль и поперек - здесь родился и вырос. Здесь сделаны и первые шаги в изобразительном искусстве.

О себе Александр Николаевич однажды написал так:

"С благодарностью вспоминаю бабушку Сергееву Екатерину Ивановну. Всю свою жизнь она посвятила детям, многие в Чкаловске помнят ее как воспитателя детского сада. Человек с крепкими русскими традициями, общительная, музыкальная, она тонко чувствовала прекрасное.

Ее давняя дружба с семьей Каманиных дала мне возможность познакомиться с замечательным нижегородским живописцем Александром Михайловичем Каманиным. Общение с одаренным художником, дружеские наставления, походы "на этюды на природные, в царство вечной красоты" определило мой выбор - пейзаж.

Бывая в родных краях, общаясь с природой, нельзя не испытывать радость и ликование души".

К сказанному надо добавить, что и мать художника Евфалия Александровна также не лишена эстетического вкуса и чувства прекрасного. Она любит петь, большая выдумщица на всякое рукоделье, на при-

усадебном участке у нее растут какие-то декоративные тыквочки, диковинные травы-приправы, редкостные цветы.

К сказанному надо еще добавить, что не только бабушка, а и вся семья Рябиновых была дружна с семьей Каманиных.

Так вот и получилось, что приметив способности к рисованию внука и сына своих приятелей, А.М.Каманин рекомендовал ему поступать в Горьковское художественное училище.

Училище Александр Рябинин благополучно окончил в 1974 году. А затем также благополучно отслужил положенный срок в рядах Советской Армии. После армии устроился на работу художником-оформителем на Горьковское отделение железной дороги и ни много, ни мало, а десять лет отдано этому делу.

С 1986 года А.Н.Рябинин стал работать мастером Горьковского творческо-производственного комбината ХФ РСФСР и работал там до тех пор, пока этот комбинат в результате экономических реформ не распался. Сейчас Александр Николаевич добывает себе хлеб насущный чем Бог приведет.

Как видно, жизненный путь А.Н.Рябикина не богат какими-то яркими, эффектными событиями. Да ведь художник - велик он или мал - живет скорей не внешней, а внутренней жизнью. Жизнью ума, сердца, души...

Художник-пейзажист живет событиями, происходящими в природе, переживая и художественно осмысливая ее настроения в зависимости от состояния погоды, времени дня и года. У каждого художника эти переживания свои и средства передачи видимого и переживаемого тоже свои.

Зимой

К 50-ти годам, а это уже зрелый для художника возраст, у А.Н.Рябинина сложились свои взгляды, свои пристрастия, выработался свой метод работы над пейзажем. В основу этого метода легли традиции мастеров русского пейзажа, мастеров академической школы, с их неторопливой, внимательной техникой письма. Следование традициям начинается уже с чисто технической, ремесленной стороны дела - с аккуратно сделанного подрамника, с подготовки и грунтовки холста. Александр Николаевич чаще всего холсты натягивает сам, сам их грунтует по своим любимым рецептам. Иногда этот грунт делает слегка затонированным какой-нибудь нейтральной краской. Иногда на крупнозернистый холст наклеивает тонкую бумагу и для нее, для бумаги, применяет уже совсем другой способ грунтовки.

От своего старшего наставника А.М.Каманина Рябинин еще в молодости усвоил принцип и метод работы над пейзажем непосредственно на природе, в природе. Хотя не избегает и работать над картиной в условиях мастерской по этюдам.

Начиная работу на пленэре, Александр Николаевич делает обычно жидкий подмалевок, да и на других этапах работы избегает перегружать холст краской, сохраняет рисуночную подоснову пейзажа, следуя старому, еще чистяковскому правилу: "Живопись - это рисунок цветом". Над одним холстом Рябинин "колдует" долго, иногда несколько сеансов, добиваясь завершенности, законченности работы. Может быть, поэтому художник старается для длительной работы выбрать стабильное состояние в природе, со спокойным мягким освещением. Однако любит писать мотивы и под вечер, когда теплое золотистое солнце чудодейственным образом преобразует пейзаж. Но даже и в этих вечерних мотивах колорит, цветовой строй его работ сдержанный, неброский и вместе с тем точно выверенный, сгармонизированный.

И всегда, даже в этюде, не говоря уже о длительной работе над большеформатным холстом, всегда присутствует бережное, очень внимательное отношение к рисунку. Художник с удовольствием выявляет характер каждого дерева, прослеживает изгиб каждого сучка и ветки. Листья у него - это листья, а не некая бесформенная масса.

Пейзаж у Рябинина написан так, что туда хочется войти, прогуляться там, подышать этим воздухом. Нередко он идеализирует, романтизирует реальный пейзаж, привносит в картину свое представление о том, какой бы она, природа, должна быть. Ну, что ж. Это его право. Каждый художник имеет право писать так, как ему представляется более всего целесообразным. Так же, как и у всякого зрителя есть свое право принять предлагаемое ему "блюдо" или не принять.

А.Н.Рябинин на этот счет с присущей ему скромностью говорит: "Каждый пишет, как уж умеет". И год от года художник работает над повышением уровня умения, уровня мастерства. Вспоминается выставка, устроенная Рябининым в Чкаловске в год его сорокалетия. На ней было показано около сотни работ и в их числе только два натюрморты. Все остальное - пейзажи, что уже говорит само за себя.

Конечно, это не были одни лишь большеформатные картины-пейзажи. Здесь были и маленькие этюды с быстро и удачно схваченным состоянием, были и этюды - длительные штудии натуры. Было не-

сколько пейзажей, написанных на улицах старого Чкаловска.

И все-таки уже на той выставке десятилетней давности явственно виделось то основное, главное, что сейчас определяет творческое лицо художника Рябинина - это романтизированный пейзаж родного края.

Вечер

Прошли годы. В избранном направлении пройден немалый путь. А.Н.Рябинин более двадцати лет активно занимается творческой работой, активно участвует в художественных выставках различного ранга - областных, региональных, всероссийских, зарубежных. Принимал участие и в совместной выставке чкаловских художников в американском городе Ванкувере. К каждой выставке надо подготовить что-то стоящее, серьезное, чтобы, как говорят, не ударить в грязь лицом. Художник сетует, что из-за материальной необеспеченности приходится что-то делать и ради заработка, идти на компромисс со своими художественными убеждениями. Но это все издержки нынешнего неустоявшегося времени.

Придет, выдастся свободный день, и художник Рябинин, невзирая на все бытовые неурядицы, вновь пойдет в давно знакомые "каманинские" места. Облюбовав место где-нибудь около Вашкина или Хмелина, раскроет этюдник, раскроет большой белый зонт и неторопливой, внимательной кистью будет переносить на полотно лик родной и близкой с детства земли.

**АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ
ШУМКОВ**

Родился в 1939 году в г.Чкаловске. Окончил Горьковский институт инженеров водного транспорта. Работал помощником механика, механиком на судах технического флота, а также в должности старшего инженера на базе ЦКБ по судам на подводных крыльях. Художник-любитель. Неоднократно участвовал в областных выставках самодеятельных художников в Н.Новгороде и совместных выставках чкаловских художников. Выступал с персональными выставками в г. Чкаловске.

А.М.Каманин всегда с большим вниманием и заботливостью относился к самодеятельным художникам. Мне помнится такое его суждение по поводу их творчества:

- Иной раз приходится слышать, как о ком-то говорят - "художник-любитель", и произносят это с некоторым уничижительным оттенком. Я с этим не согласен. Если к таланту приложить упорный труд, так и из любителя может получиться большой мастер. Но если даже и результаты скромны, все равно - что же тут плохого, когда человек наряду с основной профессией еще и рисует, любит это дело и отдается ему всей душой?

Алексей Васильевич Шумков относится именно к этой когорте художников, которых называют то самодеятельными, то любителями, это кому как нравится. В силу тех или иных обстоятельств им не удалось получить специального художественного образования, но жажда к занятиям изобразительным искусством у них сохраняется на протяжении всей жизни. И в этой среде нередко встречаются люди таланта своеобразного, неординарного. Уже самой нестандартной направленностью творческих устремлений они заслуживают к себе внимания. Без сомнения, заслуживает внимания и творчество А.В.Шумкова.

Когда-то кто-то где-то высказал такую тезу: "Если кому суждено стать художником, его хоть каждый день палкой бей - он все равно им станет". С Алексеем Васильевичем Шумковым произошел именно этот случай.

Жизнь с самого своего начала не баловала Алексея. Война, что унесла с собой миллионы жизней, отняла у него родителей. Осиротевшего ребенка определили в детдом. Правда, вскоре нашлись добрые люди, взяли из детдома, усыновили, воспитали, дали образование. Им

Алексей Васильевич благодарен и по сей день.

В школе Алексей был шустрым пареньком, но учился неплохо. Со школьных лет проявилась и тяга к рисованию. В школьных учебниках, в библиотечных книгах и журналах с восхищением разглядывал он репродукции с картин Шишкина и Левитана, Саврасова и Айвазовского. Страстно хотелось научиться писать красками и тоже стать художником-пейзажистом.

Записался в изокружок. Однако там, как и на школьных занятиях, опять надо было рисовать шар, куб, пирамиду. Это показалось скучным, неинтересным. Думалось, что в кружке сразу же и будут учить писать лес, речку, поле... Разочаровавшись, перестал ходить на занятия.

После школы поступил в речное училище, а после него, уже заочно, окончил Горьковский институт инженеров водного транспорта, получил специальность инженера-механика.

Работе на судах технического флота отдано 24 года, и А.В.Шумков был хорошим специалистом, любил и знал свое дело. Вспоминая эти годы, Алексей Васильевич рассказывал немало случаев, когда долго не удавалось раскусить причину какой-нибудь каверзной неисправности двигателя или другого механизма. Первиччал, ночами не спал, но находил-таки, в чем заковыка.

И еще такая деталь. Это рассказывали конструктора, курировавшие ремонт его земмашин. Придет Алексей Васильевич в КБ, весь-то перепачкан маслом и соляркой, а в руках папочка, а в папочке эскиз дефектного узла или детали. И вычерчен этот эскиз так тщательно, так аккуратно - ну, прямо загляденье!

Профессия Шумкова была весьма далека от изобразительного искусства, но в период навигации Волга с ее раздольем, ландшафт берегов, проплывающих мимо во время буксировки, вся окружающая природа волновали душу своей несенной красотой. Как хотелось перенести все это на холст!

Летят журавли

Во время работы на Каме близ Елабуги бескрайние хвойные леса по обеим сторонам реки вызвали в памяти пейзажи одного из его кумиров - И.И.Шишкина. Ведь это те самые места, где Шишкин родился и часто работал.

И вот, наконец, в один прекрасный день Алексей Васильевич решился - купил-таки набор масляных красок, купил кисти. Во время зимнего отстоя, когда свободного времени у водников бывает достаточно, задумал попробовать свои силы на художественном поприще. Сделал подрамник, натянул на него показавшуюся ему подходящей полотняную ткань и принялся за дело. Он задумал написать копия полюбовившегося ему пейзажа с репродукции - там была изображена дубрава с могучими деревьями, раскинувшими во все стороны прихотливо изогнутые ветви.

Шумков совершенно не был знаком ни с техникой, ни с технологией, ни с приемами масляной живописи. Все делал по наитию. Поэтому ему пришлось преодолевать большие трудности чисто технического характера. Тем не менее, он остался доволен своей работой, картина и по сей час висит в его квартире.

Первый шаг был сделан. С тех пор Алексей Васильевич все чаще и чаще стал обращаться к краскам и кистям. Это не встречало особого энтузиазма у жены: "Лучше бы делом каким-нибудь занялся!" Однако постепенно она свыклась, смирилась с этим аномальным явлением.

Со временем стал накапливаться кое-какой опыт в обращении с красками, и Шумков посчитал возможным попробовать силы в создании собственных композиций. Они, первые самостоятельные работы, были темны, монохромны и не очень-то удовлетворяли художника. Немало пришлось попотеть прежде, чем стало получаться что-то сносное.

Ведь Алексей Васильевич не знал даже и элементарных основ изобразительной грамоты, не знал приемов профессиональной живописи. Не имея никакого опыта работы на пленэре, он понятия не имел о законах изменения цвета в зависимости от состояния световоздушной среды. И тем не менее, хотелось, как и в школьные годы, минуя стадию ученичества, сразу "попасть в дамки", писать, как Шишкин, как Айвазовский. Путь художника-примитивиста его никак не удовлетворял.

Шаг за шагом, год за годом Шумков ищет, нащупывает и вырабатывает собственную живописную манеру, отличительной чертой которой является сочетание довольно условного цветового решения с большой старательностью и тщательностью исполнения, с любовной выделкой и пропиской всех деталей.

Пока был занят основной своей работой времени на творчество оставалось мало. Всерьез заняться любимым делом предоставилась возможность только после выхода на пенсию. Вот тогда-то Алексей Васильевич согласно собственному разумению соорудил прочный стационарный мольберт и с удвоенной энергией принялся покорять вершины великого Искусства.

Занятия стали систематическими, не замедлили сказаться и результаты. В пейзажах, пусть по-прежнему освещенных неким нейтральным светом, появился воздух. С большой искусностью Шумков стал писать небеса и воду, все большей материальности добивался в передаче растительных форм.

Успехи А.В.Шумкова не остаются незамеченными. Его работы находят признание и теплый отклик у зрителей на выставках, устраиваемых им в Чкаловске. Его стали регулярно приглашать на выставки самодельного творчества в Нижний Новгород. Занятие живописью стало приносить и кой-какой доход, картины стали потихоньку продаваться...

Сейчас, когда уже наработано изрядное мастерство, Шумков не копирует больше картины любимых художников один к одному. Более интересным стало, взяв за основу тот или иной сюжет, сделать его творческое переложение. Скажем, позаимствовав для своей работы композицию пейзажа И.Левитана "Над вечным покоем", он полностью меняет цветовой строй картины, вместо тревожного, наполненного трагизмом неба, пишет умиротворенно-задумчивые небеса, прикрытые пеленою прозрачных облаков. "Уж больно у Левитана страшное небо. Мне кажется, что так лучше", - говорит Шумков.

Все так же на свой лад интерпретирует художник пейзажи Саврасова, Васильева, Айвазовского. Что-то возьмет у них, что-то привнесет свое. Ну, что же, ничего тут предосудительного нет. Таких приемов в истории искусства немало, этим занимались и Мане, и Гоген, и Ван Гог.

Но, разумеется, не только эти, выражаясь вошедшим в моду словечком, "ремейки" пишет Алексей Васильевич. Немало у него пейзажей с легко узнаваемыми видами как самого Чкаловска, так и его окрестностей. Это, конечно же, не натурные работы, а написанные с использованием фотографий и сообразно с собственным представлением о форме и содержании картины. Они опять-таки написаны не по правилам канонизированного искусства, но это-то обстоятельство как раз и придает им неповторимое своеобразие.

Любит Алексей Васильевич и анималистический жанр, нравится ему населять свои пейзажи разной лесной и речной живностью. Иногда лесные обитатели в его картинах взяты крупным планом, иногда - как одушевляющее дополнение к природному ландшафту. Вот лось, могучий богатырь леса, как бы позировав, поднял увенчанную похожими на крылья рогами горбоносую голову, внимательно смотрит на зрителя...

А вот еще мотив - сохатый остановился на зимней лесной поляне, а из-за заснеженных кустов поглядывает на него, что-то про себя соображая, волк, серый помещик. Вот портрет еще одного лесного красавца - глухаря. А вот изображен и целый тетеревиный ток на весеннем токовинце.

А это уже стая уток пролетает над похорошевшей к вечеру землей, над гладью озера, зеркалом отразившего закатное небо...

Очень часто творческую мысль и воображение художника пробуждают какая-нибудь случайно попавшаяся на глаза открытка или фотография, увиденная в журнале или книге. Конечно же, Шумков опять-таки все это переделывает на свой лад, преломляет сквозь призму собственных художнических представлений.

Случайная встреча

Нередко эти или же уже полностью придуманные самостоятельно пейзажи обретают некие фантастические формы и подспудный философский смысл.

Сюжет одной из подобных картин - ее художник назвал "На краю земли" - таков. Лента дороги избегает на высокий крутояр. Крутояр резко обрывается, дальше - бескрайний простор океана с подернутым мглою горизонтом. Будто ножницами обрезанная, обрывается и избежавшая на этот предел земли дорога. На самом краю крутояра стоит обращенный к океану большой деревянный крест. Сюжет картины нельзя объяснить однозначно, у каждого из зрителей она способна вызвать свои и вовсе не одинаковые мысли и ассоциации...

Одна из последних значительных работ А.В.Шумкова - это серия картин довольно большого формата и с несколько необычной темой. "Героями" полотен стали суперсовременные суда - экранопланы и суда на воздушной подушке. Над их созданием и доводкой работало ЦКБ, где последнее время перед выходом на пенсию трудился и сам Шумков.

Вот эти детища технического прогресса конца XX века и решил увековечить художник и сделал это как всегда необычно, по-своему. На одной из картин экранопланы, суда военного назначения, ведут морской бой - залпом ракет уничтожают вражеский корабль.

Что же тут необычного? Необычно то, что художник поместил сцену боя в среду идиллического пейзажа времен И.К.Айвазовского, и суда-монстры, написанные к тому же безжизненно серою краской, так чудовищно чужеродны, так лишни и дики в этой безмятежной и вечно прекрасной морской стихии!

Художник скорее всего изначально и не задумывал этого контраста и сопоставления, но оно получилось. Получилось само собой, против его воли. И вот опять картина несет в себе смысловой подтекст, опять дает зрителю пищу к размышлению.

Нет, далеко не так прост художник-любитель Шумков. И далеко не правы те, кто признавая право на жизнь только за канонизированным, профессиональным искусством, свысока, с пренебрежением относятся к неординарному самородному искусству самоучек. Ведь все, в конце концов, определяет мера отпущенного Богом таланта...

**ЛАРИСА ВЛАДИМИРОВНА
МАЛИНИЧЕВА**

Родилась в 1964 году в г.Чкаловске.

В 1986 году окончила Городецкое художественное училище.

С 1986 по 1991 год - директор детской художественной школы г.Чкаловска. С 1991 года заведующая художественным отделением детской школы искусств. В 2004 году окончила Нижегородскую инженерно-педагогическую академию.

С 1987 года принимает участие в выставках чкаловских художников, в выставках областного методкабинета.

В один из последних дней сентября 2004 года человек тридцать художников и художниц, приехав в старинное село Пурех, облюбовали для своей работы самый интересный из всех возможных здесь мотивов - Спасо-Преображенский храм - и, встав за этюдники или прикорнув на стульчике, с азартом принялись писать, а кто и рисовать карандашом этот величественный памятник архитектуры начала 17 века. В их числе стояла за этюдником с кистями в руках и Лариса Владимировна Малиничева.

Нет, конечно же, эти тридцать художников не являлись только лишь чкаловскими, хотя были среди них и они. В те дни конца сентября на базе Чкаловского района проходил практический семинар-пленэр директоров и педагогов художественных школ Нижегородской области. Участники пленэра с увлечением работали в самых достопримечательных уголках нашего края - в Катунках, в Пурехе, на живописных берегах реки Санахты.

Семинар оказался весьма плодотворным для всех художников-педагогов. Немало было сделано интересных, удачных работ и одним из его организаторов - заведующей художественным отделением Чкаловской детской школы искусств Л.В.Малиничевой.

Лариса занималась в этой художественной школе - правда, она находилась тогда в другом здании - будучи девочкой-подростком и была одной из наиболее способных ее учениц. Захотелось эти способности как-то реализовать, к чему-то применить, и после окончания средней школы она поступает в Городецкое художественное училище.

К тому времени традиции городецкой росписи прочно утвердились не только на Нижегородчине, не только в нашей стране, но и в зарубе-

жье.

Лариса за время учебы хорошо освоила все стилевые особенности и приемы этой разновидности народного декоративно-прикладного искусства. Вернувшись в Чкаловск в 1986 году, она стала работать директором детской художественной школы.

Когда задаются вопросом, откуда же у того или иного человека появились способности к художеству, то нередко оказывается, что их предки, дедушки и бабушки, тоже были по-своему талантливыми людьми. Вот и у Ларисы и деды, и прадеды были хорошими мастерами гончарного ремесла, а оно, как известно, в высших своих проявлениях тоже является искусством. Бабушка была искусной строчеей-вышивальщицей.

Вкус и тяга к прекрасному по наследству передались и Ларисе. Свидетельством тому ее станковые и прикладные работы. Свои яркие, нарядные декоративные панно Л.В.Малиничева не раз показывала на различных выставках, на праздничных вернисажах в дни города Чкаловска. Все чаще ее акварели и работы маслом появляются на выставках чкаловских художников.

Букет цветов

В 1991 году Чкаловская музыкальная и художественная школы объединились, разместились под одной крышей. В детской школе искусств Л.В.Малиничева стала заведующей художественным отделением.

О своей работе Лариса Владимировна говорит так: "Своей основной целью считаю воспитание подрастающего поколения юных художников. Не только помочь освоить азы изобразительной грамоты, но и на-

учить видеть красоту вокруг себя, привить любовь к природе, к живописным уголкам своей малой родины. Стараюсь помочь каждому ученику поверить в себя, в свои силы и способности, найти свой путь в жизни".

В этих целях Лариса Владимировна всякий раз в начале и в конце учебного года выводит своих питомцев на пленэр, и ребята с увлечением рисуют акварелью и карандашом знакомые места родного города.

Учащиеся школы - частые гости выставочного зала им. А.М.Каманина, здесь они знакомятся с творчеством именитых художников-земляков, а также и с фондовым материалом зала. Юные художники - постоянные посетители проводимых здесь сменных выставок. Особенно приятно бывает ребятам, когда здесь, в стенах выставочного зала, устраиваются выставки их собственных работ. Все это развивает художественный вкус и интеллект, укрепляет интерес и желание заниматься изобразительным искусством.

Весной 2004 года в рамках юбилея В.П. Чкалова состоялся Всероссийский конкурс детского рисунка по теме "И все от рождения крылаты". Конечно, ребятам-чкаловцам нельзя было ударить в грязь лицом, они приняли в конкурсе активное участие, многие стали его призерами.

Художественное отделение детской школы искусств на хорошем счету среди других художественных школ области. С.И.Юсова, заведующая областным методическим кабинетом по учебным заведениям культуры и искусства, говорит: "Чкаловская школа - одна из интереснейших, самобытных. Здесь хорошие преподаватели. Школа богата тем, что у нее за плечами большой накопленный опыт и методика работы. И все это вместе взятое дает хорошие результаты. Учащиеся Чкаловской ДШИ имеют много наград за призовые места и участие в детских художественных выставках самого разного уровня: международных, всероссийских, областных. Я уверена, что в будущем некоторые из них пополнят ряды именитых чкаловских художников".

К такому утверждению есть все основания. Многие учащиеся школы, получив среднее образование и выбирая себе путь, по которому хотели бы идти дальше по жизни, поступают в учебные заведения, так или иначе связанные с изобразительным искусством, выбирают профессию, требующую художественного вкуса.

Кто-то из наиболее талантливых выпускников школы поступает в Нижегородское художественное училище (И.Шмелев, А.Гурьянова). На художника-прикладника резчика по дереву решили учиться в Богородском (Московской области) художественном училище А.Мельников и Е.Борисов. Пять выпускников выбрали для себя профессию художника-дизайнера, учатся или уже окончили Городецкое училище легкой промышленности. Восемь человек решили стать строителями или архитекторами, выбрав для получения высшего образования Нижегородскую архитектурно-строительную академию. Кто-то поступил в Ивановский университет легкой промышленности и будет художником-модельером, кто-то после окончания Нижегородского училища культуры - художником-оформителем. Некоторые поступили в педагогическое училище или педагогический университет, но и им приобре-

тенные навыки в изобразительном искусстве не мешают.

И это результаты только последних лет, к которым причастна сама Л.В.Малиничева.

На самостоятельную творческую работу у Ларисы Владимировны времени остается меньше, чем хотелось бы. Заседает быт, семейные заботы. И все-таки она, как только появляется возможность, пишет этюды и натюрморты - иногда маслом, иногда акварелью. Ее работы невелики по размеру, лишены картинной претенциозности, написаны легко, свободной непринужденной кистью.

Сентябрь

Помогают творческому росту и ежегодные выездные семинары-пленэры, с рассказа о последнем из которых и начал очерк.

После поездок в Васильсурск, в Первомайск Лариса Владимировна делала небольшие выставки-отчеты в фойе ДШИ. Сделала выставку и на сей раз, после нынешнего пленэра.

На этюды кроме самой Л.В. Малиничевой выезжали преподаватель школы Т.С. Силатова и двое учащихся, в том числе и дочь Ларисы Владимировны - Екатерина. Помещены на выставке и их работы.

В последнее время Л.В.Малиничева загорелась желанием попробовать свои силы в технике пастели. Во время пленэра такая возможность предоставилась, и первые опыты оказались весьма удачны.

Каждодневный труд художника-педагога Л.В.Малиничевой не пропадает втуне, уже сегодня видны его результаты. И очень хочется верить в то, что чкаловские традиции изобразительного искусства найдут свое продолжение в наиболее талантливых ее учениках.

**ВАЛЕНТИН ПАВЛОВИЧ
ЛУКИН**

Родился в п.Чкаловске в 1942 году. Окончил Горьковский институт инженеров водного транспорта (1965). Директор мемориального музея В.П.Чкалова (1982-2002) и по совместительству - выставочного зала (1989-1994), а затем картинной галереи им. А.М.Каманина (1994-2001). Награжден Почетной грамотой Министерства культуры РФ. Неоднократно участвовал в областных выставках самодеятельных художников. Персональные выставки: Н.Новгород (1989, 1998), Городец (1996), Чкаловск (2000, 2002). Принимал участие в групповой выставке чкаловских художников в г.Ванкувер (США) в 1994 году.

Есть у меня этюдник, купленный давно, еще в студенческие годы. Этюднику этому больше сорока лет. Старенький. Крышка потрескалась от дождей и солнца. Резьба на винтах у раскладных ножек сносилась, стерлась. Пришлось винты заменить. Но ничего - до сих пор верой и правдой служит старый этюдник.

Иногда, это чаще всего бывает зимой, этюдник мой лежит в бездействии под креслом неделю и две, а то и месяц. Засасывает обыденщина, извечная суeta суeta. Как болото засасывает человека, точно так же медленно, но верно, тонет он в суete.

И вот думаешь: нет, дай схожу все же, хоть погляжу, что творится-делается в природе. А в природе во всякий день, даже и в пасмурный, даже и зимой, звучит потаенная музыка. И она берет, забирает тебя в плен. Незаметно, исподволь. Там, в лесу, в полях сама собою забывается, "жизни мышья суeta", и такими мелкими покажутся те "проблемы", что не давали ночью спать. В душе рождается что-то светлое, высокое.

Возвратишься домой и хотя бы по старым этюдам что-то да сочинишь, напишешь картиночку.

В конце февраля, в начале марта начинается то чудесное время, когда еще не тает, а только подкапывает с крыш, но солнце уже зажигает снега по-весеннему. Пришвин так и назвал это время - Весна Света. И вот тут кончается терпение - вынимаешь из-под кресла этюдник, считаешь с палитры старые, засохшие краски, готовишь нужные кисти: "Пойду схожу в заветные места!" И вот уже приветливо машут ветвями, встречая пропавшего гостя елки и березы, по-крестьянски тепло и ласко-

во глядят вслед блекло-голубыми окнами деревенские избы.

Целый день нишень. Радуеться, если удастся передать в этюде хоть малую толику земной прелести.

В марте симфония Весны и Жизни звучит громогласно, всепобеждающе и мощно. Ручьи журчат, солнце шпарит вовсю. В овраге, захлебываясь от радости, перескакивая с пятого на десятое, рассказывает свои новости ручей. И все в природе меняется с калейдоскопической быстротой.

К концу апреля просыхают уже поля. Хорошеют, вот-вот готовые обзавестись листвой березы и осинки. Благодать разливается по всей земле!

Верба цветет

Опять, стоя возле этюдника где-нибудь у перелеска или на берегу реки, "пачкаешь" холст, изо всех сил стараешься уловить, передать тихую, нежную улыбку на лице Природы.

В мае - своя прелесть. Белой кипенью цветут яблони и вишни. Потом занавестятся черемуха и сирень. Звучит, звучит из года в год, из века в век возвращающаяся, но всякий раз неповторимая, симфония Жизни!

А вот и лето пришло со своими щедротами, с дождями, с грозами, с теплом. Летние вечера - сколько в них колдовской, чарующей прелести!

Когда томящая июльская теплынь,
В вечерний час хотя б немного схлынет,
Запахнет явственнее горькая полынь,
И станут тени глубоки и сныи.
В реке в безветрии уляжется вода,
И тут же по поверхности зеркальной
Доверчиво протянутся тогда
Березок отраженных вертикали.
Обдаст росой скаты старых крыш,
Потянет от реки сырой прохладой,
Забыв про все, на Божий мир глядишь,
И ничего в тот миг душе не надо.

Летними вечерами в предзакатный час где-нибудь у реки бывают минуты, когда непонятная колдовская сила овладевает всем существом, забирает в плен душу, и от этих чар немеешь, теряешь дар речи, и только мысленно ахнешь да охнешь, озираясь вокруг на разлившуюся по земле красоту.

... Осень приходит, подкрадывается незаметно. А осень для художника - изюбр всех праздников праздник. Осень - это пиршество красок. Куда ни глянь - всюду парчовое разноцветье.

Осенью всегда пишешь с азартом, с воодушевлением. Жаль, быстро гаснут ее краски.

... Вот и прошел год. Да, что там, прошел. Промчался, пролетел. Мало чего успел за год сделать. Ну, может, всего-то десятка три этюдов. А ведь это были самые счастливые в году дни! Ведь в эти дни, проведенные под открытым небом со своим старым товарищем этюдником, ты жил, беседовал, дышал одним дыханием с Природой, слушал и впитывал чарующие звуки великой симфонии Жизни!..

Ну, а когда же и с чего вот это все началось? Нет, не с того дня, конечно, когда был куплен новенький, симпатичный этюдник. Началось немного пораньше. Мне было лет четырнадцать, когда школьный учитель рисования С.П.Алексеев, заприметивший мое прилежание и некоторые способности к его предмету, как-то отозвал меня в сторонку и предложил: "В воскресенье на этюды с Каманиным пойдём. Если желание есть, пошли с нами".

Как изволновало, как взбудоражило тогда это предложение! Пойти на этюды с "самим" Каманиным! Ведь он тогда уже был художником большой известности.

У меня к тому времени был уже маленький самодельный ящичек-этюдник и коробочка так называемых ученических масляных красок, и я отважился-таки пойти на этюды с "настоящими" художниками. День был чудесный, солнечный, золотой. Это, должно быть, было начало апреля. Художники работали долго, с утра и чуть ли не до вечера. И выходило у них все так замечательно, ловко и здорово!

В конце работы Александр Михайлович подошел ко мне взглянуть - что же у меня получилось. "А солнышко-то откуда у тебя светит? Справа или слева?"

Солнышко пока художники писали, сделало по небосводу почти

полкруга, вот так у меня и вышло, что где-то оно освещает предметы с одной стороны, а где-то - с другой. "Нет, братец, и состояние, и освещение первоначальное надо запомнить, держать в голове, его и изображать..."

Как досадно было мне за свой промах!.. И мог ли я знать, сколько подобных промахов ждет впереди...

Но вот именно с этого дня начались эти встречи с природой, безмолвный разговор с нею, который продолжается и по сей день.

После окончания школы были годы учебы в институте водного транспорта, потом - работа в Карелии, служба в армии. Наконец, после семилетнего отсутствия вернулся я в свой Чкаловск и вновь возобновились вылазки на природу со старшими моими приятелями С.П.Алексеевым и А.М.Каманиным.

Когда они впервые увидели, как я раскладывал свой новенький этюдник, оба в голос обрадованно воскликнули: "Ого! Видать всерьез решил за это дело взяться!"

Решить-то решил. Решать легко, а вот сделать хоть что-нибудь путное долго не удавалось. Казалось бы чего проще - гляди, как пишет Каманин, да и сам делай так же. А как бы так! Если бы так обстояло дело, то и всякий дурак мог бы стать художником.

Неудачи в работе приносили разочарования. Иной раз совсем опускались руки, и хотелось бросить все к чертям собачьим. Но старшие товарищи поддерживали, ободряли: "Ну, бросишь ты рисовать, что - лучше, интересней тебе будет жить? Что для тебя самое интересное? Рисовать? Вот и рисуй. Это только у гениев сразу-то все получалось, так ведь их единицы..."

Александр Михайлович мне в утешение то кисточку "самописку" подарит, то тюбик краски какой-нибудь дефицитной. Глядишь и опять забрезжит, затеплится впереди далекий, манящий огонек, и опять побредешь вместе с ними на этюды...

Основным советчиком и подсказчиком был по-прежнему С.П.Алексеев. От него я узнал как грунтовать картон и холст, как приготовить качественное масло для живописи и много чего другого. С ним и на этюды ходили, конечно же, чаще, ведь Каманин в Чкаловске бывал лишь наездами. У Каманина совет бывал почти всегда один и тот же: "Поработать, поработать еще надо!.."

Однако же он сам с его неистощимой жаждой к работе, с беспредельной любовью к природе и искусству был и остается лучшим примером и уроком на всю оставшуюся жизнь.

Шло время, и вот постепенно что-то все же стало получаться и у меня. Мои картинки стали появляться на областных выставках самодеятельных художников. И А.М.Каманин все чаще и чаще говорил: "Ну, что ж - ничего, ничего... Можно и так писать".

Мне было уже лет тридцать, когда довелось познакомиться с замечательными художниками и людьми С.М.Каманиным и Н.М.Маркиным. Им обоим так хотелось вытащить меня из болота дилетантизма!

Сергей Михайлович при первой же совместной вылазке на этюды давал вроде бы и парадоксальные, а все-таки дельные советы. Они и сейчас помнятся.

"Мотив пейзажа надо сначала хорошо почувствовать, даже, лучше сказать, прочувствовать. Потом увидеть, понять. Почувствовать музыку, поэзию пейзажа - этому вас никто не научит. Это врожденное качество, либо оно есть, либо нет. А вот смотреть - хотите научу?"

Он встал спиной к выбранному мной мотиву, широко расставил ноги, а потом, нагнувшись, заглянул в образовавшееся меж ног пространство. Я решил, что это так - очередная шутка.

"Что вы смеетесь? Вы попробуйте, поглядите. В таком перевернутом положении видится все цельно, глаз деталей не замечает, а смотрит на все сразу. Четко видны отношения между большими массами, а это самая первая и самая важная задача. С ее решения и надо начинать".

Потом при встречах, беседах, просмотрах моих этюдов, совместных походах на этюды С.М.Каманин давал множество всяческих советов. Некоторые из них, самые важные, как заповеди написал я на внутренней стороне крышки этюдника.

Н.А.Маркин по приезду в Чкаловск всякий раз устраивал просмотр моих работ. Он не давал каких-то общих рекомендаций, а указывал на явные промахи и ошибки. Потом я их исправлял, и этюд, действительно, становился лучше.

А вот еще памятен и такой урок.

Мы договорились пойти на этюды с С.П.Алексеевым, к нам присоединился и находившийся в это время в Чкаловске А.М.Вагичев. Этюдника у него в тот раз с собой не было, а только походный, карманный альбомчик. Вот он почеркал, почеркал - что-то скучно стало. Подошел ко мне, выхватил у меня кисть, выдавил на палитру побольше красок и стал наносить на холст ловкие, энергичные мазки.

"Краску надо выдавливать из кисти - ну, вроде, как мыльную пену из помазка при бритье. Не сопли растирать по холсту, а фактуру создавать. Написал, скажем, вот этот участок и больше тут не трогай, не мусоль".

В течение жизни много было встреч, бесед, совместной работы с художниками очень разными и по темпераменту, и по взглядам на живопись. Каждый старался обратить в свою веру. Я слушал и то, что мне подходило, старался использовать в своей работе.

... И вот мне перевалило за сорок. Я уже несколько лет проработал директором музея В.П.Чкалова, когда, узнав о моем увлечении живописью, мне предложили сделать выставку в Нижнем Новгороде в музее Н.А.Добролюбова. И каталог тогда сделали, и афиши по городу развесили. Ответственный для меня был момент. На выставку, не поленился, сходил М.А.Каманин. При первой же встрече сказал мне: "Ты вот все прибедняешься. А я посмотрел - почти все работы на хорошем, профессиональном уровне. Еще и после училища далеко не все так-то пишут".

Эти ободряющие слова М.А.Каманина были как елей на сердце. Ведь художник художника редко искренно похвалит.

После его слов укрепилась вера в самого себя, в свои способности и силы. Я, наконец, почувствовал себя художником, пусть с негромким, но собственным голосом.

Выставки моих работ устраивались впоследствии еще раз в Ниж-

нем Новгороде, в Городце, неоднократно в Чкаловске. Принимал участие в совместной выставке чкаловских художников в городе Ванкувере (США). Успехи, в общем-то, весьма скромные.

И все же я не сетую на то, что не пришлось выйти на широкую дорогу искусства. Это ничего. У всякого своя судьба, своя доля. Я доволен уже и тем, что мне отпустил Господь.

Я счастлив тем, что интерес и любовь к искусству подарили мне встречи с замечательными людьми и многие дни, проведенные вместе с ними в общей огромной мастерской, имя которой Природа. Я, как мог, как сумел, рассказал о них, но сколько всего осталось за рамками этих рассказов! Вновь и вновь сами собою всплывают, как живые, картины, связанные с совместными походами в окрестные места.

Перелески

... Вот зимним февральским днем идем мы втроем по натопленной тропе от Жукова к Ваулинскому оврагу. Идти легко, потому что вся амуниция наша находится в плетеных санках, которые мы везем по очереди. Я совсем еще мальчишка - лет пятнадцать-шестнадцать. Мои спутники, мои учителя - С.П.Алексеев, А.М.Каманин - втрое, вчетверо старше меня. Но ничего, я им не в обузу.

День чудный, солнечный, с легким морозцем. А вот и мостик с перильцами через ручей, он вечно побулькивает под тонкой корочкой льда, а местами так и вовсе не замерзает. А вот и баньки на пригорке. Это и есть наша "Барбизония".

Александр Михайлович вытаскивает в глубоком сугробе окопчик для работы. Снегу так много, что когда он в этот окопчик забирается с этюдником и холстом, то становится видно одну только его голову с покрасневшим от морозца лицом. Вот он потихоньку замурлыкал песенку. Значит, принялся за работу...

На краю Ваулинского оврага стояла банька - ее давно уж нет и в помине - эту баньку мы в шутку называли кафе "Эль Греко". У этой баньки в течение многих лет устраивались наши перекуски и чаепития. Весною на солнышке около баньки очень скоро вытанвал рыжий пригорок, и мы располагались там со своими термосами, с бутербродами и пряниками, а то и с пирогами. Семену Петровичу Алексею его жена Капитолина Павловна по весне нередко пекла пирожки с яйцами и с зеленым, выращенным на окне, луком. Как они были вкусны на свежем воздухе, под золотым солнцем и голубым небом!

... Вот я смотрю на пейзаж Н.М.Мочалина, он называется "Я из леса вышел". В тот мартовский день поутру был заморозок, всюду установился налет, и к месту, выбранному для этюда, мы прошли без всяких помех. Однако в течение дня солнце так размягчило тропу, что когда мы, закончив этюд, вышли из леса, то с каждым шагом проваливались в эту кашу чуть не по пояс. Пот ручьями тек по лицу, по спине и ниже. А что делать? Надо идти. Когда пришли домой, нижнее белье было мокрым - хоть выжимай.

Нередко во время этюда застигает пурга, так завьюжит, заметет - свету вольного не видать!

А как летом донимают комары, слепни! А как часто бывает, что после нещадного июльского зноя вдруг вылезет из-за горизонта страшная, черная туча, и хлынет ливень, с ветром, с градом, разверзнутся хлиби небесные, и водопады низвергнутся с высот. Нитки сухой не остается после такой водной процедуры!

Но все искупает какой-нибудь волшебный золотой вечер, когда не шелохнется ни один лист, ни одна морщина не тронет гладь воды с отраженными в ней берегами. В такой вечер будто ангелы златокрылые незримо летают в воздухе, воздавая хвалу творенью Божьему, всей поднебесной земной красоте.

... Завтра со своим стареньким этюдником я вновь пойду по лесным тропкам в знакомый с детства Ваулинский овраг на свидание с Природой. И вновь начнется сокровенный, до сих пор не перестающий волновать душу, любовный разговор.

Оглядываясь на прошлое, задаешься вопросом: что же в жизни было более всего дорого и любимо? Что придавало жизни смысл? И сам себе отвечаешь - искусство, живопись, природа...

В.И. ЧУПРУНОВ, Грибы

В.И. ЧУПРУНОВ, Портрет односельчанки

А.М. КАМАННИН. Уж небо осенью дышало

А.М. КАМАННИН. Зима в Василеве

С.М. КАМАННИН. Волжские дали

С.М. КАМАННИН. Опушка леса

М.А. КАМАНН. Чкаловск

М.А. КАМАНН. Земля в наряде осени

Н.А. МАРКИН. Василево в начале XX столетия

Н.А. МАРКИН. Устье реки Санахты

А.М. ВАГИЧЕВ, Бабки ржи

А.М. ВАГИЧЕВ, Горьковское море

О.П. КЛЮКИН. Дорогие места

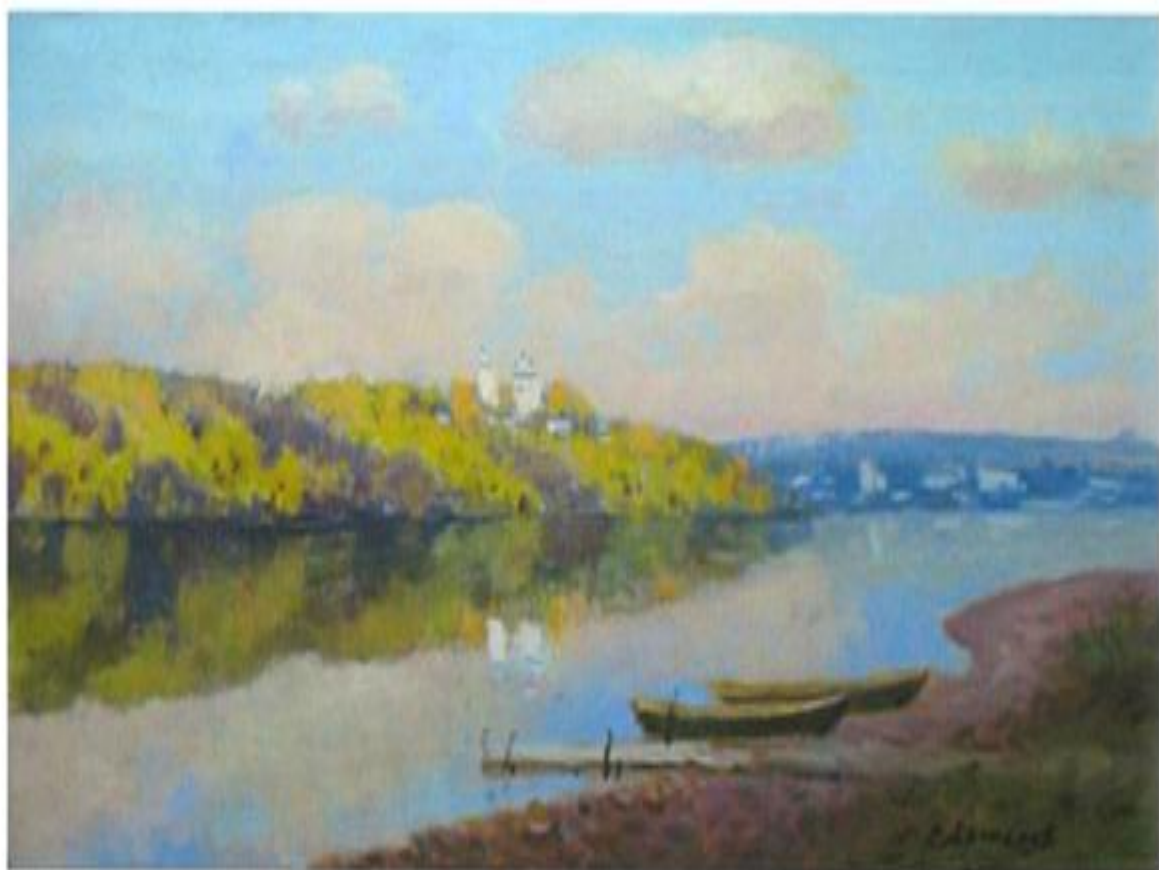

О.П. КЛЮКИН. Провинция

С.П. АЛЕКСЕЕВ. Начало весны

С.П. АЛЕКСЕЕВ. Вечерний свет

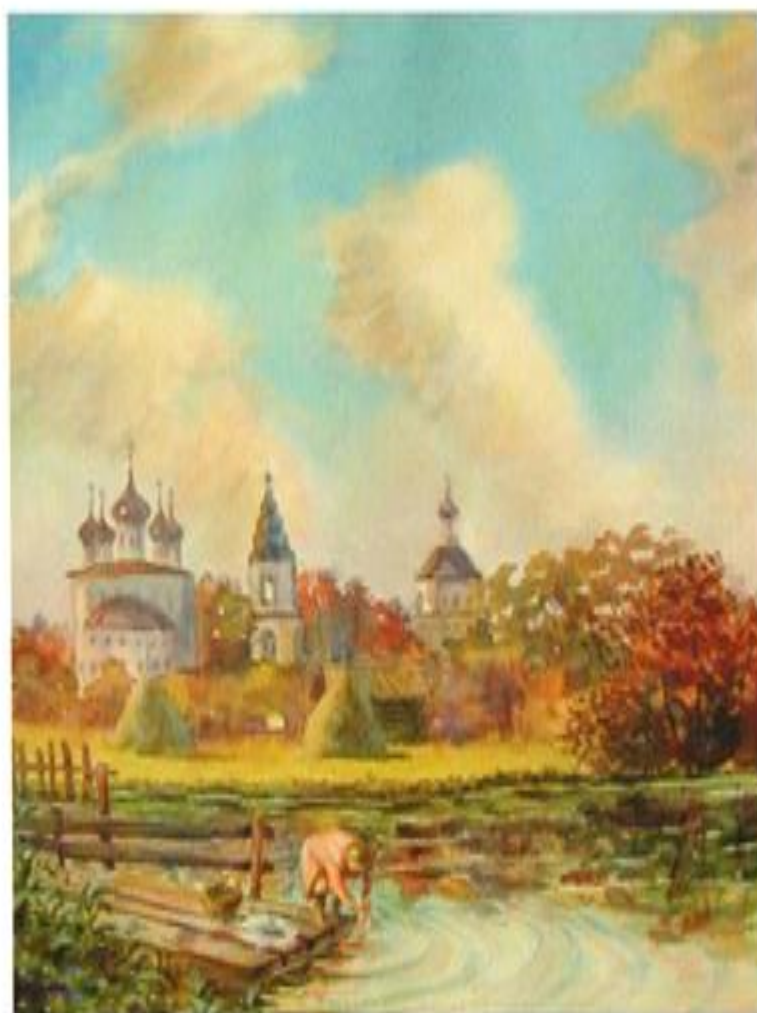
Н.М. МОЧАЛОВ, Василевские просторы

Н.М. МОЧАЛОВ, Листопад

А.Д. ТЕРЕНТЬЕВ. Дорога на Сицкое

А.Д. ТЕРЕНТЬЕВ. Нижний Ландех

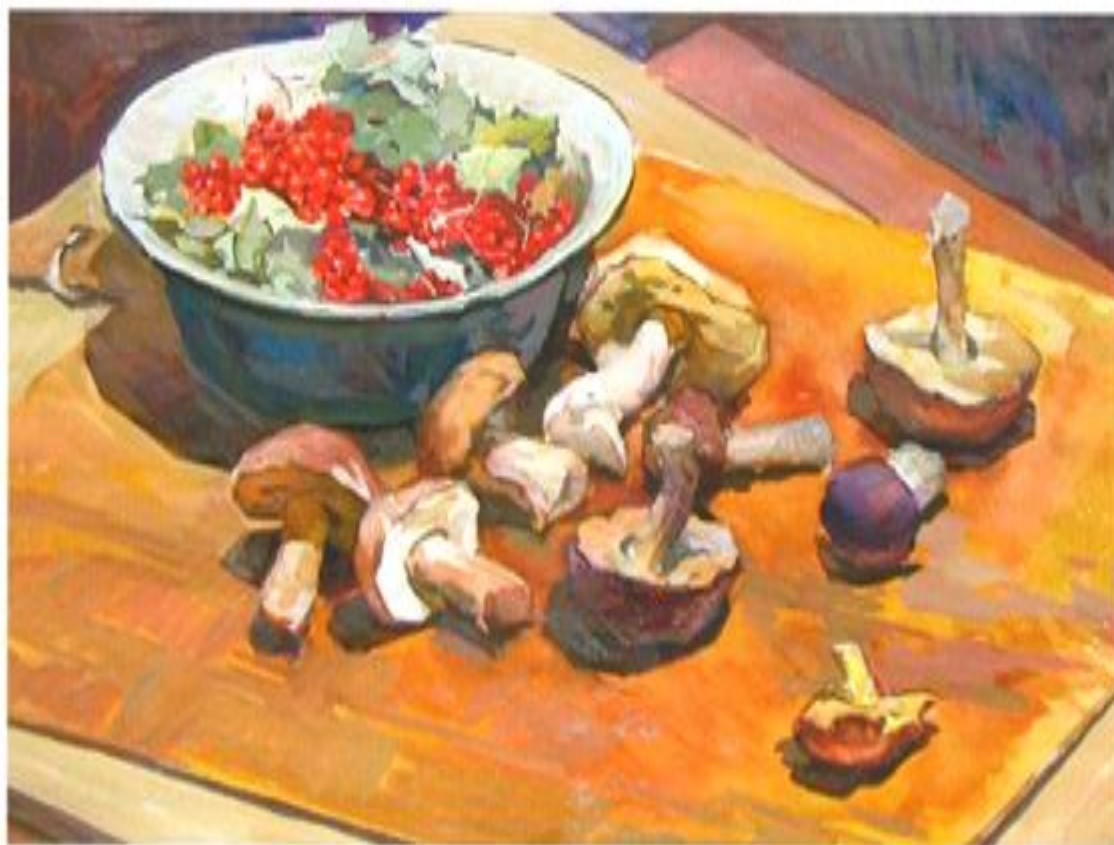

В.В. БЕРЕЗИН. А.С. Пушкин

В.В. БЕРЕЗИН. Поэт

В.Н. НЕНАЕЗДНИКОВ. Грибы

В.Н. НЕНАЕЗДНИКОВ. Солнечный денек

Ю.А. ПЕТУХОВ. Пушкин на маскараде

Ю.А. ПЕТУХОВ. Трагедия революции

В.Е. ВИНОВАТОВ. Дом Рукавишниковой

В.Е. ВИНОВАТОВ. Апрель

А.Н. РЯБИНИН. За околицей

А.Н. РЯБИНИН. Зимний день

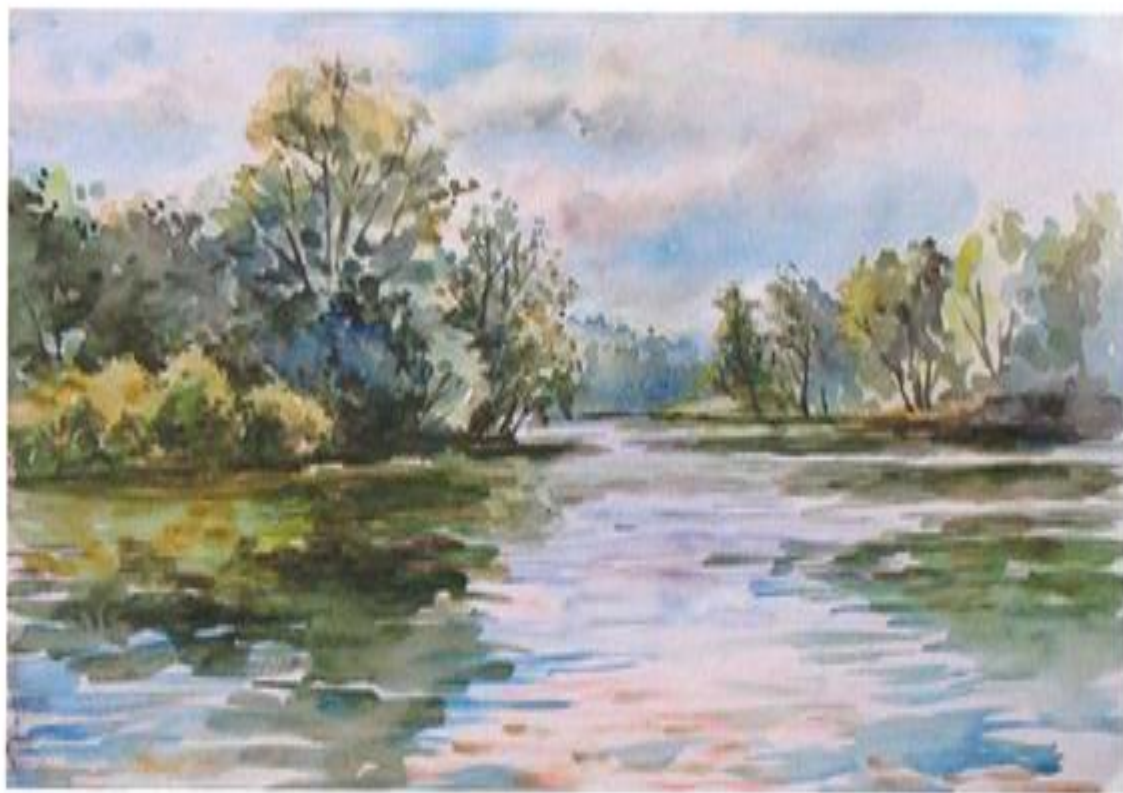
А.В. ШУМКОВ. Тетеревиный ток

А.В. ШУМКОВ. Восход солнца

Л.В. МАЛИНИЧЕВА. Покровская гора

Л.В. МАЛИНИЧЕВА. Весенний разлив

В.П. ЛУКИН. Иней

В.П. ЛУКИН. Март

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Питомцы волжских берегов . . . . .</i>	<i>6</i>
<i>Чупрунов В.И. . . . .</i>	<i>12</i>
<i>Каманин А.М. . . . .</i>	<i>18</i>
<i>Каманин С.М. . . . .</i>	<i>25</i>
<i>Каманин М.А. . . . .</i>	<i>31</i>
<i>Маркин Н.А. . . . .</i>	<i>38</i>
<i>Вагичев А.М. . . . .</i>	<i>44</i>
<i>Клюкин О.П. . . . .</i>	<i>49</i>
<i>Алексеев С.П. . . . .</i>	<i>55</i>
<i>Мочалин Н.М. . . . .</i>	<i>61</i>
<i>Терентьев А.Д. . . . .</i>	<i>68</i>
<i>Березин В.В. . . . .</i>	<i>73</i>
<i>Ненаездников В.Н. . . . .</i>	<i>78</i>
<i>Петухов Ю.А. . . . .</i>	<i>84</i>
<i>Виноградов В.Е. . . . .</i>	<i>90</i>
<i>Рябинин А.Н. . . . .</i>	<i>96</i>
<i>Шумков А.В. . . . .</i>	<i>100</i>
<i>Малиничева Л.В. . . . .</i>	<i>106</i>
<i>Лукин В.П. . . . .</i>	<i>110</i>
<i>Репродукции . . . . .</i>	<i>117</i>